

Южный федеральный университет
Высшая школа бизнеса
Центр политической концептологии

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

*Труды совместной лаборатории теоретического россиеведения
(выпуск 3)*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРЕВОГА: ПРОБЛЕМА ЛЖИ И ЦИНИЗМА В ПОЛИТИКЕ

Ответственный редактор В.П.Макаренко

Ростов-на-Дону
2015

УДК 32.019.5

ББК 66.3

И73

Печатается по решению Ученого совета Высшей школы бизнеса
Южного федерального университета

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Т.А. Марченко;
доктор социологических наук, профессор Е.Л. Шилкина

И73 Интеллектуальная тревога: проблема лжи и цинизма в
политике : коллективная монография / Отв. редактор
В.П. Макаренко; Южный федеральный университет. – Рос-
тов-на-Дону : Издательство Южного федерального универси-
тета, 2015. – 270 с.
ISBN 978-5-9275-1663-6

В книге рассматривается принципиальная противоположность
истины и политики, а также конкретные проявления политиче-
ской лжи и политического цинизма в современной России.

Адресуется научным работникам, государственной и муницип-
альной администрации, преподавателям, аспирантам и студентам
вузов, всем интересующимся современной политикой.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-1663-6

УДК 32.019.5
ББК 66.3

© Макаренко В.П. (составление и общая редакция), 2015
© Южный федеральный университет, 2015

Содержание

Часть 1. Идеи великого современного философа	5
<i>В.П. Макаренко</i> Уроки Ханны Арендт: как создать интеллектуальный противовес власти в системе организованной лжи.....	5
<i>С.П. Поцелуев</i> Истина и политический контекст: к публикационным нюансам одного из шедевров Ханны Арендт	41
Часть 2. Политический цинизм: концепт и постсоветская реальность (стенограмма Всероссийской научной конференции 27-28 марта 2015 г., Ростов-на-Дону)	67
<i>Л.Д. Гудков</i> От двоемыслия к цинизму: общественная цена стратегии понижающей адаптации (по материалам исследований Левада-центра)	69
<i>А.В. Оболонский</i> Политический цинизм: концепт и российская реальность	107
<i>В.П. Макаренко</i> Внеконтекстуальные проблемы системы организованной лжи.....	123
<i>А.Н. Олейник</i> Конфликт формальных институтов и «человеческого» как источник политического цинизма	131
<i>В.А. Шкуратов</i> Между туземцами и элитой: баланс эндогенности и экзогенности в российской политической идентичности	151
<i>А.В. Лубский</i> Публичные интеллектуалы и политический цинизм	171
<i>С.А. Денисов</i> Политико-правовой нигилизм и цинизм административного класса современной России	193
<i>М.С. Константинов</i> Политический цинизм в контексте российско-украинской информационной войны.....	207
<i>Н.А. Кравцов</i> Политический цинизм и эстетическое убожество	215
<i>Е.Г. Трубина</i> «По большому»: городская инфраструктура и власть над пространством	219
Приложение	
<i>В.П. Макаренко</i> О вкладе товарища Сталина в теорию и практику юмора	241
Литература.....	257
Сведения об авторах.....	268

Часть 1. Идеи великого современного философа

УРОКИ ХАННЫ АРЕНДТ: КАК СОЗДАТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОТИВОВЕС ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЛЖИ

В.П. Макаренко

Во введении к эссе «Истина и политика» Ханна Арендт пишет, что она хочет обсудить два вопроса: всегда ли надо говорить правду? почему в «дебатах» по поводу репортажей Ханны Арендт о процессе в Иерусалиме над нацистским военным преступником Эйхманом (которые затем составили книгу «Банальность зла») звучало много лжи о ее репортажах и фактах, которые она сообщала? По мнению Арендт, данные вопросы важны вне контекста, поскольку помещают вечно живую и злободневную тему в «брешью между прошлым и будущим»¹.

Замечание выдающегося политического философа XX века позволяет сформулировать цель данной статьи: дать реферат основных идей, поставленных Ханной Арендт в книге «Банальность зла» и эссе «Истина и политика»; вычлениить и прокомментировать внеконтекстуальные проблемы, содержащиеся в этих трудах. Данные цели связаны с множеством когнитивных и политических мотивов.

¹ Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. Пер. с англ. и нем. Д.Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара. 2014, с.334

Как быть выше толпы?

Внутренние мотивы вытекают из факта: прежде всего я читатель гуманитарно-философской литературы. В начале 2015 года одна дама 52 года спустя напомнила мне, что в ранней юности мы встречались с нею в районной библиотеке одного из украинских городишек и вели разговоры «о высоких материях». Что уже тогда я советовал ей прочесть «Диалектику природы» Ф.Энгельса и внушал: «Надо быть выше толпы», «Надо суметь быть в грязи и не запачкаться». Я эти факты и сентенции давным-давно позабыл. Однако они тогда меня чем-то вдохновляли. А знающие меня на протяжении последних пятидесяти лет люди могут свидетельствовать: жил и живу ли я по этим принципам или нет?

В любом случае полувековое чтение, штудирование и перечитывание трудов по различным отраслям гуманитарных знаний привело к тому, что как читатель романов и прочей беллетристики я атрофировался. В книгах меня интересуют прежде всего идеи. Мои первые аспиранты не дадут соврать: одно время при общении с ними я ставил им вопрос: «Где идея?» За небольшим исключением (о нем надо писать особую статью) обильного урожая идей от своих студентов и аспирантов я пока не собрал. Приходится довольствоваться собственным производством идей, возникающих на стыке между книгами, наблюдением, житейским опытом и постоянным размышлением об этом стыке. После выпуска моей первой книги старый приятель назвал меня экзегетом. Чем я до сих пор горжусь.

Потому что чтение, походы в библиотеки, размышление и обсуждение книг с первого класса школы стали моим образом жизни. Первой прочитанной мною книгой Ханны Арендт были «Истоки тоталитаризма». После чтения у меня возникло чувство досады. Сошлюсь на первоклассного читателя. Александр Генис пишет по поводу «Винни-Пуха»: «К несчастью, я об этом узнал на полвека позже, чем следовало. Советский ребенок и ел и читал только то, что доставали родители. Дефицит книг был обиднее продуктового. На не выработавшего иммунитет читателя обрушилась череда «Моих первых книжек» под универсальными названием «Ленин и Жучка». Хорошо еще, что оба не оставили следов»².

² Генис А. Уроки чтения: камасутра книжника. – М.: АСТ, 2013, с.251-252

Возникают вопросы: почему же в 18-летнем возрасте я был лишен возможности хотя бы взять в руки «Истоки тоталитаризма» и морочил голову ровеснице «Диалектикой природы»? почему я и мои ровесники смогли прочесть классический текст почти столетия спустя после его выхода, когда все порожденные им дискуссии ушли из политической сферы в академическую, потеряв большую часть своей политической остроты? кто выиграл и выигрывает до сих пор от российского отставания на мировом рынке чтения и формулировки идей? кто ответит за культивирование этого отставания до сих пор, предлагая взамен мировой мысли российско-хуторянскую политологию?

На эти вопросы я не получил ответа до сих пор. Зато после чтения «Истоков тоталитаризма» испытал чувство восхищения перед интеллектуальным мужеством Ханны Арендт. В ее книге поставлено множество острых и все еще не решенных проблем. Среди прочего Арендт обвиняет собственных соплеменников за то, что они сами подготовили Холокост, предоставляя свои денежные мешки в распоряжение власти различных стран Европы в период становления современного государства. Ко времени чтения книги Арендт я уже знал, что Карл Маркс с молодых ногтей презирал банкиров и ставил их ниже промышленников³. Со времени написания «Тезисов о Фейербахе», в которых четко сформулировано противопоставление грязно-еврейской (*schmutzlich-judische*) и революционной практики, до теории товарного и денежного фетишизма, развитой в «Капитале», эта нота звучит в творчестве Маркса постоянно. Означает ли этот факт, что в «Истоках тоталитаризма» Арендт развивала данную идею Маркса? Требуется особое исследование для ответа на вопрос, который возник у меня при первом чтении ее книги. И хотя такого исследования я еще не провел, а всю арендтоведческую литературу не проштудировал под этим углом зрения, вопрос не помешал, а даже усилил мое чувство восхищения умнейшей женщиной XX века. Ведь далеко не у каждого мужчины найдется мужество подвергать критике народ, к которому принадлежишь. Я думаю, пример Ханны Арендт остается универсальным и значимым до сих пор. Его можно и нужно распространить на индивидов всех наций. К своей собственной нации и государству надо относиться наиболее критически! — так звучит урок Ханны Арендт, в том числе по адресу нынешних

³ Знал потому, что к тому времени прочел с карандашом все второе собрание сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса на русском языке.

адептов «русского мира»⁴. Одновременно я убедился в правоте моего школьного учителя, который учил нас: «Женщина облагораживает человека». На основании моего жизненного опыта могу дополнить учителя: далеко не все женщины на это способны. Творчество Ханны Арендт позволяет обсудить проблему интеллектуального благородства.

Теперь скажу о личных сценках с ее творчеством. В 1990 г. я выпустил книгу «Революция и власть», в которой есть глава «Шут или клоун?». В ней я определил Сталина как злого клоуна. Социологические данные свидетельствуют, что до сих пор около 50% населения России все еще видит в нем «великого человека» и «выдающегося государственного деятеля». Значит, мой подход к Сталину не устарел⁵. Читая книги Ханны Арендт, я неожиданно обнаружил в ней союзника и одновременно убедился, что открыл велосипед. Среди прочего она пишет, что Гитлер и Сталин «...благодаря их роли в современной истории, незаслуженно удостоились канонических биографий. Как бы тщательно Ален Балок в книге о Гитлере и Исаак Дейчер в биографии Сталина ни соблюдали формальные приемы жанра, взгляд на историю в свете этих не-личностей мог привести только к фальсификации – к вводу этих персонажей в приличное общество и к более тонкому искажению событий. Если мы хотим увидеть и события, и личности в верном масштабе, мы по-прежнему должны обращаться к намного более документированным и фактически неполным биографиям Гитлера и Сталина, написанным соответственно Конрадом Хайденом и Борисом Суваринным»⁶.

Прочитав это, я ощутил чувство «избирательного сродства» с Ханной Арендт за оценку советского вождя и нацистского фюрера как серых бездарей, а не «исторических личностей». В книгах и статьях по проблеме бюрократии я многократно писал, что эпитонство и бездарность – главные признаки абсолютного большинства «государственных мужей и полководцев». Этот вывод может быть обоснован методологически, исторически, политически и со-

⁴ Ту же идею можно сформулировать в языке Ильи Сельвинского:

Я люблю без лихого гусарства,
Лобызавшего дедов пистоль.
Просто боль моего государства
Это моя боль.

⁵ Чтобы читатели могли в этом убедиться, помещаю в приложении модернизированную статью 25-летней давности «О вкладе товарища Сталина в теорию и практику юмора».

⁶ Арендт Ханна. Люди в темные времена. М., Московская школа политических исследований, 2003, с.69

циологически. А порывшись в Рунете, обнаружил, что книг Конрада Хайдена и Бориса Суварина на русском языке до сих пор нет. По крайней мере, они не переизданы в богатую (для России) на переиздания прошедшую четверть века. Кроме подозрения к этому факту логично предположить, что оценка Ханны Арендт кого-то до сих пор задевает. Уже есть исследования, позволяющие двигаться в этом направлении, как в России, так и мире в целом⁷. Значит, ее труды имеют прямое отношение к современной политике.

К внешним мотивам статьи следует отнести систему тотальной лжи, которую пропагандирует нынешнее правительство страны в связи с событиями в отношениях между Россией и другими постсоветскими странами, включая Украину. Требуется надежное теоретическое средство опознания и систематизации лжи для противодействия ей. Я уже писал, что работы Ханны Арендт образуют базис концепта когнитивного сопротивления⁸, но специально под таким углом зрения еще не рассматривал все ее работы. Вначале я хотел просто републиковать эссе «Истина и политика» в журнале «Политическая концептология». Чтобы получить разрешение на публикацию, позвонил главному редактору издательства Института Гайдара В.В.Анашвили. Там в 2014 г. издан сборник работ Ханны Арендт «Между прошлым и будущим», в котором опубликована эта статья. Но разрешения не получил. Книга опубликована тиражом 1000 экз. на всю Россию. Поэтому тешу себя надеждой, что реферат основных идей эссе Ханны Арендт будет способствовать популярности книги.

Правда, реферирование входит в состав традиционной доксографии, а некоторые философы (например, Р.Рорти) считают ее пережитком. Но даже эта минимальная цель позволяет поставить вопрос: какой подтекст общих положений и рассуждений, содержащихся в эссе «Истина и политика»? Под таким углом зрения я прочел книгу «Банальность зла». И хочу здесь поделиться с коллегами итогами чтения: «Читательское мастерство шлифуется всю жизнь, никогда не достигая предела, ибо у него нет цели, кроме

⁷ См.: Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006; Добровольский Я. Философия глупости. История и реальность того, что иррационально / Пер. с польск.- Харьков, изд-во «Гуманитарный Центр», 2014.

⁸ См.: Макаренко В.П. Проблема когнитивного сопротивления // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012, № 2. Электронный ресурс <http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/05.pdf> Проверено 27.2.2015

чистого наслаждения. Чтение есть частное, портативное, общедоступное, каждодневное счастье – для всех и даром»⁹. Иначе говоря, эта статья может считаться обычными заметками читателя.

Политический соблазн

«Банальность зла» посвящена описанию судебного процесса над нацистским преступником Эйхманом и мыслей, возникших у Ханны Арендт во время наблюдения и размышления о перипетиях данного процесса. В эпилоге книги Арендт констатирует *главную правду XX века*: к концу Второй мировой войны все понимали, что технический прогресс в создании средств насилия сделал «преступную» войну неизбежной. Устарели различия между солдатом и гражданским лицом, армией и мирным населением, военными объектами и мирными городами, на которых покоились дефиниции военных преступлений Гаагской конференции. «На самом деле эти преступления уже никак не зависели от войны, они ознаменовали собой политику продолжения систематических убийств в мирное время. Перед рассмотрением этого преступления судьи в Нюрнберге чувствовали себя неуверенно и суть которого они оставили потомкам в соблазнительно двусмысленном состоянии. Понятие об агрессии как тягчайшем международном преступлении было молча забыто»¹⁰.

Продолжение систематических убийств в мирное время и забвение понятия агрессии как тягчайшего международного преступления образуют актуальный до сих пор политический соблазн, в который впадают большинство государственных деятелей. Тексты Ханны Арендт могут служить проводником для конкретного описания природы соблазна. Она напоминает, что в отношении суда над нацистскими военными преступниками было выдвинуто два предложения: создать трибунал из состава стран-победительниц; поскольку преступления нацистов касаются всего человечества, все нации мира должны быть допущены к процессу. Второе предложение выдвинул Карл Ясперс. Но оно осталось до сих пор нереализованным.

Стало быть, в настоящее время мир находится в двусмысленном положении. Оно определяется нереализованной возможностью всемирного международного суда над военными преступниками в

⁹ Генис А.А. Уроки чтения: камасутра книжника. – Москва: АСТ, 2013, с.14-15

¹⁰ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. – М.: Издательство «Европа», 2008, с.383-384

условиях снятия различия между мирным и военным состоянием с одновременным забытьем понятия агрессии как тягчайшего международного преступления.

Прежде всего дам очерк аргументов, которые приводит Ханна Арендт при обосновании указанной главной правды. В «Банальности зла» к ним относятся: описание противоположности между политическим и юридическим подходом к устройству судебного процесса над военными преступниками; характеристика личности военного преступника; описание коллаборационизма с нацистами; феномен законопослушности.

Противоположность между политическим и юридическим подходом к устройству судебного процесса. При организации суда над Эйхманом Д.Бен-Гурион предлагал политический подход. При таком подходе в процессе судебного разбирательства делался упор на обобщающие понятия в ущерб юридической скрупулезности. Такой подход потребовал бы разоблачения участия всех немецких общественных и властных институтов в «окончательном решении» еврейского вопроса (всех госслужащих всех министерств; всех регулярных армейских сил с Генеральным штабом; всей юридической системы; всего делового мира). Это было крайне необходимо, поскольку в нацистской Германии все организации и общественные институты участвовали в преступных действиях и операциях¹¹.

Но обвинение пошло по юридическому пути: прокурор Г. Хаузнер построил его так, что все показания множества свидетелей независимо от их правдивости не имели или почти не имели никакого отношения к конкретным поступкам конкретного обвиняемого. Обвинение тщательно избегало самого взрывоопасного вопроса «о почти поголовном соучастии в преступлении всего народа, а не только тех его представителей, которые были членами нацистской партии»¹².

Характеристика личности Эйхмана включает установление у преступника свойств, присущих большинству подданных тоталитарных государств: стремление принадлежать к иерархическим организациям как главный пункт социальной определенности¹³;

¹¹ Арендт Х. Указ.соч., с.240

¹² Там же, с.36

¹³ Для Эйхмана дата победы над Германией (8 мая 1945 г.) имела значение потому, что с этого момента он переставал быть членом какой бы то ни было организации. «Я чувствовал, - признавался следователю Эйхман, - что мне предстоит трудная жизнь, жизнь индивидуума, у которого нет вождя, мне больше не от кого будет получать указания, больше мне не будут отдаваться приказы и команды, и больше не будет четких предписаний, с которыми я мог

неспособность взглянуть на свои действия и мир чужими глазами; пристрастие к бюрократическому стилю речи, в состав которого входят крылатые слова и клише¹⁴; пустопорожность как уловка для прикрытия безмыслия¹⁵; отсутствие совести¹⁶; клоунада и связанная с нею память, которая содержит хаотические отдельные «записи»; такой тип мышления является лучшим доказательством неспособности самостоятельно мыслить, аргументировать, анализировать информацию и предвидеть¹⁷.

Указанные свойства выражаются в лицемерии и самообмане как составной части немецкого национального характера и связывают преступную личность с обществом. «Имеем ли мы здесь классический случай лицемерия, или это проявление самообмана, замешанного на чудовищной глупости?» – ставит вопрос Ханна Арендт. И отвечает: «Немецкое общество, состоявшее из восьмидесяти миллионов человек, так же было защищено от реальности и фактов теми же самыми средствами, тем же самообманом, ложью и глупостью, которые стали сутью его, Эйхмана, менталитета»¹⁸. Иначе говоря, свойства Эйхмана являются его личной принадлежностью в той же степени, в которой они являются характеристикой всего общества. Это значит, что любые общества могут рассматриваться с точки зрения того, насколько они культивируют указанные свойства личности.

В результате указанной взаимосвязи между обществом и личностью возникают когнитивно-социальные предпосылки *цепи всеобщей лжи, на которой базируется коллаборационизм*. Перед окончательным решением еврейского вопроса немцы создали юденраты, в состав которых входило руководство еврейских общин. Ханна Арендт показывает, что без помощи самих евреев в административной и полицейской работе по истреблению евреев царил бы полнейший хаос, который отвлекал бы немцев от выполнения

бы сверяться, - короче, передо мной лежала совершенно неизвестная и непонятная мне жизнь». Там же, с.58

¹⁴ «Но этот бюрократический стиль стал его языком потому, что он действительно не был способен произнести ни одной неклишированной фразы». Там же, с.81

¹⁵ «И чем дольше вы его слушали, тем становилось более понятным, что его неспособность выразить свою мысль напрямую связана с его неспособностью мыслить, а именно неспособностью оценивать ситуацию с иной, отличной от собственной точки зрения». Там же, с.82-83

¹⁶ Во время следствия судьи пытались достучаться до совести Эйхмана. И разозлились, когда поняли, «что в распоряжении обвиняемого имеется разнообразнейший набор клише на каждый момент его жизни и на каждый вид деятельности». Там же, с.89

¹⁷ Там же, с.90, 126

¹⁸ Там же, с.86

их важных задач. Членами юденратов становились лидеры местных евреев, которых наци наделяли огромной властью. Во всех городах (Амстердаме, Варшаве, Берлине, Будапеште) на еврейских функционеров можно было положиться во всем – в составлении списков людей и их собственности, в собирании с депортированных средств, призванных возместить расходы на их депортацию и уничтожение, в составлении перечня опустевших квартир, в предоставлении полиции сил для отлова евреев и посадки их в поезда, в передаче всех средств и собственности самой общинной администрации для окончательной конфискации. Всеми смертными списками евреев ведала еврейская администрация. А еврейская милиция разыскивала тех немногих, кто пытался спрятаться или сбежать.

«Хорошо известный факт, – пишет Ханна Арендт, – что реальная проблема по уничтожению велась руками еврейских отрядов, был четко и в деталях подтвержден свидетелями обвинения – рассказами о том, как трудились члены этих отрядов в газовых камерах и крематориях, как вырывали у трупов золотые зубы и отрезали волосы, как копали могилы, а затем снова раскапывали их, чтобы уничтожить следы массовых убийств, как еврейские техники строили в Терезине газовые камеры – там, в Терезине, еврейская «автономия» была настолько полной, что вешателями тоже были евреи»¹⁹.

Иначе говоря, всеобщие свойства германского народа переплетены с всеобщим сотрудничеством евреев с нацистской властью. Главной моральной проблемой была кооперация между нацистскими правителями и еврейскими властями. Полиция гетто была инструментом в руках убийц. «Где бы ни жили евреи, у них были свои признанные лидеры, и почти все их них – за малым исключением – тем или иным образом, по той или иной причине сотрудничали с нацистами. *Всей правдой было то, что если бы еврейский народ действительно был не организован и у него не было бы вожаков, тогда воцарился бы хаос, и было бы множество великое страданий, но общее число жертв вряд ли бы тогда составило от четырех с половиной до шести миллионов*» (курсив мой. В.М.)²⁰. Суть дела состоит в том, что организация и вожаки нации могут увеличивать число жертв нации, если она входит в состав тоталитарного государства и подчиняется его руководству.

¹⁹ Там же, с.184-185

²⁰ Там же, с.188

На основе этого ключевого факта Ханна Арендт обсуждает проблему *законопослушного гражданина*. Истребление евреев осуществлялось с чудовищной тщательностью. Одни считают ее типичной для немцев, другие видят в ней свойство идеальной бюрократии. Но в немалой степени она была порождена распространенным в Германии странным представлением: законопослушание означает не просто подчинение законам, а такое поведение, при котором человек становится создателем законов, которым он подчиняется. Иначе говоря, недостаточно просто следовать обязанностям и долгу. В процессе расследования Эйхман заявил, что всю жизнь он следовал моральным представлениям Канта, особенно определению долга. Но он изменил кантовскую формулировку: «Поступай так, чтобы нормы твоих поступков были такими же, как у тех, кто пишет законы, или у самих законов твоей страны». Здесь он повторял формулировку категорического императива третьего рейха, сделанную Гансом Франком: «Поступай так, чтобы фюрер, узнав о твоих поступках, мог тебя за них похвалить»²¹. Стало быть, ожидание похвалы от первых лиц государства и его многочисленных холуев может быть предпосылкой массовых преступлений.

Европу объединил антисемитизм. Арендт детально описала депортацию евреев из Германии, Австрии, протектората, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Италии, Югославии, Болгарии, Греции, Румынии, Венгрии и Словакии, центров умерщвления на Востоке в концлагеря и констатировала: «Конец света, хотя и проведенный очень буднично, принял почти столько же форм и обликов, сколько в то время существовало стран в Европе»²².

На основе этих фактов и истин Ханна Арендт написала эссе «Истина и политика», в котором обсуждаются ключевые политико-философские и теоретические проблемы, актуальные до сих пор. Для их акцентирования я вынужден свести к минимуму историко-философский пласт эссе, интересный сам по себе.

Неудобные вопросы

Прежде всего она анализирует представление о противоположности между истиной и политикой. Ложь всегда считалась необходимым и оправданным инструментом политика, демагога, государственного деятеля. Чтобы опровергнуть мнимую «необходи-

²¹ Там же, с.205

²² Там же, с.232

мость», Арендт ставит ряд неудобных вопросов: каковы причины этого представления? как оно сказывается на природе и достоинстве политики и истины? бессильна ли истина и лжива ли власть по своей сущности? в каком смысле истина действительна, если у нее нет власти в публичной сфере? не заслуживает ли бессильная истина такого же презрения, как власть, которой до истины нет дела?

Ответ на вопросы Арендт начинает с анализа древнего изречения: «Да свершится справедливость, хоть мир пропадай». Большинство думает, что выживание мира надо предпочесть справедливости. Только Кант пошел против течения²³. Но кантово толкование этой максимы остается проблематичным. Большинство считает, что забота о существовании выше всех добродетелей и принципов. Отсюда вытекает другая банальность: всякое государство обязано признать собственное самосохранение наивысшим законом, которому должна служить вся государственная политика. В этом смысле ложь может хорошо служить созданию или поддержанию условий, требуемых для поиска истины. А поскольку ложь часто используют взамен насилия, ее можно считать безвредным орудием из политического арсенала.

С этого пункта Арендт начинает опровергать сложившееся убеждение. По ее мнению, ради сохранения мира можно пожертвовать любым другим принципом (включая справедливость и свободу), но *только* не истиной. Выживание мира невозможно без истины. Мир никогда не сможет выжить при отсутствии людей, готовых рассказывать о том, что есть на самом деле.

Конфликт между истиной и политикой имеет долгую и сложную историю. Риск поиска и рассказа истины известен давно. Если искатели и рассказчики истины не вмешивались в жизнь, над ними просто смеялись. Едва они заставляли сограждан принять истину всерьез ради освобождения от лжи и иллюзий, над ними нависала смертельная опасность. Платон зафиксировал конфликт между рассказчиком истины и гражданами, но не объяснил любовь людей ко лжи и обману. В более поздних теориях оправдывалась ложь ради выживания города. Гоббс утверждал, что «такая

²³ Он объяснил, что это изречение означает на простом языке «Да воцарится справедливость, даже если при этом погибнут на свете все плуты». По его мнению, нет смысла жить в мире, из которого полностью исчезла справедливость. Поэтому данное «право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти... какие бы ни были от этого физические последствия».

истина, которая не противоречит ничьей выгоде или удовольствию, приветствуется всеми людьми». Ханна Арендт уточняет содержание спора²⁴.

В Новое время Лейбниц провел различие между истинами разума и истинами факта. На основе этого разделения Ханна Арендт стремится выяснить, какой вред способна причинить истине политическая власть. Исходный пример истины факта - ни в одной советской книге по истории не упоминается роль Троцкого в Октябрьской революции. Такая правда уязвимее всех истин разума, вместе взятых. А поскольку факты и события образуют ткань политического пространства, истина факта интересует Арендт в первую очередь. Если суверен атакует истины разума, он преступает границы своего суверенитета. Но когда он подделывает и перевирает истины факта, он сражается на своей территории. Поэтому у истины факта мало шансов пережить натиск со стороны власти; всегда сохраняется опасность, что ее навсегда удалят из мира. Факты и события возникают в меняющейся области человеческих дел, тогда как структура ума остается постоянной. Стоит их утратить, и никакие усилия разума не помогут их вернуть. Крайне мало шансов на то, что какой-нибудь важный факт, который забыли или перевернули, откроют заново.

Проблема первостепенной важности

В политике значимы истины фактов. Но конфликт между истиной и политикой впервые обнаружился в связи с истиной разума. Ложное утверждение есть либо заблуждение и неведение (в науке), либо иллюзия и мнение (в философии). Намеренный обман и прямая ложь играют роль только в сфере высказываний о фактах. Однако никто из участников длительной дискуссии об антагонизме истины и политики (от Платона до Гоббса) не думал, что организованная ложь, какой мы знаем ее сегодня, может стать

²⁴ По ее мнению, существует большая разница между математической аксиомой Гоббса и платоновским истинным мерилom человеческого поведения, с которым философ должен вернуться из своего путешествия к небу идей. Гоббсовский пример относительно безобиден; мы склонны считать, что человеческий ум всегда сумеет воспроизвести такие аксиоматические положения, как «три угла треугольника равны двум углам квадрата», а потому делаем вывод, что «сожжение всех книг по геометрии» не даст большого эффекта. Опасность была бы больше, если бы дело касалось научных открытий: пойдя история другим путем, всего современного научного прогресса от Галилея до Эйнштейна могло бы не случиться. А самыми уязвимыми истинами были бы те разнообразные и уникальные цепи мыслей (типа платоновского учения об идеях), строя которые люди с незапамятных времен пытались разумно размышлять о том, что недоступно человеческому познанию.

эффективным оружием в борьбе с истиной²⁵. В связи с этим Арендт ставит вопросы: объясняется ли это тем, что тогда была еще неизвестна организованная политическая ложь в отличие от частного лжеца? или это связано с фактом: ни одна из религий, за исключением зороастризма, не включала в перечень смертных грехов ложь как таковую, а не просто «лжесвидетельство»? Ложь стала считаться серьезным преступлением только по мере появления пуританской морали и организованной науки (прогресс которой базировался на твердой почве абсолютной правдивости и надежности каждого ученого).

Конфликт между истиной и политикой возник из противоположности образов жизни философа и гражданина. Человеческие дела и мнения меняются постоянно. Философ обретает истину о вечных идеях ради извлечения из них принципов для упорядочивания человеческих дел. В отличие от истины мнение (иллюзия) является неотъемлемым условием всякой власти. Антагонизм истины и мнения был развит Платоном как противостояние между общением в форме «диалога», подходящим для философских истин, и в форме «риторики», с помощью которой демагог уговаривает множество. «Все правительства опираются на мнение», — сказал Джеймс Мэдисон; даже самодержец и тиран никогда не смог бы прийти к власти и удержать ее без поддержки своих единомышленников. В области человеческих дел любое притязание на абсолютную истину, не нуждающуюся в том, чтобы ее поддержало мнение, рубит всякую политику и правление под самый корень.

В нынешнем мире почти не осталось следов этого исходного конфликта²⁶. Арендт подчеркивает важность вопроса о количест-

²⁵ Рассказчик истины у Платона рискует жизнью, а у Гоббса превращается в автора, которому грозят сожжением его книг. Платона больше беспокоят софист и невежа, а не лжец, и характерно, что, когда он проводит различие между заблуждением и ложью, он куда беспощаднее к тем, кто «валяется в свинячьем невежестве», нежели к лжецам.

²⁶ Такие следы можно обнаружить в ранние периоды Нового времени. У Гоббса мы еще находим противопоставление двух «способностей противоположного характера»: «основательного рассуждения» и «могущественного красноречия». Первая «основана на принципах истины, вторая — на мнениях... страстях и интересах людей, которые различны и изменчивы». В эпоху Просвещения эти следы почти исчезли, а там, где древний антагонизм сохранился, акценты сместились. Изречение Лессинга «Пусть каждый говорит то, что считает истиной, а сама истина пусть будет вверена Богу» означало: возблагодарим Бога за то, что мы не знаем *единой* истины. Начиная с XVIII века осознание хрупкости человеческого разума повсеместно укрепляется, не вызывая ни жалоб, ни скорбного плача. Это осознание содержится в кантовской грандиозной «Критике чистого разума», подводящей разум к признанию собственной ограниченности. Оно слышно также в словах Мэдисона, который не подчеркивал, что «в одиночестве разум человека робок и осмотрителен, но становится тем тверже и увереннее, чем большее число лиц к нему присоединяются». Эти рассуждения сыграли куда

ве, поставленного Мэдисоном. Переход от истины разума к мнению подразумевает переход от человека в единственном числе к людям во множественном. Это означает переход из области, где значение имеют исключительно «основательные рассуждения» собственного ума, в сферу, где «сила мнения» индивида зависит от «числа лиц, которые это мнение с ним разделяют». Мэдисон отличает жизнь гражданина от жизни философа, которому подобные соображения «не следует принимать во внимание». Но на практике это разделение не имеет никаких следствий, ведь «о народе философов, как и о династии царей-философов, которую так жаждал Платон, можно только мечтать». Арендт замечает мимоходом, что для Платона само понятие «народа философов» было бы самопротиворечивым, ведь вся его политическая философия, включая ее тиранические штрихи, основывается на убеждении: истина не может быть ни усвоена многими, ни сообщена им.

Сегодня древнее противостояние между истиной философа и мнениями рыночной площади исчезли. Разделение церкви и государства превратило истину откровения в частное дело. Истина философа уже не притязает на власть. Современные идеологии не являются философиями, поскольку их приверженцы объявляют идеологии политическим оружием и считают вопрос об истине и истинности неуместным. Может показаться, что правомерно сделать вывод: старый конфликт улажен, поскольку исчезла его пер-

более важную роль в довольно успешной в итоге борьбе за свободу мысли, слова и печати, чем представления об индивидуальном праве на самовыражение. Например, Спиноза все еще верил в непогрешимость человеческого разума, поэтому его часто ошибочно считают поборником свободы мысли и слова, полагал, что «каждый по непреложному праву природы есть господин своих мыслей», что «каждый обладает в достаточной степени своим разумением и что во взглядах существует столько же различий, как и во вкусах». Из этого он делал вывод: лучше узаконить то, что нельзя отменить; запрет свободы мысли привел бы лишь к тому, что люди думали бы одно, а говорили другое; в результате откровенность была бы изгнана, а вероломство нашло бы покровительство. Но Спиноза нигде не требует свободы слова. Довод о том, что человеческому разуму необходимо общение с другими, а значит публичность, у него отсутствует. Он даже относит человеческую потребность в общении, неспособность скрывать свои мысли и молчать к обычным недостаткам, которых философ лишен. Кант, наоборот, утверждал, что «внешняя власть, которая лишает людей свободы сообщать свои мысли публично, *отнимает у них вместе с тем и свободу мыслить*» (курсив Ханны Арендт. В.М.). Единственная гарантия «правильности» нашего мышления заключается в том, что мы мыслим «как бы сообщая с теми, с кем обмениваемся своими мыслями». Человеческий разум, будучи подвержен ошибкам, может нормально работать только при условии его «публичного использования», и это в равной степени относится как к тем, кто еще не вышел из несовершеннолетия и неспособен использовать свой ум «без руководства со стороны кого-то другого», так и к «ученому», которому требуется «все читающая публика» для проверки и контроля полученных им результатов.

вопричина — столкновение истины разума и мнения.

Арендт отвергает этот вывод. В нынешнюю эпоху терпят много различных философских и религиозных мнений. Но столкновение политики и истины факта расширилось и обострилось. Истину факта, если ей случается встать на пути у выгоды или удовольствия определенной группы, воспринимают сегодня враждебнее, чем когда-либо. Связь с прошлым сохраняется: государственные тайны существуют по-прежнему; правительства сортируют и препятствуют огласке информации; с теми, кто раскрывает тайны, обходятся как с предателями. Но Арендт интересуют известные факты, которые исключаются из сферы публичного обсуждения. Их констатация влечет те же опасности, какие в прежние времена влек атеизм и прочие ереси. Этот феномен расцвел в странах, управляемых тиранически и идеологически. Например, в гитлеровской Германии и сталинской России существование концлагерей и ГУЛАГа не скрывалось. Но публично говорить о них было опаснее, чем исповедовать «еретические» взгляды на антисемитизм, расизм и коммунизм. Но и в свободных странах неудобные истины факта превращают в мнения. Речь идет о следующих истинах факта: поддержка Гитлера немцами; беспомощность Франции перед лицом немецких войск в 1940 году; политика Ватикана во время Второй мировой войны. Подобные истины факта относятся к политике, но речь здесь не идет о напряжении между философским и гражданским образами жизни. На карту ставится общая реальность в ее фактичности, — такова политическая проблема первостепенной важности. Истина факта менее дискуссионна, чем философская истина, и доступна каждому. Однако на рыночной площади ее ждет та же судьба: с ней борются не ложью или намеренной неправдой, а мнением. Поэтому Ханна Арендт заново проблематизирует старую противоположность истины и мнения.

Тенденция превращать факт во мнение мешает рассказчику истины не меньше, чем трудность, изложенная в аллегории пещеры²⁷. Но еще хуже тому, кто сообщает об истине факта. Он не путешествовал по ту сторону человеческих дел и не может те-

²⁷ Согласно этой аллегории, когда философ, вернувшись из своего уединенного путешествия к небу вечных идей, пытается сообщить свою истину множеству, это ведет к тому, что она теряется в разнообразии взглядов (которые для него — иллюзии) и низводится до неопределенного уровня мнения. В итоге по возвращении философа в пещеру сама истина является в облике «мне кажется» — тех самых мнений, которые он надеялся раз и навсегда оставить позади.

шиться мыслью, что стал в этом мире чужаком. Равным образом у нас нет права утешать себя представлением, будто его истина происходит не из этого мира. Если его простые утверждения о фактах, – истинах, увиденных и засвидетельствованных телесными глазами, а не мысленным взором, – не принимаются, то возникает подозрение, что такова сама природа политики – отрицать или извращать истину любого рода. Когда философская истина вступает на рыночную площадь, она меняет свою природу и становится мнением, поскольку происходит переход не от одного типа рассуждения к другому, но от одного способа существования к другому.

Наоборот, истина факта касается событий и обстоятельств, в которые вовлечено много людей; она устанавливается свидетелями и зависит от их свидетельств; она существует лишь в той степени, в какой о ней говорят, даже если возникла в частной области; она политическая по природе. Факты и мнения принадлежат к одной и той же сфере. Факты дают пищу для мнений, а мнения, вдохновляемые различными интересами и страстями, могут сильно расходиться и все-таки оставаться правомерными в той мере, в какой они уважают истину факта. Свобода мнения – фарс, если информация о фактах не предоставлена, а сами факты остаются предметом спора. Истина факта дает пищу для политической мысли точно так же, как истина разума – для философской спекуляции.

Но существуют ли вообще факты, независимые от мнений и интерпретаций? – ставит вопрос Ханна Арендт. Поколения историков и философов истории доказали, что невозможно установить факты, не прибегая к интерпретации, поскольку их надо сначала выделить из хаоса событий (а принципы выбора не являются фактическими данными), а потом встроить в некую историю, которую можно рассказать только исходя из определенной перспективы, не имеющей отношения к произошедшему. Эти трудности реальны. Но они не означают, что фактов не существует, и не могут оправдывать стирание границ между фактом, мнением и интерпретацией или служить отговоркой для историка, манипулирующего фактами по своему произволу. Даже если мы признаем за каждым поколением право писать свою собственную историю, мы этим признаем лишь то, что у него есть право перегруппировывать факты в соответствии со своей собственной перспективой; мы не признаем права прикасаться к самому фактическому материалу. Для иллюстрации этой мысли Арендт рассказывает,

затем комментирует один факт²⁸. Она подчеркивает, что ее интересуют именно такие грубые факты, которые принимаются как данность даже крайними приверженцами историцизма.

Конечно, недостаточно одной лишь прихоти историков для того, чтобы устранить из сводок факт: в ночь на 4-е августа 1914 года немецкие войска пересекли бельгийскую границу; потребовалась бы по меньшей мере монополия на власть над всем цивилизованным миром. Но в корне неверно думать, будто такая монополия невообразима, и нетрудно представить, какова была бы судьба истины факта, если бы ее в конечном счете решали властные интересы — государственные или общественные. А это возвращает нас к подозрению: политическая сфера в силу самой своей природы противоборствует истине во всех ее формах. Почему же приверженность даже фактической истине воспринимается как антиполитическое настроение?

Для ответа Ханна Арендт обсуждает фундаментальные проблемы: соотношение истин разума, истин факта и мнения; океан политической лжи; острова истины современного общества. Надо войти в процесс ее размышления и аргументации.

Истина как механизм сдерживания

Все истины разума и истины факта противоположны мнению. Для примера Ханна Арендт приводит несколько утверждений:

Из области геометрии: «Три *угла* треугольника равны двум углам квадрата»;

Из области астрономии: «Земля вращается вокруг Солнца»;

Из области этики: «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать»;

Из области истории и политики: «В августе 1914 года Германия напала на Бельгию».

Все эти истины не являются предметом спора и мнения и не зависят от договоренностей. Они обладают принудительной силой. Такое кредо сформулировал Гроций: «Даже Господь не мог бы сделать так, чтобы дважды два не равнялось четырем». К принуждающей силе истины он обратился для противостояния политической власти.

²⁸ В 20-е годы, незадолго до своей смерти, Клемансо по-дружески беседовал с одним представителем Веймарской республики. Речь зашла о вине за начало Первой мировой войны. «Что, по вашему мнению, — спросили у Клемансо, — скажут по этой трудной и противоречивой теме историки будущего?» И он ответил: «Не знаю. Но я точно знаю, что они не скажут, будто это Бельгия напала на Германию».

На основе данных констатаций Ханна Арендт формулирует проблему: конституция, билль о правах, разделение властей не являются достаточными политическими средствами для сдерживания власти; надо разработать когнитивный противовес власти, источник которого находится вне политической сферы. В процессе разработки такого механизма она фиксирует сходство между тиранией и демократией. С точки зрения политики истина деспотична. Ее ненавидят тираны, поскольку боятся конкуренции со стороны силы, которую они не могут присвоить. Однако демократические правительства тоже смотрят на истину подозрительно. Неудобное мнение можно оспорить, отвергнуть или смягчить. Неудобные факты можно унять только ложью. «Истина факта, — пишет Ханна Арендт, — как и любая истина, требует безоговорочного признания и исключает дискуссию, а дискуссия составляет самую суть политической жизни»²⁹.

В процессе анализа Ханна Арендт развивает идею Канта о способности человека к «расширенному образу мыслей». Кант сформулировал эту идею в эстетике, но не осознал политических и моральных следствий своего открытия. Ханна Арендт систематизирует эти следствия.

Политическая мысль основана на представлении. Каждый человек формирует мнение по конкретному вопросу, рассматривая его с разных точек зрения. Процесс представления не означает слепого согласия с иными взглядами на мир. Но надо сохранить свою идентичность и способность мыслить при воображаемом перенесении туда, где индивида нет. Такова специфика способности к представительному мышлению.

Формирование мнения детерминируется людьми, на место которых человек ставит себя. Единственное условие такого воображения — незаинтересованность, свобода от собственных частных интересов. Качество мнения и суждения зависит от меры его беспристрастности. Политика есть мир всеобщей взаимозависимости, в которой каждый может сделать себя представителем каждого. Но большинство людей предпочитает такое мнение, которое учитывает только интересы данного индивида или группы, к которой он принадлежит. Поэтому наиболее часто встречается слепое упрямство, проявляющееся в нехватке воображения и неспособности судить.

²⁹ Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. Пер. с англ. и нем. Д.Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014, с.355

Ни одно мнение не самоочевидно. Мышление дискурсивно в вопросах мнения, а не истины. Оно переносится с места на место, из одной части мира в другую, обегает все виды конфликтующих взглядов, пока не восходит от особенных случаев к беспристрастному общему. В сравнении с этим процессом утверждения истины не отличается ясностью. Истина разума несет свет рассудку, а истина факта должна давать пищу мнениям, но эти истины по природе противятся прояснению, подобно тому как свет по природе не может быть освещен.

Указанную **неясность** Ханна Арендт иллюстрирует на примере фактов и истин факта. Случайность фактов безгранична. Именно по этой причине древние философы отказывались рассматривать сферу человеческих дел, которая целиком состоит из фактов. Они не верили, что истину можно открыть в «безотрадной случайности» (Кант) цепочек событий. Ни одна философия истории тоже не смогла примириться с упрямством чистой фактичности. Современные философы подняли на щит все виды необходимости - мирового духа, материальных условий, неизменной природы человека. По мнению Ханны Арендт, это сделано для того, чтобы выместить последние следы произвольного «все могло бы быть иначе» из единственной области действительной человеческой свободы. Задним числом любая последовательность событий выглядит так, словно иначе быть не могло. Но это оптическая или экзистенциальная иллюзия. Поэтому надо отвергнуть любые варианты идеалистического, материалистического и антропологического объяснения истории.

Иначе говоря, истина факта не более самоочевидна, чем мнение. Такова одна из причин, почему сторонники мнения часто отвергают истину факта, объявляя ее еще одним мнением. Для установления фактов обычно используются показания свидетелей, летописи, документы и памятники. В этих источниках всегда можно подозревать подлог. Если возникают разногласия, для их решения нет никакой третьей, высшей инстанции, можно лишь привлечь другого свидетеля, а последнее слово обычно остается за большинством, т.е. как при столкновении мнений. Такая процедура неудовлетворительна, ибо ничто не мешает большинству свидетелей быть лжесвидетелями. Чувство принадлежности к большинству может даже воодушевить на лже-свидетельство.

Как решает эту коллизию Ханна Арендт? Истина факта не обладает трансцендентностью принципов свободы, справедливости,

чести и мужества. Но это невыгодное положение имеет серьезные последствия для личности рассказчика истины и шансов его истины на выживание. Ханна Арендт приводит сентенцию Сократа «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать». Это – пример философского утверждения, которое касается человеческого поведения и потому имеет политические следствия. Арендт избрала эту сентенцию по двум причинам: она дала начало западной этической мысли; она осталась единственным этическим положением, которое можно вывести из философского опыта.

Сократ не мог доказать истинность данного положения. Его опровергали на рыночной площади, где мнение противостоит мнению. Главный аргумент Сократа в защиту данного положения звучит так: человеку лучше быть в разногласии со всем миром, чем в разногласии и противоречии с самим собой. Для человека как мыслящего существа это этическое положение по поводу несправедливых дел и несправедливых страданий обладает не меньшей понуждающей силой, чем математическая истина. Но для человека как гражданина положение Сократа ложно³⁰.

Прежде всего по причине катастрофических последствий для любого сообщества, которое всерьез пыталось следовать этическим предписаниям (сократическим, платоновским, христианским), относящимся к отдельному индивиду. Аристотель предостерег от того, чтобы давать философам слово в политических делах. Его аргумент был таков: по роду деятельности философ мало заботится о собственном благе, поэтому ему нельзя доверять в вопросе о благе для других, особенно в вопросе об «общем благе» – интересах сообщества. Макиавелли советовал оберегать политическую сферу от принципов христианской веры. На этой основе Ханна Арендт проводит жесткое различие между философской и политической истиной (поскольку философская истина касается единичного человека, она по природе неполитическая) и анализирует несколько позиций по преобразованию философской истины в политическую³¹. Все эти позиции сомнительны, хотя существуют до сих

³⁰ Под гражданином Арендт понимает действующее существо, которое беспокоится о мире и общественном благоденствии, а не о собственном благополучии, включая «здоровье» его «бессмертной души», которое считается важнее потребностей бренного тела.

³¹ Эти позиции таковы: если философ пожелает, чтобы его истина восторжествовала над мнениями множества, он неизбежно потерпит поражение и сделает вывод о бессилии истины, то он выскажет банальность; если у философа вслед за Платоном возникнет искушение привлечь внимание какого-либо тирана, и он сможет создать одну из тираний «истины», то эта тирания будет не лучше остальных форм деспотизма; если истина восторжествует без на-

пор. Но философа может искушать власть мнения, а принудительная философская истина может стать искушением для государственного деятеля³². Арендт предлагает войну на два фронта с обоими искушениями.

Она указывает религиозно-философские истоки указанных искушений: все люди равны перед лицом Бога; все люди равны перед лицом смерти; все люди относятся к виду разумных животных. Ни одно из них никогда не имело политических или практических следствий, поскольку уравнитель (Бог, смерть, природа) оставался за пределами сферы человеческого общения. Место таких истин не среди людей, а над ними. Равенство людей не самоочевидно и недоказуемо. «Мы придерживаемся этого мнения, потому что свобода возможна только среди равных, а мы считаем, что радости и награды, ждущие нас в свободной компании, следует предпочесть сомнительным удовольствиям господства»³³. Указанные предпочтения имеют величайшее политическое значение, но в этой сфере люди наиболее отличаются друг от друга. Все это вопросы мнения, а не истины. Их значимость зависит от свободного согласия и соглашения: они получены путем дискурсивного мышления, а сообщают их посредством убеждения и разубеждения.

После такой расчистки площадки для спора Ханна Арендт приступает к выдвиганию аргументов. Она утверждает: положение Сократа «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать» является истиной, а не мнением. Хотя оно никогда не имело прямых политических последствий, но его влияние в качестве этического предписания на поведение людей невозможно отрицать. Это противоречит общему представлению о бессилии философской истины. Сократ использовал необычный способ убеждения: он решил поставить на эту истину свою жизнь, подать пример, когда он отказался бежать от смертного приговора. Здесь

силы, а по причине случайного совпадения мнений, то в она превратится в обычное мнение множества людей, которые завтра могут передумать и сойтись на чем-нибудь другом.

³² Арендт приводит в пример Декларацию независимости Джефферсона, который объявил определенные «истины самоочевидными», поскольку хотел, чтобы все то, что было предметом согласия между людьми Революции, не подлежало спору и аргументации. Подобно математическим аксиомам, эти истины должны были выражать «убеждения людей», которые «зависят не от их собственной воли, но невольно подчиняются доказательствам, предложенным их уму». Но сказав «*Мы считаем* эти истины самоочевидными», он неосознанно признал, что утверждение «Все люди сотворены равными» не самоочевидно, а нуждается в соглашении, — что равенство есть не «истина», а вопрос мнения, и только в этом случае оно имеет значение в политике.

³³ Арендт Х. Указ.соч., с.365

Ханна Арендт развивает идею Ницше: научение примером есть единственный способ, каким философская истина может «убеждать», не подвергаясь искажению или передергиванию³⁴; точно так же философская истина только тогда может стать «практической» и вдохновить на поступки, когда ей удастся найти выражение в облике примера. Такова единственная возможность верификации этического принципа³⁵.

Но сегодня философские утверждения не считаются настолько серьезными, чтобы они угрожали жизни философа. Поэтому исчезла возможность сделать философскую истину значимой в политике. Для рассказчика истины разума такая возможность существует, но ее нет у рассказчика истины факта. Высказывания о фактах не содержат ничего, что могло бы стать принципом для поступков; само их содержание не поддается верификации. Если же рассказчик истины факта пожелает отдать за какой-нибудь факт свою жизнь, то в этом поступке обнаружится его мужество или упрямство, но не истинность его слов и не его собственная правдивость. Лжец тоже может держаться лжи с величайшим мужеством, особенно в политике, где его может побуждать патриотизм или стремление защитить законные групповые интересы. Поэтому патриотизм и защита групповых интересов были и остаются врагами истины.

Всеобщая паутина обмана

Ханна Арендт определяет ложь как намеренную неправду и врага истины. Для иллюстрации она анализирует два высказывания о факте: «Германия напала на Бельгию в августе 1914 года» и «Бельгия напала на Германию в августе 1914 года». Первое вы-

³⁴ Именно в этом смысл замечания Ницше: «Я придаю философам значение ровно в той мере, в какой они в состоянии подать пример» (нем.) — *Примеч. пер.*]

³⁵ Для иллюстрации этого общего положения Арендт приводит примеры: поведение Ахилла позволяет верифицировать понятие мужества; поведение Иисуса Христа или святого Франциска позволяет верифицировать понятие доброты. Эти примеры учат, убеждают и вдохновляют на поступки. Всякий раз, когда мы совершаем мужественный или добрый поступок, мы подражаем кому-то другому. Как сказал Джефферсон, «внушить сыну или дочери живое и стойкое чувство сыновнего долга можно скорее чтением „Короля Лира“, чем всех сухих томов по этике и богословию, какие когда-либо были написаны». Как сказал Кант, «никогда еще общие предписания, данные священнослужителями и философами или выработанные самостоятельно, не давали результатов, подобных тем, к которым ведет следование примеру добродетели или святости». В отличие от схем, которые разум порождает самопроизвольно, посредством воображения, эти примеры берутся из истории и поэзии, через которые, как отметил Джефферсон, совершенно иная «область воображения попадает к нам в распоряжение».

сказывание является реальным историческим фактом. Другое высказывание Клемансо считал нелепым. Но он был незнаком с искусством переписывания истории. По мнению Арендт, противоположное утверждение есть явная попытка изменить хронику и образует форму *действия*. В этом смысле оно является разновидностью деятельности лжеца. Лжец не может принудить всех к согласию с ложью. Поэтому не настаивает, что его утверждение есть истина в последней инстанции. Он маскирует ложь правом на «мнение». Этим часто занимаются подрывные группировки в политически незрелом сообществе, чтобы вызвать замешательство. Размывание границы между истиной факта и мнением – форма действия лжи.

Лжец – человек действия. Рассказчик истин разума или факта таковым не является. Но он может захотеть сыграть роль в политике путем убеждения. В этом случае он должен объяснять, почему его истина лучше всего отвечает интересам группы? Философ одерживает пиррову победу, когда его истина становится господствующим мнением. Если рассказчик истины факта вступает в пространство политики и идентифицирует себя с интересами и пристрастиями группы властвующих, он жертвует единственным качеством, делавшим его истину правдоподобной, – своей личной правдивостью, залогом которой служили его беспристрастность, честность и независимость.

Фигура профессионального рассказчика истины в политике вызывает подозрение, поскольку он обнаруживает совпадение между истиной и интересами. Лжецу не надо приспособливаться к политической арене: «Он говорит то, чего нет, потому что хочет, чтобы все было по-другому – т.е. он хочет изменить мир»³⁶. Иначе говоря, Ханна Арендт подвергает критике не только все виды лжи во спасение, но и все разновидности политического активизма XX века.

Она аргументирует эту критику следующим образом. Существует родство между способностью изменять мир и способностью лгать. Способность лгать относится к немногим очевидным и наглядным подтверждениям свободы человека. А способность говорить правду не относится. Человек может изменить обстоятельства только потому, что относительно свободен от них. Лицемерие и лживость суть извращение и злоупотребление этой

³⁶ Арендт Х. Указ.соч., с.371

свободы. Отсюда вытекает **противоречие между профессиональным историком и профессиональным политиком**: первый обычно не может преодолеть искушение попасться в ловушку необходимости и неявно отвергнуть свободу действия; второй почти не может преодолеть искушение переоценить возможности свободы и лживо отрицать или искажать факты.

На этой основе в XX веке возникла система организованной лжи. Ложь – главное свойство большинства политиков, особенно тех, кто стремился переделать мир. Правдивость никогда не была политической добродетелью потому, что от нее мало толку в деле изменения мира и обстоятельств, т. е. в политической деятельности. Но правдивость может стать первостепенным политическим фактором там, где сообщество вступило на путь организованной тотальной лжи, а не просто лжет по отдельным вопросам. Если все лгут по всем важным вопросам, то рассказчик истины начинает совершать поступки. Он вовлекается в занятия политикой, а если выживет, то даст начало изменению мира.

Иначе говоря, Ханна Арендт принимает только такое изменение мира, которое направлено в сторону беспощадной истины. Такая истина предполагает борьбу с выгодой, удовольствием, общепринятыми убеждениями и любыми формами правдоподобия.

Такое кредо позволяет Ханне Арендт сформулировать основы анализа нового феномена массовой манипуляции фактами и мнениями. Этот феномен возник в XX веке и проявляется в переписывании истории, создании имиджей и фикций, реальной государственной политике.

Традиционная политическая ложь известна из истории дипломатии и государственного управления. Она касалась либо настоящих тайн (данных, которые никогда не оглашались публично), либо намерений, которые не могут быть столь же достоверны, как факты. Современная политическая ложь успешно работает с тем, что не представляет тайны и известно каждому. Примерами лжи являются: переписывание истории на глазах у ее свидетелей; различные виды имиджмейкинга, когда любой известный и установленный факт может отвергаться или игнорироваться, если он вредит имиджу. Задача имиджа состоит в подмене действительности. Благодаря современной технике и СМИ такой заменитель получает больше внимания, чем оригинал³⁷.

³⁷ Показательными примерами лжецов являются государственные деятели. В пример Ханна Арендт приводит де Голля и Аденауэра. Они выстроили принципы своей политики на откоро-

Все неправды содержат насильственную составляющую; организованная ложь всегда стремится уничтожить то, что решено отрицать, хотя лишь тоталитарные правительства сознательно используют ложь как первый шаг на пути к убийству. Классическим примером политической лжи является история и политика СССР. Когда Троцкий узнал, что не принимал никакого участия в Октябрьской революции, ему стало ясно: его смертный приговор подписан. Проще устранить публичную фигуру из исторических хроник, если одновременно устранить ее из мира живых.

Короче говоря, разница между традиционной и современной ложью состоит в различии между скрыванием и уничтожением. Раньше участники обмана относились к ограниченному кругу государственных деятелей и дипломатов. Традиционная ложь всегда касалась частных и никогда не предназначалась для обмана всех; она предназначалась врагу и должна была обмануть только его. Современная ложь направлена на обман всех.

Оба этих смягчающих обстоятельства традиционной лжи отсутствуют в современной манипуляции фактами. По этому поводу Арендт опять ставит комплекс вопросов³⁸, который завершается главным вопросом: если современная политическая ложь настолько масштабна, что требует полностью перекроить всю текстуру фактов – как бы создать иную действительность, куда эту ложь можно будет вплести без единого шва или разрыва, ровно так, как факты вплетены в свой исконный контекст, – что мешает этим новым историям, фикциям и нефактам стать полноценной заменой действительности и фактической истины?

Для иллюстрации того, как трудно обманывать других, не обманывая самого себя, Арендт рассказывает байку³⁹. Эта история дает понять, до какой степени представление о реальности зависит

венной лжи: де Голль сумел сделать так, что Францию начали относить к числу победителей последней войны и великих держав; Аденауэр считал, что «зверства национал-социалистов пользовались согласием лишь относительно небольшого процента населения страны».

³⁸ Чем важны эти ограничения и можно ли их назвать смягчающими обстоятельствами? Почему самообман стал неотъемлемым инструментом в ремесле имиджмейкеров и фальсификаторов? Почему для мира и лжеца будет хуже, если он сам обманется собственной ложью, чем если обманет других? Разве можно придумать лучшее моральное оправдание для лжеца, чем то, что его отвращение к лжи было так велико, что прежде, чем он смог лгать другим, ему пришлось убедить себя самого?

³⁹ В ней рассказывается о том, что случилось однажды ночью в городе, на смотровой башне которого днем и ночью дежурил часовой, чтобы предупреждать людей о приближении врага. Часовой был падок на розыгрыши и той ночью пробил тревогу, просто чтобы нагнать на городских немного страха. Его успех был ошеломляющим: весь город бросился на стены, а последним к ним помчался сам часовой.

от окружающего мира и какая нужна сила духа, чтобы утверждать нечто свое (ложь или истину), чего никто не разделяет. Чем успешнее лжец, тем скорее он падет жертвой собственных подтасовок. Шутник, обманувший сам себя, оказавшийся в одной лодке со своими жертвами, с виду заслуживает куда большего доверия, чем хладнокровный лжец, позволяющий себе наслаждаться своей выходкой с расстояния. Но только самообман создает видимость правдивости. А в споре о фактах только личный внешний облик имеет шанс оказаться убедительнее удовольствия, страха и выгоды.

Этические предрассудки таковы, что люди сурово относятся к хладнокровной лжи, а к искусству самообмана относятся терпимо⁴⁰. Ханна Арендт усматривает здесь проблему: чтобы подкрепить утверждение «Лучше лгать другим, чем обманывать самого себя», надо учесть, что хладнокровный лжец осознает различие между истиной и ложью. Поэтому истина, которую он прячет от других, нашла последнее убежище в самом лжеце. Он солгал, но не изолгался. Ни он, ни обманутый им мир еще не лишились надежд на «вечную жизнь».

Современная манипуляция фактами – это нанесение необратимого ущерба действительности. В прежние времена манипуляции не было. В современном свободном мире у государства нет монопольной власти решать, что является и не является фактом. Но даже там гигантские организации лиц с общими интересами ввели в обиход мышление в стиле *raison d'état*, которое прежде встречалось лишь в области иностранных дел, а в худших проявлениях в ситуациях прямой и несомненной угрозы. Государственная пропаганда на государственном уровне переняла уловки из деловой практики и из арсенала Мэдисон-авеню. Традиционная ложь была предназначена для иностранного неприятеля. Имиджи и фикции для внутреннего употребления могут стать действительностью для каждого, включая их создателей. При этом создатели уже в процессе изготовления «продукта» вдохновлены мыслью о числе своих потенциальных жертв. Инициаторы создания лживого образа понимают, что хотят обмануть врага на общественном или национальном уровне. Но в итоге ориентиром для групп и це-

⁴⁰ Ханна Арендт в противовес этой оценке приводит знаменитую сцену в монастыре из «Братьев Карамазовых». Старший Карамазов, закоренелый лжец, спрашивает старца Зосиму: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?», и старец отвечает: «Главное, самому себе не лгите». Достоевский не объясняет и не развивает этот отрывок.

лых наций становится **паутина обмана**, в которую их лидеры хотели поймать своих оппонентов.

Основные усилия групп обманутых и обманщиков направлены на сохранение в неприкосновенности созданного пропагандой образа. Этому образу угрожают не столько действительные враги и враждебные интересы, сколько те члены группы, кто сумел избежать его чар и настаивает на обсуждении фактов и событий, которые не укладываются в этот образ. Современная история полна примеров, когда рассказчики истины факта воспринимались как большая опасность и даже более враждебная сила, чем действительные оппоненты. С точки зрения политики важно, что современное искусство самообмана приводит к преобразованию внешней политики во внутреннюю, и международный или межгрупповой конфликт бумерангом возвращается на сцену внутренней политики. В период холодной войны самообман использовался обеими сторонами. Консервативные критики массовой демократии часто подчеркивали опасности этой формы правления для международных дел, не упоминая об опасностях, которыми чреваты монархии и олигархии. Эти доводы усиливаются фактом: в полностью демократических условиях обман без самообмана невозможен.

Нынешняя система всемирного сообщения охватывает большое число независимых стран. Ни одна из мировых держав не может взять свой «имидж» под полный контроль, поскольку факты нарушают ход пропагандистской войны конфликтующих фикций. Продолжительность жизни фикций едва ли удастся увеличить даже при наличии всемирного правительства или другой современной версии *Rex Romana*. Это лучше всего можно продемонстрировать на примере закрытых тоталитарных систем и однопартийных диктатур. Они превосходят любые другие организации в защите идеологий и фикций от истины и от действительности⁴¹. Проблема в том, что им постоянно приходится менять ложные утверждения, которые они предлагают взамен действительной исто-

⁴¹ Арендт приводит в пример исправления хроник фрагмент из Смоленского архива. Из меморандума 1935 года мы узнаем о бесчисленных трудностях, с которыми сталкивается такое предприятие. Что «делать с речами Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина и др. на партийных съездах, пленумах ЦК, конгрессах Коминтерна, съезде Советов и т.д.? Как быть с антологиями марксизма, написанными или отредактированными совместно Лениным, Зиновьевым и другими? Как быть с сочинениями Ленина под редакцией Каменева? Что делать в случаях, когда Троцкий написал статью для номера „Коммунистического интернационала“? Должен ли быть конфискован весь выпуск?» На эти вопросы в архиве ответов нет.

рии; меняющиеся обстоятельства требуют заменять один учебник истории на другой, переклеивать страницы в энциклопедиях и справочниках, стирать одни имена и вписывать другие, ранее неизвестные или малоизвестные. Это бесконечное непостоянство лишено признаков, по которым можно вычислить истину. Оно само по себе служит признаком лживости всех публичных высказываний о мире фактов. В отдаленной перспективе промывка мозгов приводит к тому, что люди совершенно отказываются верить в истинность чего бы то ни было, с какой бы достоверностью она ни была установлена.

Другими словами, последовательная и тотальная подмена истины факта ложью приведет не к тому, что эту ложь примут как истину, а истину будут поносить как ложь. Результат намного хуже: государственная политика целенаправленно уничтожает чувство, посредством которого люди ориентируются в реальном мире. А категория лжи/истины относится к числу необходимых для этого мыслительных средств.

Ханна Арендт считает, что от этой напасти лекарства нет. Такова обратная сторона случайного характера фактической реальности. Все человеческие дела могли получиться иначе. Поэтому возможности лжи безграничны. Фикции всегда можно объяснить и сделать правдоподобными. В этом причина того, что последовательная ложь вырывает землю у нас из-под ног и не дает никакой опоры взамен. «Ощущение, что все, на что мы опираемся, чтобы иметь чувство направления и реальности, дрожит и шатается, относится к самым явным и распространенным переживаниям людей при тоталитарном правлении»⁴².

Таким образом, родство лжи с политикой как способом изменения мира универсально. Убежденный фальсификатор заблуждается, когда думает, что может предвосхитить изменения, переврав факты, от которых все хотят отделаться. Политики и пропагандисты слаборазвитых стран любят создание потемкинских деревень. Но это никогда не ведет к учреждению чего-то реального. Оно только совершенствует притворство. Все истины факта касаются прошлого. Но действию подвластно не прошлое и не настоящее как результат прошлого, а будущее. Если с прошлым и настоящим обращаются как с частями будущего, политическое пространство лишается не только главной стабилизирующей силы, но

⁴² Арендт З. Указ.соч., с.381

и отправной точки для изменений и любых новых начинаний. Тогда начинаются бесплодные перестановки и перетасовки, характерные для многих новых наций, которым не повезло родиться в эпоху пропаганды.

Государственная власть – главная угроза миру фактов. Но Арендт обращает внимание на то, что власть по своей природе не способна ничем заменить фактическую реальность. Упрямые факты превосходят власть; они не столь мимолетны, как властные образования, которые возникают, когда люди объединяются с некоей целью, но исчезают, едва цель достигнута или потеряна. Эта мимолетность делает власть крайне ненадежным средством для достижения любого постоянства. В ее руках опасности подвергаются не только истины и факты, но и ложь и выдумки. «В отношении к фактам, – пишет Ханна Арендт, – политика должна идти крайне узкой дорожкой, избегая, с одной стороны, опасности принимать их за результаты какого-нибудь необходимого процесса, который люди не могли предотвратить и с которым поэтому ничего не могут поделать, а с другой – опасности отрицать их, пытаться удалить их из мира»⁴³.

Острова истины

В заключение Арендт формулирует общий вывод: посмотреть на политику с позиций истины означает занять положение рассказчика истины вне политического пространства. Это положение подрывается, если рассказчик пытается *вмешаться* в человеческие дела и говорить на языке убеждения или насилия. Положение вне политического пространства есть один из модусов одиночества. К ним относятся уединение философа, изоляция ученого и художника, беспристрастность историка и судьи, независимость свидетеля и репортера. Все они обнаруживают факты. Каждый из модусов одиночества включает верность делу и исключает вовлеченность в политику. Только когда мы делаем один из них своим образом жизни, он может прийти в противоречие с требованиями политического.

Неполитическая и антиполитическая природа истины «Да свершится справедливость, если даже мир погибнет» начинает осознаваться только в ситуации конфликта. Но надо учитывать также роль независимого суда и университетов. В этих публичных

⁴³ Там же, с.383

учреждениях истина и правдивость всегда оставались высшим мерилом. Судебная власть тщательно охраняется от общественной и политической власти, а высшим учебным учреждениям государство вверяет воспитание своих будущих граждан⁴⁴. Крайне неудобные истины рождались и рождаются в университетах, и крайне неудобные приговоры выносятся судами. Суд и университет – это островки истины, им по-прежнему грозят все опасности, исходящие от общественной и политической власти. И все-таки существование и самоорганизация независимых и незаинтересованных ученых увеличивают шансы истины восторжествовать в публичной сфере. В конституционно управляемых странах осознали, что политическое пространство заинтересовано в существовании людей и учреждений, над которыми у него нет власти.

Сегодня на первый план вышли узкопрофессиональные училища, а развитие естественно-научных подразделений принесло плоды, оказавшиеся жизненно важными для страны. Общественную и технологическую пользу университетов невозможно отрицать, но она не имеет отношения к политике. В политическом отношении важнее исторические науки и гуманитарные дисциплины, призванные находить, охранять и толковать истину факта, и оставленные людьми документальные источники. Рассказывать истину факта означает не только давать ежедневные новости. Работа журналистов имеет непосредственное политическое значение. Но чтобы пресса стала «четвертой ветвью власти», ее надо защищать от государственной власти еще тщательнее, чем от нее защищают суд. Ибо функция предоставления информации осуществляется извне политического пространства.

Все рассказчики истины должны учитывать связь трагедии с творчеством. Примером для Ханны Арендт служит жизнь и творчество Исаак Динесен. Политическая функция рассказчика (историка, судьи, ученого, журналиста, романиста) – учить принимать вещи такими, какими они есть. Это принятие означает правдивость, на основе которой возникает способность суждения: говоря

⁴⁴ Академия была основана Платоном - самым решительным и влиятельным противником полиса. Но его мечта не осуществилась: Академия не стала противовесом обществу, и нигде не слышно ни о каких попытках университетов захватить власть. Случилось то, о чем Платон не мечтал: пришло осознание, что не только правосудие нуждается в беспристрастности, но и политическая сфера нуждается в учреждении, не затрагиваемом властной борьбой; ибо независимо от того, находятся эти высшие образовательные учреждения в частных руках или в государственных, не только их целостность, но и само их существование зависят от доброй воли правительства.

словами Исак Динесен, «в конце мы получим привилегию рассмотреть и пересмотреть его — именно это и называется судным днем».

Все эти функции выполняются извне политического пространства. Они требуют невовлеченности, беспристрастности, свободы от корыстных интересов в мысли и суждении. Незаинтересованный поиск истины начинается с Гомера. Он решил воспеть деяния троянцев наряду с деяниями ахейцев и вознести не меньшую хвалу Гектору, врагу и побежденному, чем Ахиллу, герою собственного народа. «Такого прежде не случалось нигде; ни одной, сколь угодно блистательной цивилизации не удавалось взглянуть одним и тем же взором на друга и врага, на успех и поражение, — которые со времен Гомера не признаются решающими мерилami для того, чтобы судить о людях, хотя имеют решающее значение для людских судеб. Гомеровская беспристрастность эхом звучит через всю греческую историю; она вдохновила первого великого рассказчика истины факта, ставшего отцом истории: Геродот в первых предложениях своих историй говорит нам, что его намерение в том, чтобы «великие и удивления достойные деяния как эллинов, *так и* варваров не оказались незаслуженно в неизвестности». В этом корень всей так называемой объективности — в любопытном, неведомом за пределами западной цивилизации рвении любой ценой добиться интеллектуальной честности. Без него никогда не возникло бы науки»⁴⁵.

Итак, Ханна Арендт рассматривает политику с внеполитической позиций. Она отвергает понимание политики как поля битвы конфликтующих интересов и пристрастий типа удовольствия, выгоды, предубеждений и страсти к господству. Она не согласна с определением политики как сферы публичных дел, власти, интереса и необходимости. Именно указанные понимания и определения способствуют тому, что истина факта до сих пор сталкиваются с политикой. По мнению Ханны Арендт, настоящее содержание политической жизни заключается в радости общения — пребывания в компании равных, совместных действиях и появлениях на публике. Величие и достоинство политики состоит в коллективном творчестве, когда с помощью слов и дел включаются в дела мира, приобретая и поддерживая свою личную идентичность и начиная нечто совершенно новое. Но даже так понятая полити-

⁴⁵ Там же, с.388

ка не заключает в себе все существование человека и мира. Истина кладет пределы политике: «В понятийном отношении истиной можно назвать то, чего мы не можем изменить; в метафорическом отношении истина – это земля, на которой мы стоим, и небо, распростершееся над нами»⁴⁶.

Выводы

В трудах Ханны Арендт содержится система критериев для описания и оценки социальных и политических процессов ХХI века. Главная правда ХХ века – технический прогресс в создании средств насилия сделал преступную войну неизбежной. Устарели различия между солдатом и гражданским лицом, армией и мирным населением, военными объектами и мирными городами, на которых покоились дефиниции военных преступлений Гаагской конференции. Военные преступления ознаменовали политику продолжения систематических убийств в мирное время. Двусмысленность Нюрнбергского процесса до сих пор не преодолена. Понятие агрессии как тягчайшего международного преступления забыто. Для оценки современных событий в отношениях России с сопредельными странами надо учитывать множество внеконтекстуальных объектов анализа, истин и аргументов.

Прежде всего необходимо описать современные формы противоположности между политическим и юридическим подходом к устройству судебных процессов и выявить конкретные меры индивидуального, группового, социального, национального и институционального коллаборационизма во множестве постсоветских государств. Эта мера определяет когнитивно-социальные предпосылки цепи всеобщей лжи, на которой базируется коллаборационизм по отношению к «своей чужой» власти⁴⁷. Мера законопослушности граждан зависит от степени их противодействия любой персонификации законов и власти.

По отношению к любой системе власти надо ставить неудобные вопросы для выявления конкретной противоположности между истиной и политикой в условиях данного места и времени. Выживание мира не следует предпочитать справедливости. Самохранение государства не является высшим законом, которому

⁴⁶ Там же, с.389

⁴⁷ См.: Макаренко В.П. «Свой чужой»: концепт русской власти // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2010, № 2
<http://politconcept.sfedu.ru/2010.2/07.pdf> Проверено 4.03.2015

должна служить политика. Выживание мира и государства невозможно без истины. В конкретно-исторических обстоятельствах данного государства надо выявлять меру конфликта между истиной и политикой, а также объяснить причины любви людей к лжи и обману. При этом можно исходить из различия между истинами разума и истинами факта и выявлять меру вреда, который нанесла истине конкретная система политической власти. Участие государства в написании истории всегда связано с деформацией реального исторического процесса. У истины факта до сих пор было мало шансов пережить натиск со стороны власти.

В политике значимы истины фактов. В XX веке сложилась система организованной лжи как оружия в борьбе с истиной. Большинство религий не включают ложь в перечень смертных грехов. Поэтому религии (за исключением зороастризма) не помогают установить истину. Этому способствуют только пуританская мораль и организованная наука. В человеческих делах любое приращение к абсолютной истине наносит вред политике и правлению. Ложно представление о том, что истина не может быть ни усвоена, ни сообщена большинству людей.

В нынешнюю эпоху расширился и обострился конфликт между политикой и истинами факта. Истину факта, если она стоит на пути у выгоды, удовольствия и власти, воспринимают сегодня враждебнее, чем в прошлом. Этот феномен расцвел в тиранических и идеологических странах, а в свободных странах неудобные истины факта превратили в мнения. Поэтому в каждой конкретной стране надо заново проблематизировать противоположность истины и мнения.

Природа политики – отрицание или извращение любых истин. Свобода мнения – фарс, если не дается адекватная информация о фактах, а сами факты остаются предметом спора. Право каждого поколения писать собственную историю не дает права прикасаться к фактическому материалу. Государственные и общественные интересы противостоят истине. Политика в силу своей природы противоборствует всем формам истины.

Таким образом, надо учитывать систему критериев для описания и оценки социальных и политических процессов XX века, которая разработана Ханной Арендт. Данная система базируется на основоположениях: природа политики – отрицание или извращение любых истин; свобода мнения является фарсом, если не дается адекватная информация о фактах, а сами факты остаются

предметом спора; право каждого поколения писать собственную историю не дает права прикасаться к фактическому материалу; групповые, общественные и государственные интересы противостоят истине. В целях укрепления истины Ханна Арендт ставит проблему создания интеллектуального противовеса власти. Для разработки этого противовеса она бросила на весы несокрушимую логику и убедительные аргументы.

Принуждающая сила истины противостоит политической власти. Неудобные факты обладают упрямством, которое можно унять только ложью. Истина факта требует безоговорочного признания и исключает дискуссию. Но в большинстве случаев люди руководствуются слепым упрямством, недостаточным воображением и неспособностью судить. Качество мнения и суждения зависит от меры его беспристрастности. Для установления фактов обычно используются источники, в которых всегда можно подозревать подлог. Большинство свидетелей могут стать лжесвидетелями.

Философская истина касается единичного человека и потому по своей природе неполитическая. Но ее воплощение в жизнь зависит от того, предпочитает ли большинство людей радости свободной компании удовольствиям господства. Научение примером есть единственный способ, каким философская истина может «убеждать», не подвергаясь искажению или передергиванию. Но в XX веке исчезла возможность сделать философскую истину значимой в политике.

Ложь – вековечный враг истины. Ложь образует форму *действия*. Размывание границы между истиной факта и мнением – форма действия лжи. Философская истина никогда не должна претендовать на господствующее мнение. Беспристрастность, честность и независимость в изложении фактов невозможны без противоборства с интересами и пристрастиями группы властвующих в любой стране. Существует родство между политикой как способностью изменять мир и способностью лгать. Отсюда вытекает противоречие между профессиональным историком и профессиональным политиком: первый не может преодолеть искушение попасться в ловушку необходимости и отвергнуть свободу действия; второй не может преодолеть искушение переоценить возможности свободы и примириться с лживым отрицанием или искажением фактов.

Организованная ложь – внутреннее свойство политики, поскольку она претендует на преобразование мира. Правдивость ни-

когда не была политической добродетелью, но стремление к истине может стать первостепенным политическим фактором там, где общество вступило на путь организованной тотальной лжи.

В XX веке в СССР и нацистской Германии возник феномен массовой манипуляции фактами и мнениями. Он проявляется в переписывании истории, создании имиджей и фикций и реальной государственной политике. Развивается противоречие между традиционной и современной политической ложью. Все неправды содержат насильственную составляющую; организованная ложь всегда стремится уничтожить то, что решено отрицать. Тоталитарные правительства сознательно используют ложь как шаг на пути к убийству. Разница между традиционной и современной ложью состоит в различии между скрыванием и уничтожением.

Современная манипуляция фактами – это нанесение необратимого ущерба действительности. Государство культивирует мышление в стиле *raison d'état*, которое прежде встречалось лишь в области иностранных дел и в ситуациях прямой и несомненной угрозы. Такова основа государственной пропаганды. В итоге паутина обмана стала всеобщей. Современное искусство самообмана приводит к тому, что международный или межгрупповой конфликт бумерангом возвращается на сцену внутренней политики. Промывка мозгов приводит к тому, что люди совершенно отказываются верить в истинность чего бы то ни было. Последовательная и тотальная подмена истины факта ложью уничтожает чувство и категорию лжи/истины, посредством которых люди ориентируются в реальном мире. Ощущение всеобщей зыбкости – феномен и следствие тоталитарного правления. Власть и созданная ею пропаганда – главная угроза миру фактов. Власть – крайне ненадежное средство для достижения постоянства.

Истина безвластна и всегда проигрывает в поединке с властью; истина обладает собственной силой, поскольку власти не в состоянии изобрести ей замену; уговоры и насилие могут разрушить, но не могут заменить истину. Посмотреть на политику с позиций истины означает занять положение рассказчика истины вне политического пространства. Положение вне политического пространства есть один из модусов одиночества, к которым относятся уединение философа, изоляция ученого и художника, беспристрастность историка и судьи, независимость свидетеля и репортера. Все они обнаруживают факты. Деятельность по регистрации фактов осуществляется в публичных учреждениях – судах и универ-

ситетах как островах истины в море тотальной лжи. Но существованию этих учреждений по-прежнему грозят все опасности, исходящие от общественной и политической власти.

Стало быть, идеи Ханны Арендт требуют всестороннего обдумывания и применения ко всем сферам внешней и внутренней политики всех обществ и государств. Особенно они применимы к описанию политической истории России на основе опыта людей, переживших эту историю и сохранивших ясность ума, несмотря ни на какие обстоятельства. Еще более важно использовать эти идеи для систематизации и оценки современных событий в отношениях России с сопредельными странами и роли всех государственных институтов в создании, пропаганде и трансляции политической лжи. Здесь мы попадаем в сферу множества спорных фактов и мнений, которые можно систематизировать в соответствии со всеми параметрами, сформулированными великой женщиной-философом. По отношению к данным параметрам абсолютное большинство реальных фигур политики и государственной власти являются лишь бездарными статистами. Ханна Арендт начала составлять их список, поместив в него Ленина, Сталина, Гитлера, де Голля и Аденауэра. Приглашаю читателей дать предложения по другим кандидатам в этот список.

ИСТИНА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: К ПУБЛИКАЦИОННЫМ НЮАНСАМ ОДНОГО ИЗ ШЕДЕВРОВ ХАННЫ АРЕНДТ

С.П. Поцелуев

Опубликованный в 2014 году русский перевод сборника эссе Ханны Арендт⁴⁸ стал заметным событием отечественной интеллектуальной жизни. Впрочем, такая публикация стала бы событием в любое время - уже в силу обогащения русскоязычного культурного мира одним из шедевров мировой философской классики. Но этот текст явился, что называется, в нужное время и в нужном месте, на переломном этапе отечественной истории, среди информационно-пропагандистских реалий нового издания холодной войны. В этом смысле книга Х. Арендт не просто интересна; она дает ответы на злободневные политические вопросы, и она помогает делать выбор, моральный и политический, в непростой исторической ситуации.

Особенно интересен в этом отношении очерк «Истина и политика», который непосредственно затрагивает людей нашего академического ремесла. Наряду с американским оригиналом, с которого был сделан русский перевод, данный текст Арендт публиковался и в немецкоязычной версии, и версия эта в ряде моментов существенно отличается от американского издания⁴⁹.

Эту разницу я бы и хотел обсудить в данных заметках.

Сразу же оговорюсь, дабы избежать недоразумений: можно выразить лишь искреннюю благодарность авторам упомянутого

⁴⁸ Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 416 с.

⁴⁹ Здесь и в дальнейшем мы будем ссылаться на след. издание: Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Übungen im politischen Denken I / ungekürzte Taschenbuchausgabe. München: Piper, 2012. — 440 S.

переводческого проекта - они сделали большое и доброе дело для отечественной науки. И я совершенно оставляю за скобками соответствие русского перевода статьи Арендт ее англоязычному оригиналу, просто исходя из предположения, что между ними нет существенных различий. Моя задача здесь состоит лишь в том, чтобы рассмотреть те моменты немецкой версии статьи философа, которые не вошли в русский перевод американского издания, но которые я считаю полезным знать отечественному читателю.

I

Итак, начнем по порядку. Немецкий аналог сборника статей Х. Арендт «Between Past and Future. Eight exercises in political thought», куда вошло эссе «Истина и политика», хотя и повторяет название англоязычной версии, в ряде содержательных моментов от нее отличается. Это видно уже в самом названии немецкого издания: «Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Übungen im politischen Denken I», где цифра «I» сигнализирует читателю, что перед ним только первая часть сборника. Действительно, Урсула Лудц, немецкая издательница творческого наследия Х. Арендт, решила существенно расширить содержание англоязычного сборника 1968 года (который, в свою очередь, был расширенным изданием первой версии книги от 1961 года, содержавшей тогда не восемь, а шесть статей) и разбить его на две части, включив в них статьи Х. Арендт, опубликованные в период 1953-1971 годов.

В первую часть этого издательского проекта вошли статьи Арендт по преимуществу общетеоретического плана, во вторую – работы, обусловленные, скорее, конкретными историческими событиями. Первая часть немецкоязычного сборника вышла в свет в 1994 году, в ней 12 статей, включая большинство тех, что были опубликованы (хотя и в несколько иной редакции) в американском издании 1968 года (с которого, по-видимому, был сделан и русский перевод). Вторая часть была опубликована позже⁵⁰, но о ней мы здесь ничего говорить не будем, поскольку нас интересует только одна статья из немецкого сборника 1994 года, а именно, «Истина и политика».

Почему имеет смысл обращаться к немецкой версии этого текста Х. Арендт, имея перед глазами не только англоязычный оригинал 1968 года, но и его русский перевод?

⁵⁰ См.: Arendt H. In der Gegenwart. Übungen im politischen Denken II / U. Ludz (Hrsg.). München: Piper, 2000.

Главная причина состоит в том, что почти для всех статей, вошедших в состав «Between Past and Future»⁵¹, имеются немецкоязычные версии, написанные *самой* Х. Арендт. Эти версии либо предшествовали американским, либо были написаны параллельно, либо представляют собой переложение англоязычной версии. Но в любом случае речь идет об аутентичных немецких текстах самого философа. В редакторском послесловии к «Zwischen Vergangenheit und Zukunft» У. Лудц объясняет, почему есть необходимость публиковать в немецком издании именно эти оригиналы статей Х.Арендт, а не делать немецкий перевод уже опубликованных версий из «Between Past and Future». Лудц пишет, что это надо делать с учетом мнения самой Х. Арендт, отмечавшей, что англо- и немецкоязычные версии ее работ не вполне совпадают, более того, что размышления и сочинения на одном языке каждый раз оказывали обратное влияние на редакцию текстов на другом языке⁵².

Статья Х. Арендт «Истина и политика» [Wahrheit und Politik] завершает сборник «Zwischen Vergangenheit und Zukunft» и представляет собой перепечатку из книги: Arendt H. Wahrheit und Lüge in der Politik: Zwei Essays / 2. Aufl. München - Zürich: Piper, 1987, S. 44-92. Первоначально же данный текст статьи был опубликован в 1969 году: Arendt H. Wahrheit und Politik // Philosophische Perspektiven: Ein Jahrbuch. 1969. № 1. S. 9-51. Точное время издания здесь важно иметь в виду для понимания политических акцентов, расставленных Х. Арендт в данном тексте. На первый взгляд, между немецкоязычной и англоязычной версиями статьи Арендт промежуток небольшой, всего три года (появившийся в «Between Past and Future» текст «Truth and Politics» был представлен автором для публикации в мае 1966 года). Однако за это время на Западе – помимо прочего – успела свершиться студенческая революция, ставшая одной из важнейших культурно-политических феноменов прошлого века. Это объясняет заметную политизацию немецкоязычной версии статьи Арендт по сравнению с английским вариантом. И этим она, кстати, интересна сегодня отечественному читателю, оказавшемуся тоже в гуще довольно драматичных политических событий.

⁵¹ Исключение составляет только статья «The Conquest of Space and the Stature of Man». См. в русском переводе: Арендт Х. Покорение космоса и статус человека // Арендт Х. Между прошлым и будущим..., С. 390-412.

⁵² Ludz U. Nachwort der Herausgeberin // Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Übungen im politischen Denken I. München: Piper, 2012. S. 374.

Я не хочу сказать этими заметками, что англоязычным изданием «Истины и политики», как и его русским переводом, следует пренебречь ради немецкоязычной версии. Этого не стоит делать, потому что в американском издании есть ряд важных моментов, которых нет в немецком тексте (к примеру, примечания, иные категориальные конструкции и др.). Но немецкая версия статьи, в целом, больше по содержанию, и ее следует обязательно учитывать, особенно тем, кто занимается изучением творчества немецко-американского философа профессионально.

Сюжеты немецкого издания статьи Арендт, не вошедшие в американское издание, я условно разделил на две рубрики. К первой относятся концептуально-терминологические нюансы, которые только на первый взгляд кажутся несущественными и достойными внимания лишь специалистов по истории философии. В случае текстов Х. Арендт использование вполне определенных понятий играет принципиальную роль во всей смысловой архитектуре текста, составляя его отдельное измерение и отражая классическую мыслительную традицию. Вторую рубрику составляют контекстуальные моменты, которые, с одной стороны, характеризуют отношение Х.Арендт к Западу и американской политической науке, а с другой, посвящены политически злободневному тогда сюжету, актуализированному «студенческим бунтом» - властной роли учреждений высшего образования и науки.

II

Начнем с концептов и терминов. В первой части статьи Х. Арендт есть место, где речь идет о применимости философского понимания истины к политической сфере: «Желая выяснить, какой вред способна причинить истине политическая власть, мы касаемся этих материй, скорее, из политических, а не философских соображений, а потому можем позволить себе пренебречь вопросом о том, что такое истина, и довольствоваться тем, что люди обыкновенно понимают под этим словом»⁵³. В немецкой версии этот пассаж завершается важным тезисом, которого нет в русском переводе англоязычного издания: «Но в политическом смысле - как мы увидим - различие между истинами факта и истинами разума имеет большое значение»⁵⁴.

Столь значим для Х. Арендт не только чисто когнитивный,

⁵³ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 340.

⁵⁴ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 331.

но, прежде всего, исторический смысл упомянутого различия: с переходом к современности главную роль в политической сфере начинают занимать истины не разума (как раньше), но факта. В русском переводе американского издания этот отрывок звучит так: «Если мыслить в русле традиции, может показаться, что из такого положения дел правомерно сделать вывод, что старый конфликт наконец улажен, а главное, его первопричина, столкновение истины разума и мнения, исчезла. Но, как ни странно, это не так, ибо столкновение политики и истины факта, которое мы сегодня наблюдаем в таких серьезных масштабах, имеет, по крайней мере, в некоторых отношениях весьма схожие черты»⁵⁵. В немецком издании это же место излагается несколько иначе: «Дело, стало быть, выглядит почти что так, будто старый конфликт окончательно улажен, а с ним исчезла и *вражда между истиной и политикой*. Но, как ни странно, этого как раз не произошло. Столкновение между истиной и политикой продолжается, *только место истины разума [Vernunftwahrheit] в нем заняла теперь истина фактов [Tatsachenwahrheit]*».⁵⁶

Как видим, здесь Х. Арендт говорит о столкновении *истины и политики*, а не *истины разума и мнения*, а в другом месте – о столкновении *истины разума и истины факта*, а не *политики и истины факта*.

Различие между истинами факта и истинами разума именно потому политически значимо, что оно выводит к одному из центральных тезисов статьи Арендт: истина факта является по своей природе такой же политической, как и мнения, которыми заполнен политический рассудок. Но, формулируя этот тезис в немецком варианте своей статьи, философ делает такое важное добавление: «Другими словами, информация о фактах [Tatsacheninformation] играет в политическом мышлении роль, подобную той, что в философском мышлении играет истина разума: в обоих случаях эта роль вдохновляет мысль и ограничивает [hält in Schranken] спекуляцию»⁵⁷. В русском переводе англоязычной версии статьи это место звучит иначе: «Другими словами, истина факта дает пищу для политической мысли точно так же, как истина разума – для философской спекуляции»⁵⁸.

⁵⁵ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 348.

⁵⁶ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 335-336. *Курсив мой* - С.П.

⁵⁷ Ibid. S. 339.

⁵⁸ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 351.

В «Истине и разуме» Х. Арендт как бы реализует политическую проекцию проблемы, классически представленной в философии ее учителя М. Хайдеггера – проблемы бытия, «забытого» наукой и философией Нового времени⁵⁹. Отсюда – настойчивый акцент Х. Арендт на драматизме политических следствий утраты бытия в рассмотрении социального мира. Когда систематически (организованно) отрицаются (забываются) всем известные факты, тогда «речь здесь идет о чем-то большем, чем напряжение (возможно, неизбежное) между двумя образами жизни в рамках общей, всеми признаваемой реальности. Что поставлено на карту, так это сама по себе общая всем реальность в ее фактичности, – и это действительно политическая проблема первостепенной важности»⁶⁰.

Следует заметить, что в немецком издании статьи Х. Арендт более четко акцентируется принудительная значимость истины, которую современная постмодернистская традиция объявляет химерой догматической мысли, причем химерой опасной, ответственной за установление тиранических политических режимов. Арендт обращает внимание на то, что истины факта, сами по себе (в отличие от истин разума) не располагающие к спору, в публичном пространстве, тем не менее, могут не только грубо игнорироваться, но и превращаться в мнения. Это ведет к стиранию границ между мнением и фактом, как бы в духе ницшевских сентенций, ставших сегодня расхожей мудростью: «Факт всегда глуп», «Факты не существуют – есть только интерпретации» и т.п.

Сравним в этой связи два варианта текста. В русском переводе его англоязычной версии это выглядит так: «Все истины – не только различные виды истины разума, но и истина факта – противоположны мнению по способу *утверждения своей значимости*. Истина содержит в себе нечто принудительное, и вполне возможно, что прискорбные тиранические наклонности, нередко бросающиеся в глаза у профессиональных рассказчиков истины, вызваны не столько какими-то личностными недостатками, сколько при-

⁵⁹ Правда, сама по себе политизация этой философской проблемы была высказана задолго до Х. Арендт. К примеру, уже в «Истории и классовом сознании» Д. Лукача фиксируется два фундаментальных (и взаимно связанных) дефицита овеществленной научно-философской мысли: утрата целого и утрата бытия в рассмотрении предметного мира. Обе эти потери принципиально обесмысливают картину социального и политического мира.

⁶⁰ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 349.

вычкой испытывать напряжение своего рода невольнической жизни»⁶¹.

А вот перевод немецкоязычной версии того же места из статьи Х. Арендт: «Все истины – будь то истины разума или истины факта – отличаются от мнений и взглядов благодаря своей претензии на истинность, то есть, отличаются способом утверждения своей значимости. Любая истина претендует на *принудительную значимость* [zwingender Gültigkeit], и вполне возможно, что тиранические наклонности, столь бросающиеся в глаза у профессиональных рассказчиков истины, вызваны не столько врожденной несговорчивостью последних, сколько их привычкой постоянно жить под принуждением [Zwang], а именно, под принуждением от познанной либо предположительно познанной истины»⁶².

Как видим, в немецком тексте позиция Х. Арендт выражена предельно ясно: любая истина не просто «содержит в себе нечто принудительное», но *принудительность и есть способ утверждения ее значимости*. Любопытно при этом, что концепту «дискурса», буквально фетишизированному сегодня постмодернистами, Х. Арендт указывает на место рядом с мнением, а не истиной. Философ как бы напоминает исходные смыслы лат. *discursus*⁶³, когда пишет о том, что «именно в вопросах мнения, а не истины наше мышление по-настоящему дискурсивно»⁶⁴, оно переносится с места на место, из одной части мира в другую, обегает все виды конфликтующих взглядов, пока наконец не восходит от этих особенных случаев к некоему беспристрастному общему»⁶⁵.

В немецкоязычном варианте статьи «Истина и политика» есть термины, которые несут важную концептуальную нагрузку, образуя неотъемлемый философский фон собственно политологической тематики. Учет этого момента в некоторой степени обнажает философские истоки метода, который Х. Арендт реализует при постановке проблемы истины в политике. Обратим внимание на терминологические нюансы, которые отличают немецкоязычную

⁶¹ Там же. С. 353. *Курсив в русск. издании.* - С.П.

⁶² Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 340. *Курсив в немецком издании.* - С.П.

⁶³ См. старшие значения лат. *discursus* - бестолковая беготня, суета, мелькание, военные маневры.

⁶⁴ В немецкой версии это выражено еще четче: «Размышление, ведущее к образованию мнения, в отличие от мышления, нацеленного на истину, является по-настоящему дискурсивным». Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 343. *Курсив мой* - С.П.

⁶⁵ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 357.

версию статьи от ее англоязычной версии при передаче следующего фрагмента. В русском переводе американского издания читаем: «Политическая мысль основана на представлении. Я формирую мнение по тому или иному вопросу, рассматривая его с разных точек зрения, ставя перед своим мысленным взором позиции тех, кто не здесь, т.е. я представляю их. Этот процесс представления состоит не в том, что я слепо принимаю взгляды тех, кто стоит на ином и тем самым видит мир с иного ракурса. Речь идет не об эмпатии, как если бы я пыталась залезть в шкуру другого человека, и не о том, чтобы провести опрос и присоединиться к большинству, а о том, чтобы, сохраняя свою идентичность, мыслить, переносясь туда, где меня на самом деле нет. Чем больше позиций разных людей представлено в моем уме, пока я раздумываю над вопросом, и чем лучше я могу вообразить, что я бы думала и чувствовала на их месте, тем сильнее будет моя способность к представительному мышлению, и тем большей значимостью будет обладать мой конечный вывод, мое мнение»⁶⁶.

В переводе важно иметь в виду трудно передаваемое по-русски различие между мысленным представлением (воображением) как психологическим актом и представлением (представительством) как актом символическим. В немецком оригинале это выражается разными терминами, а поэтому понятнее: «Политическое мышление является представительным [repräsentativ] в том смысле, что оно предполагает постоянную со-представленность других [mit präsent sind]. Я формирую мнение по тому или иному вопросу, рассматривая его с разных точек зрения, мысленно представляя [vergegenwärtige] себе позиции тех, кто не здесь, т.е. я представляю [repräsentiere] их. Этот процесс мысленного представления [Vergegenwärtigungsprozess] состоит не в том, что я слепо принимаю определенные, известные мне взгляды других людей. Речь идет здесь не о вчувствовании [Einfühlung], и не о том, чтобы с помощью силы представления [Vorstellungskraft] установить какое-то большинство и примкнуть к нему. Скорее, дело заключается в том, чтобы с помощью воображения, но без потери собственной идентичности, занять такую позицию в мире, которая не является моей позицией, но исходя из которой, я формирую мое собственное мнение. Чем больше таких позиций могу я учитывать в моих размышлениях, и чем лучше могу я представить себе, что

⁶⁶ Там же. С. 356.

бы я думала и чувствовала, будь я на месте тех, кто стоит на этих позициях, тем лучше образована моя способность понимания [Vermögen der Einsicht] – то, что греки называли φρόνησις, латиняне prudentia, а немецкий язык XVIII столетия Gemeinsinn – и тем более квалифицированным, в конце концов, оказывается результат моих размышлений, мое мнение»⁶⁷.

Мы видим, что здесь у Х. Арендт присутствует семантическая игра немецких терминов [präsent – repräsentativ – repräsentiere], которой, как известно, отличаются тексты ее учителя М. Хайдеггера. Очевидно, Арендт придает политическому термину «представительности» [re-präsent-] более глубокий, философский смысл, только не в духе гносеологизма Нового времени, а скорее в традициях социальной онтологии Платона и Аристотеля. Чувствуется здесь и влияние американской школы символического интеракционизма. Арендт почти цитирует известный принцип Дж.Г. Мида о взаимном принятии на себя ролей другого, противопоставляя акт символического представительства психологизму простого «вчувствования». В результате представительство как политическая процедура получает более глубокий смысл, отражающий общую специфику человеческой коммуникации.

В этой связи крайне важен упоминаемый только в немецкоязычной версии статьи категориальный ряд φρόνησις – prudentia – Gemeinsinn. По Арендт, даже в случае размышлений о философских предметах, условием достижения которых является отход от «мира сотрудничества» [Welt des Miteinander], всё равно остается зависимость от реального взаимодействия с другими (то есть, от Gemeinsinn), что позволяет человеку стать в своих мыслях на место других. Более того: незаинтересованность (свобода от вовлеченности в групповые и частные интересы) в данном случае выступает единственным условием вступления в силу этого взаимодействия с другими. Х. Арендт противопоставляет старонемецкому термину Gemeinsinn современное слово Eigensinn (упрямство, своеобразие). Человек поступает своевольно [eigensinnig], когда он не использует способность понимания, предоставляемую Gemeinsinn. Другими словами, когда он не принимает в расчет интересы и позиции других людей (групп), преследуя только свои интересы⁶⁸.

⁶⁷ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 342.

⁶⁸ Ibid. S. 343.

Примечательно, что интеракционистский принцип *Gemeinsinn* логично дополняется в статье Х. Арендт принципом диалогичности мышления. Ведь *Gemeinsinn* подразумевает практический смысл, который делается сообща – подобно тому, как сообща создается текстура диалога. Со ссылкой на Платона Х. Арендт характеризует мышление как «молчаливый диалог между мной и мной самим»⁶⁹ и выводит отсюда моральные потенции мыслителя, утверждая, опять-таки, классический принцип единства истинного, нравственного и политического.

Еще один случай, связанный с семантической игрой используемых Х. Арендт немецких терминов, относится к сюжету о Гомере, с которым философ связывала начало европейского принципа объективного (беспристрастного) рассмотрения истории. В американском издании читаем: «Такого прежде не случалось нигде; ни одной, сколь угодно блистательной цивилизации не удавалось взглянуть одним и тем же взором на друга и врага, на успех и поражение, – которые со времен Гомера не признаются решающими мерилami для того, чтобы судить о людях, хотя и имеют решающее значение для людских судеб. Гомеровская беспристрастность эхом звучит через всю греческую историю»⁷⁰. В немецкоязычной версии этот же фрагмент выглядит так: «Таковую ‘объективность’ [Objektivität] тщетно искать в других культурах древности; нигде в другом месте вы не найдете способности, хотя бы в суждении [Urteil], воздать врагу справедливость [Gerechtigkeit], и нигде не объявляется, что всемирная история *не* является страшным судом [Weltgericht], что победа или поражение не могут служить последним словом для суждения [Urteil], хотя таковыми они и оказываются для судеб человеческих. Эта гомеровская «объективность» красной нитью проходит через всю греческую историю»⁷¹.

В этом отрывке очень важна игра терминов *Objektivität*, *Urteil*, *Gerechtigkeit*, (*Welt*-)*Gericht*. Важна, потому что она показывает, что объективность как синоним незаинтересованного поиска истины имеет прямое отношение к идее справедливости [*Gerechtigkeit*]. А эта идея производна от концепции суда над миром [*Weltgericht*], то есть, относится к понятию мировой справедливо-

⁶⁹ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 362.

⁷⁰ Там же. С. 388.

⁷¹ Arendt H. *Zwischen Vergangenheit und Zukunft ...*, S. 368. *Кавычки и курсив в немецком издании.* - С.П.

сти. Поэтому объективное суждение [Urteil] есть в то же время *справедливое осуждение*, приговор суда [(Gerichts-)Urteil], а не результат судилища, устроенного на основе чьих-то частных интересов.

Политически более радикально выражает Х. Арендт в немецком варианте своей статьи тезис о нечаянной, но очень существенной роли истины факта в системе организованной лжи. В русском переводе английского источника читаем: «Там, где все лгут по всем важным вопросам, рассказчик истины (знает он о том или нет) начинает совершать поступки; он тоже вовлекает себя в занятия политикой, ведь в том маловероятном случае, если он выживет, он даст начало изменению мира»⁷². В немецко-язычном издании это место передается так: «Там, где лгут принципиально, а не только время от времени, там человек, просто высказывающий то, что есть, уже начинает действовать политически, даже если он вообще не имел такого намерения. *В мире, где с фактами обращаются как угодно, уже простая констатация факта есть угроза власти имущим*»⁷³. Заключительная крылатая фраза немецкоязычного пассажа звучит более решительно, чем в американском издании, и она прекрасно дополняет сформулированный философом чуть ранее по тексту тезис: «Размыwanie границы, отделяющей истину факта от мнения, - одна из многих форм, какие может принять ложь»⁷⁴.

Заметим попутно, что в немецкоязычной версии «Истины и политики» гораздо чаще, чем в англоязычном издании, используется выражение «организованная ложь». Х. Арендт предпочитает здесь говорить именно о *лжи*, а не *манипуляции*, а также именно об *организованной* (а не просто *массовой*) лжи. Приведем несколько примеров такого рода:

- ✓ «Пришло время поговорить об относительно новом феномене массовой манипуляции (в немецкоязычной версии: «*организованное* манипулирование»⁷⁵) фактами и мнениями ...»⁷⁶.
- ✓ «Политическая ложь современного толка (в немецкоязычной версии: «В случае *организованной* политической лжи, с которой мы сталкиваемся в наши дни.»⁷⁷), напротив, успешно работает

⁷² Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 371.

⁷³ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. *Курсив мой*. - С.П.

⁷⁴ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 369.

⁷⁵ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 355.

⁷⁶ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 372.

⁷⁷ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 355.

и с тем, что вообще не представляет тайны и известно практически каждому»⁷⁸.

- ✓ «Оба этих смягчающих обстоятельства лжи по старому образцу примечательным образом отсутствуют в случае манипуляции фактами, (в немецкоязычной версии: «*организованной*, массовой лжи»⁷⁹) с которой мы сталкиваемся сегодня»⁸⁰.
- ✓ «Таким безоговорочным и потенциально необратимым ущербом, неведомым в прежние времена, грозит современная манипуляция (в немецкоязычной версии: «*организованная* манипуляция»⁸¹) с фактами»⁸².

Несколько более четко выражена в немецком издании и глубокая мысль Х. Арендт о недостаточной обоснованности как признаке реальных фактов в противоположность их тотальной логичности в рамках последовательной, организованной лжи: «А вернейший признак фактичности факта [Faktizität eines Faktums] - это как раз его упрямое присутствие [Da-[Sein]], которое, в конечном счете, характеризует необъяснимым и неопровержимым образом всю человеческую действительность. Пропагандистским фикциям, напротив, свойственно то, что в них все отдельные сведения ясно упорядочены, а каждый факт полностью объяснен. Это придает им временное преимущество; зато им недостает неизменной стабильности всего того, что есть, потому что оно просто такое и никакое другое»⁸³.

В немецкой версии статьи Х. Арендт есть ряд понятий, которые крайне важно иметь в виду, потому что они образуют теоретические мостики к темам, которые сегодня особенно актуальны в политической науке. Отметим в этой связи следующее место в англоязычной версии статьи Х. Арендт: «История нашего времени полна примеров, когда рассказчики истины факта воспринимались как большая опасность и даже более враждебная сила, чем действительные оппоненты»⁸⁴. Теперь немецкоязычный вариант: «История нашего времени полна примеров, когда простой репортаж с места событий воспринимался как нечто более опасное и агрессивное, чем вражеская пропаганда. *Другими словами, столь*

⁷⁸ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 372.

⁷⁹ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 356.

⁸⁰ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 374.

⁸¹ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 359.

⁸² Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 376-377.

⁸³ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 362.

⁸⁴ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 378.

важная в политике способность различать между врагом и другом теперь уже не действует»⁸⁵.

Как видим, в немецком варианте статьи появляется важное резюмирующее заключение – по сути, зародыш целого направления исследований. То же самое можно сказать о концепте *цинизма*, который в англоязычном фрагменте отсутствует: «Нередко отмечали, что в отдаленной перспективе промывка мозгов вернее всего приводит к тому, что люди совершенно отказываются верить в истинность чего бы то ни было, с какой бы достоверностью она ни была установлена»⁸⁶. Зато мы находим упомянутый концепт в немецкоязычном варианте того же фрагмента: «Нередко отмечали, что наиболее вероятным результатом так называемой промывки мозгов оказывается не измененная система взглядов, а *цинизм*, отказывающийся воспринимать что бы то ни было в качестве истины»⁸⁷.

Упомяну еще несколько мест в немецкой редакции статьи Х. Аренд, касающихся цитирования, которого нет в англоязычном тексте, но которое немаловажно для понимания общей концепции автора. Так, в немецком издании добавляется цитата из К. Ясперса, а именно, после следующего замечательного пассажа, который в русском переводе звучит так: «Только самообман способен создать видимость правдивости, а в споре о фактах единственное, что порой имеет шанс оказаться убедительнее удовольствия, страха и выгоды, – это личный внешний облик»⁸⁸. Далее в немецкой версии текста следует: «При обсуждении различия между ложью [Lüge] и лживостью [Verlogenheit] редко кто доходит до пронизательного замечания К. Ясперса: ‘По-настоящему лгать могут только совершенно правдивые [Wahrhaftigen]’»⁸⁹.

Еще одно место касается цитаты из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского. В англоязычной версии это место выглядит так: «Старший Карамазов, закоренелый лжец, спрашивает старца Зосиму: ‘Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?’, и старец отвечает: ‘Главное, самому себе не лгите’. Достоевский никак не объясняет и не развивает этот отрывок»⁹⁰. В немецком

⁸⁵ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 360. *Курсив мой* - С.П.

⁸⁶ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 380.

⁸⁷ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 361. *Курсив мой*. - С.П.

⁸⁸ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 376.

⁸⁹ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 358. Х. Арендт цит. по изд.: Jaspers K. Von der Wahrheit. München - Zürich: Piper, 1991. S. 559.

⁹⁰ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 376.

издании цитата из Достоевского расширяется, а в ней уже отчасти содержится развитие мысли старца: «... старший Карамазов, закоренелый лжец, спрашивает старца Зосиму: ‘Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?’, и старец отвечает: ‘Главное, самому себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает’. И это, в самом деле, является самым главным»⁹¹.

Немецкий вариант текста, в целом, более политизирован, чем англоязычный, в нем чувствуется «злоба дня», заставляющая философа превращаться в политика. Характерным является в этом плане фраза, которую Х. Арендт добавляет к заключительному фрагменту одного из абзацев своей статьи. В русском переводе этот англоязычный абзац звучит так: «Когда философская истина вступает на рыночную площадь, она меняет свою природу и становится мнением, поскольку происходит подлинный *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*, переход не просто от одного типа рассуждения к другому, но от одного способа человеческого существования к другому»⁹². В немецкой версии данный фрагмент завершается более радикальной сентенцией: «Философ, который хочет вмешаться в общественную жизнь, - это уже не философ, а политик; он больше не желает одной только истины - он хочет власти»⁹³.

III

Содержательно-тематические особенности немецкоязычной версии статьи Х. Арендт объясняются, прежде всего, отражением в ней актуального культурно-политического контекста. В американском издании статьи этот контекст, конечно, тоже присутствует, но в несколько усеченном виде. К примеру, здесь заметно приглушены элементы критицизма Х. Арендт в отношении западной, прежде всего, американской культуры (а этот критицизм в ряде моментов заставляет вспомнить пафос авторов «Диалектики Просвещения»).

Возможно, эта сдержанность объясняется политкорректностью, своего рода политической вежливостью Х. Арендт: двусмысленно критиковать реалии той страны, которая спасла тебя от нацизма, предоставив убежище и возможность заниматься лю-

⁹¹ Arendt H. *Zwischen Vergangenheit und Zukunft ...*, S. 358.

⁹² Арендт Х. *Между прошлым и будущим ...*, с. 351.

⁹³ Arendt H. *Zwischen Vergangenheit und Zukunft ...*, S. 338.

бимым делом. (Кстати, соответствующие упреки в адрес тех же авторов «Диалектики Просвещения» можно услышать в США и сегодня). Хотя, с другой стороны, для личности такого масштаба, как Х. Арендт, известное выражение «Платон мне друг, но истина дороже» было не абстракцией, а жизненным принципом. Во всяком случае, ей хватило личного мужества, чтобы из-за «неудобных» истин «Банальности зла» стерпеть оскорбительное в свой адрес «Nazi-Hure!» и многолетний бойкот своих многочисленных коллег в Израиле и США⁹⁴.

Но давайте для начала сравним два фрагмента. В русском переводе английской версии текста читаем: «Любопытно, что их (*широко известных, но табуизированных публикой фактов – С.П.*) констатация влечет те же опасности, какие в прежние времена влек, например, атеизм и прочие ереси, и этот феномен выглядит тем значительнее, что мы встречаем его еще и в странах, управляемых тиранически и идеологически. (Даже в гитлеровской Германии и сталинской России говорить об экстерминационных и концентрационных лагерях, существование которых не скрывалось, было опаснее, чем исповедовать ‘еретические’ взгляды на антисемитизм, расизм или коммунизм.) Еще большую тревогу вызывает то, что в свободных странах, если и терпят неудобные истины факта, то зачастую, сознательно или нет, превращают их в мнения»⁹⁵.

Немецкоязычный вариант этого места в статье Х. Арендт звучит так: «И вправду кажется странным, что их (*широко известных, но табуизированных публикой фактов – С.П.*) оглашение может оказаться не менее опасным, чем в прежние времена – обнаружение каких-то ересей. Причем этот удивительный феномен не ограничивается – как естественно было бы предположить – так называемым свободным миром [sogenannte freie Welt]; как известно, в гитлеровской Германии и сталинской России было намного опаснее говорить о концентрационных лагерях и лагерях уничтожения (хотя их существование не было тайной), чем исповедовать и высказывать ‘еретические’ взгляды на соответствующие идеологии – антисемитизм, расизм, коммунизм»⁹⁶.

⁹⁴ Эти сюжеты хорошо представлены в снятом недавно художественном фильме о жизни выдающегося немецко-американского философа. См.: Lochte T. Film im Bosco: Hannah Arendt // Kulturwelle. 05. 29.04.2014. – Режим доступа:

<http://kulturwelle5.de/artikel/201403/filmkritik-hannah-arendt> (Дата посещения: 23.08.2015).

⁹⁵ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 348-349.

⁹⁶ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 336.

Как видим, в немецком тексте публичная табуизация широко известных фактов однозначно подразумевается как типичный феномен, прежде всего, западных демократий, а в русском переводе, напротив, можно понять так, что она лучше всего раскрывается, прежде всего, в тоталитарных режимах. Другими словами, акценты расставлены здесь противоположным образом. Употребление пейоративного выражения «так называемый свободный мир» показывает, что смысловая инверсия в немецком тексте (по сравнению с англоязычным) отнюдь не случайна.

В американском издании «Истины и политики» явно заретуширован критицизм Х. Арендт в отношении Запада, который фактически ставится ею на одну доску с тоталитарным коммунистическим Востоком, коль скоро речь заходит о системе организованной лжи. Зато этот критицизм присутствует в немецкоязычной версии статьи. Приведу несколько примеров. В русском переводе английского фрагмента читаем: «Пришло время поговорить об относительно новом феномене массовой манипуляции фактами и мнениями, которая проявляется в переписывании истории, в создании имиджей и фикций и в реальной государственной политике»⁹⁷. Это же место в немецкоязычном издании: «Организованное манипулирование фактами и мнениями есть относительно новый феномен, который *на Востоке* ярко представлен постоянным переписыванием истории, *а на Западе* - пропагандистским искусством имиджмейкинга и соответствующим поведением государственных деятелей»⁹⁸.

И чуть далее по тексту схожая картина. В англоязычном варианте: «Политическая ложь современного толка, напротив, успешно работает и с тем, что вообще не представляет тайны и известно практически каждому. Яркий пример - переписывание истории на глазах у тех, кто был ее свидетелем, но не менее показательны и всевозможные виды имиджмейкинга, когда, опять же, любой известный и установленный факт может отвергаться или игнорироваться, если он вредит имиджу»⁹⁹. Теперь сравним с немецкоязычной редакцией того же фрагмента: «Обо всем этом не может быть речи в случае организованной политической лжи, с которой мы сталкиваемся в наши дни. Эта ложь касается не тайн, а общеизвестных фактов. Современная историография *в советской*

⁹⁷ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 372.

⁹⁸ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 355. *Курсив мой* - С.П.

⁹⁹ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 372-373.

России может безнаказанно и весьма эффективно отрицать факты, о реальности которых каждый еще может вспомнить; и то же самое относится к столь излюбленному *на Западе* «имиджмейкингу», в котором безнаказанно игнорируется всё, что может навредить желанному «имиджу» события, нации или лица»¹⁰⁰.

В немецкоязычном варианте статьи Х. Арендт усиливает сюжет об «откровенных не-фактах», которые использовали в публичной политике даже такие уважаемые деятели, как де Голль и Аденауэр¹⁰¹, следующим пассажем: «Так называемый *credibility gap*, что значит, расхождение между словами и поступками бывшего президента США Линдона Джонсона является фактом общеизвестным и в свое время сильно взбудоражившим умы в Америке, где, как в никакой другой стране, правдивости придают особое значение. Но даже здесь эта сторона эры Джонсона играла едва заметную роль в оппозиции против правительственной политики. Хотя весь мир знал, что студенческие волнения во Франции и вызванная ими всеобщая забастовка натолкнулись на ожесточенное сопротивление со стороны французской компартии и профсоюзов, де Голль, тем не менее, мог позволить себе утверждать, что это коммунисты хотят захватить власть во Франции. И происходило это в тот момент, когда из-за всеобщей забастовки в распоряжении де Голля не было такого всемогущего коммуникативного и манипулятивного средства, как радио и телевидение. Но эта ложь ему удалась, потому что армия, по-видимому, заставила его придерживаться правого курса. Однако главное здесь заключается в том, что в последние десятилетия все настолько привыкли к такой политике, что она уже почти никого не смущает»¹⁰².

Усиливается в немецкоязычном издании и сюжет о том, что на Западе «гигантские организации лиц с общими интересами ввели в обиход своего рода мышление в стиле *raison d'état*, которое прежде встречалось лишь в области иностранных дел и, в своих худших проявлениях, в ситуациях прямой и несомненной угрозы»¹⁰³. Далее в англоязычной версии следует по тексту: «Национальная пропаганда, разворачивающаяся на государственном уровне, не просто переняла несколько уловок из деловой практики и из арсенала Мэдисон-авеню. В отличие от лжи, предназна-

¹⁰⁰ Arendt H. *Zwischen Vergangenheit und Zukunft ...*, S. 355. *Курсив мой.* - С.П.

¹⁰¹ Арендт Х. *Между прошлым и будущим ...*, с. 373.

¹⁰² Arendt H. *Zwischen Vergangenheit und Zukunft ...*, S. 355-356.

¹⁰³ Арендт Х. *Между прошлым и будущим ...*, с. 377.

ченной для иностранного неприятеля, имиджи и фикции, создаваемые для внутреннего употребления, могут стать действительностью для каждого, и прежде всего для самих их создателей»¹⁰⁴.

В несколько расширенной немецкой редакции это место выглядит так: «Вдобавок к этому, техники торговой рекламы глубоко проникли во внутривнутриполитические пропагандистские методы государств, где мнения, убеждения и определенные практики продаются народам точно так же, как мыльный порошок и духи. В отличие от внешнеполитической лжи, которая всегда обращается на внешнего врага и необязательно используется как определяющий фактор внутривнутриполитической жизни нации, имиджи, создаваемые для внутреннего употребления, представляют собой большую опасность для действительной жизни народа, и первыми жертвами этого современного способа лжи оказываются, естественно, производители данных фикций. Потрясает сам образ бесчисленного множества тех, кто уже завтра будут готовы купить у них этот продукт. Разве может не соответствовать реальности то, в чем убеждены столько много людей?»¹⁰⁵.

В англоязычном издании статьи Х. Арендт заметно ослаблен не только критицизм в адрес Запада в целом, но и конкретно в отношении своих коллег по научному цеху. Так, в заключительной части статьи есть пассаж, в котором философ подчеркивает, что реализованный ею взгляд на политику является для самой политики внешним. В английской версии это место звучит так: «Короче, [я] рассматривала политику так, как будто и сама верю, что всеми публичными делами управляют власть и интерес, что не было бы никакой политической сферы, если бы не жизненная необходимость. Причина такого искажения в том, что истина факта сталкивается с политическим только на этом низшем уровне человеческих дел, так же как философская истина Платона столкнулась с политическим на существенно более высоком уровне мнения и соглашения»¹⁰⁶.

В немецкоязычном тексте «Истины и политики» данный фрагмент заменен более пространным и существенно иным по содержанию текстом: «Короче, [я] рассматривала политику так, словно ее можно определить как игру, в которой решается, «Who

¹⁰⁴ Там же. С. 377.

¹⁰⁵ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 359.

¹⁰⁶ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 389.

gets what, when, how?»¹⁰⁷. Это роковое сведение политического к простому администрированию [Verwaltung] является более древним, чем обычно полагают; в замечании Ницше, сделанном мимоходом, что для занятия политикой «достаточно посредственных умов», упомянутая редукция выражается столь же ясно, как и в надежде Маркса на «отмирание» государства. В позитивизме, покорившем сегодня большую часть политической науки, это первоначально открытое презрение к публичному и политическому опошлилось, утратив свой философской базис. Но в природе вещей заложено то, что подобное воззрение начинает заявлять о себе, коль скоро предпринимается попытка приблизиться к политической сфере с позиции истины. Прежде всего, оно проявляется, когда проблематика истины факта становится в центр рассмотрения и приходит в конфликт с политическим как раз на этом, низшем уровне человеческих дел»¹⁰⁸.

Совершенно новый и наиболее политизированный фрагмент немецкого издания «Истины и разума» размещен в заключительной части статьи, и касается он современного университетского (в особенности, гуманитарного образования). Причем в абзаце, предваряющем этот новый фрагмент, философ делает одно немаловажное уточнение. В англоязычной версии эта часть, сама по себе очень важная для развиваемой Х. Арендт концепции, в русском переводе звучит так: «И едва ли можно отрицать, что по крайней мере в конституционно управляемых странах осознали, что в интересах политического пространства существование людей и учреждений, над которыми у него нет власти»¹⁰⁹. Из этого пассажа, однако, не совсем ясно, кто именно и почему в «конституционно управляемых странах» осознал необходимость существования – в интересах политического пространства – таких людей и учреждений, над которыми у этого пространства нет власти. Неясно также, что следует понимать под этим «политическим пространством», и над кем оно властвует? Очевидно, что эти обтекаемые и двусмысленные формулировки затрудняют понимание на самом деле простой и глубокой мысли, которая, к счастью, в немецком

¹⁰⁷ В этом месте немецкий издатель помещает следующее редакционное примечание: «Так звучит подзаголовок одной из наиболее известных в американской политической науке книг Гарольда Д. Лассуэлла (Lasswell H. D. Who gets what, when, how?), изданной в 1936 году. Выдержавшая множество изданий, эта книга так и не появилась в немецком переводе». См.: Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. ..., S. 433.

¹⁰⁸ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 369.

¹⁰⁹ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 385.

издании выражена яснее: «И едва ли можно отрицать, что по крайней мере в конституционно управляемых странах правящие круги [die Herrschenden] осознали, что это в их прямых интересах – существование людей и учреждений, над которыми у них нет власти»¹¹⁰. Причем чуть ранее по тексту под этими неподвластными учреждениями подразумевается не только правосудие и надпартийные политические институты; сверх того, подчеркивается, что «свобода учебы и преподавания должна точно также признаваться и защищаться государством, как и беспристрастная юстиция»*

Сразу после упомянутого пассажа в немецкоязычной версии «Истины и политики» следует новый фрагмент о политической роли университетов, которого нет в американском издании статьи. Появление этого фрагмента объясняется тогдашней «злостью дня»: студенческим бунтом конца 60-х, поставившим вопрос о реальной свободе и автономии университетского образования.

Сам по себе сюжет о политической роли гуманитарного образования присутствует и в американском издании статьи Х. Арендт, но в более абстрактном и редуцированном виде. Философ говорит здесь не столько о политической роли современных университетов, сколько об «Академии» как собирательном имени для институтов европейского образования, т.е. сама постановка вопроса имеет скорее философский, чем политический смысл: «Сегодня это подлинно политическое значение Академии легко упускают из виду, поскольку на первый план вышли ее узкопрофессиональные училища, а развитие ее естественнонаучных подразделений неожиданно принесло обильнейшие плоды, оказавшиеся жизненно важными для страны в целом. Общественную и технологическую пользу университетов невозможно отрицать, но она не имеет отношения к политике. В политическом отношении важнее исторические науки и гуманитарные дисциплины, призванные находить, охранять и толковать истину факта и оставленные людьми документальные источники. Рассказывать истину факта означает далеко не только предоставлять ежедневные новости, как это делают журналисты (хотя без них мы никогда не смогли бы сориентироваться в постоянно меняющемся мире и в самом буквальном смысле никогда бы не узнали, где мы находимся). Разумеется, их работа имеет самое непосредственное полити-

¹¹⁰ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 365.

* Ibid.

ческое значение; но чтобы пресса действительно однажды стала «четвертой ветвью власти», ее надо защищать от государственной власти еще тщательнее, чем от нее защищают суд. Ибо, строго говоря, эта функция предоставления информации осуществляется извне политического пространства; она не включает и не должна включать никакого действия или принятия решений»¹¹¹.

Вместо этого фрагмента в немецком издании идет следующий текст: «Конечно, в последние годы, когда университеты были охвачены сильнейшими потрясениями, это может звучать не очень убедительно. Однако настоящие опасности, уже с конца второй мировой войны угрожавшие вузам и НИИ, хотя и ставшие достоянием общественности только благодаря бунту студентов, - эти опасности родом не из политической сферы. Конечно, в финансовом плане университеты сегодня как никогда зависят от правительства, причем настолько зависят, что уже не имеет значения, являются ли они государственными или частными учреждениями. Однако правительства не могут позволить себе, ни при каких обстоятельствах, блокировать огромные средства из госбюджета, которые повсюду инвестируются сегодня в научные исследования; ибо правительства, как и руководимые ими общества развитых индустриальных стран, во всех отношениях еще больше зависят от университетов, чем те – от правительств. Потенциальная власть университетов фактически еще никогда не была столь большой, как сегодня, что, впрочем, не значит, что университеты сознают эту свою власть, – как не гарантирует это и того, что университеты сумеют в будущем сохранить свою автономию вопреки своей растущей финансовой зависимости. Это лишь значит, что немалая часть проблем, о которых идет речь в нынешнем студенческом движении, – а именно, та часть, которая касается научных исследований в рамках военных заказов, – вполне поддаются решению. Но это, к сожалению, не подходит в случае несравненно более опасного факта, который американский физик Иероним Леттвин выразил следующим образом: «There's no damn thing you can do that can't be turned into war»¹¹². Ведь это не имеет ничего общего с политизацией университетов; последнюю можно упразднить политическими же средствами, но нельзя отменить политизацию ис-

¹¹¹ Арендт Х. Между прошлым и будущим ..., с. 385-386.

¹¹² «Нет ни одного проклятого богом дела, за которое можно взяться, и которое бы не обернулось военным предприятием». Ссылка в нем. издании: New York Times Magazine, May, 18, 1969. - С.П.

следования и науки, лежащую в природе самих вещей. Что бы ни делали естествоиспытатели, они на деле вмешиваются в политические судьбы мира, даже если сами они – совершенно аполитичные люди.

Если мы оставим в стороне новейшие тенденции развития в естественных науках и технике (а рассмотрение их взорвало бы рамки данной статьи), тогда получается, что философские факультеты с их историко-научными и языковедческими отделениями, в обязанности которых входит сохранение, передача и интерпретация свидетельств прошлого, имеют несравненно большее политическое значение, чем естественнонаучные факультеты. Даже простое сохранение и выражение фактического положения дел заключает в себе значительно больше информации, чем сводки новостей из прессы, хотя без последних мы никогда бы не смогли ориентироваться в постоянно меняющемся мире. (Но и эта чрезвычайно важная политическая функция связи лежит, строго говоря, вне политической сферы; чистая передача сообщений не включает в себя никаких действий и решений. Политически ангажированные газеты, которые поставляют своим читателям идеологически препарированную информацию, не выполняют тем самым свою собственно политическую функцию)»¹¹³.

Как видим, в немецкоязычном издании Х. Арендт существенно политизирует тему политической роли Академии, предпочитая говорить о современных ей университетах и НИИ. Заметно политизируется здесь и роль естественнонаучного знания. Если в англоязычном фрагменте утверждается, что общественная и технологическая польза университетов не имеет отношения к политике, то теперь говорится, что естествоиспытатели, даже если они аполитичны, всегда вмешиваются в политические судьбы мира. В целом, политическая роль университетов рассматривается в немецком издании «Истины и политики» более дифференцированно, включая вопросы госфинансирования, военных заказов и пр.

В наши дни этот сюжет из статьи Х. Арендт 1969 года становится опять чрезвычайно актуальным. Налицо общая тенденция бюрократизации высшего образования и университетской науки. Тенденция эта – глобальная, но у нас в России она, как никогда, бросается в глаза. За последние годы в стране возникла злокачественная культура тотальной регламентации учебного процесса, доходящая до параноидного бюрократического террора в отношении

¹¹³ Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft ..., S. 366-367.

творческой работы преподавателя и полного издевательства над здравым смыслом. Все это, возможно, однажды приведет к тому, что известная сентенция полувековой давности – «We don't need no education, We don't need no thought control» – встанет опять в политическую повестку дня.

Философско-политическая концепция, развернутая в «Истине и политике», вряд ли найдет сегодня массу сочувствующих в России. Для многих наших «стандартных» политологов Ханна Арендт – это лишь один из авторитетов в области исследования тоталитаризма, тогда как грандиозный масштаб ее политической философии остается недооцененным. А для многих «стандартных» философов она есть скорее интеллектуальный «антиквариат», чем перспективный мыслитель. Для основной массы отечественных гуманитариев, по-настоящему только «заболевших Фуко», позиция Х. Арендт кажется подозрительной уже в силу ее (нео-) классической ориентации, или – как склонны выражаться некоторые наши коллеги – «эссенциализма».

Между тем немецко-американский философ отстаивает отнюдь не догматизм, а бытийную осмысленность принципа истины, прежде всего, в столь богатой ложью сфере, как политика и «примкнувшая к ней» политология. И сегодня это актуально, как никогда. Фундаментальная философско-демагогическая подмена, которую предпринимает постмодернистская мысль, заключается в сознательном смешении – под лозунгами интеллектуальной свободы – политической тирании и принудительной значимости («тирании») любой истины. Результат этой подмены оказывается столь же парадоксальным, сколь и безнравственным: интеллектуальное разоружение перед реальными врагами свободы (как в теории, так и на практике).

Этически достойная позиция гуманитарного ученого (аполитичного или политически активного – неважно) в первую очередь зависит от его отношения к принципу истины, а не к «значимым» социальным или политическим институтам, организациям, лицам, событиям. Пресловутая «близость практике» («коммунистического строительства» в недавнем прошлом, а сегодня – «обеспечения госбезопасности») как неотъемлемое государственное требование к социальным и гуманитарным дисциплинам имеет мало общего с их настоящим политическим потенциалом. Во всяком случае, политическая наука будет только тогда самостоятельной социальной величиной, когда она будет в «экзистенциальном мо-

душе пребывания наедине»* сохранять дистанцию к партийно-групповым интересам, выставляя в публичное пространство упрямые и неудобные истины политического разума и политических фактов.

Правда, на этом пути политическую науку (как зарубежную, так и отечественную) ждет немало несчастий, поэтому трудно представить себе этот путь массовым. Политолог, в отличие от платоновского философа, не имеет под собой касты кормильцев, он должен сам зарабатывать себе на жизнь. В этом смысле любой ученый, задействованный в рамках какого-то частного проекта или государственной программы – это нормально и неизбежно. Разумеется, это участие всегда имеет политический смысл, даже если вопрос о «неудобных истинах» здесь отпадает, а сам политолог считает, что с его стороны имеет место лишь *business as usual*. В свое время Х. Арендт была уверена, что, по крайней мере, в «конституционно управляемых странах» беспристрастных ученых будут финансировать правящие элиты, сознающие, что это – в их прямых интересах. Насколько такая уверенность философа покрывается сегодня упрямыми фактами, – это вопрос открытый, требующий специального изучения. Во всяком случае, есть подозрение, что и в «развитых демократиях» после завершения холодной войны произошло временное сокращение расходов на гуманитарные исследования и гуманитарное образование (ибо идеологический враг был повержен).

Впрочем, и наивным мнение Х. Арендт тоже не назовешь – оно основывается на культурных особенностях работающей демократии как цивилизованного политического рынка. А рынок этот сам по себе не исключает беспристрастного мнения, более того, создает для него известный спрос, свою нишу. (Даже если согласиться тем, что государственные институты и здесь скорее финансируют пропаганду, чем невыгодные для себя «истины факта и разума»). В этой связи вспоминается история из личного опыта. Пару лет назад в разговоре с берлинским политологом Оскаром Нидермайером, известным в Германии специалистом по партийным системам, я поинтересовался, не сталкивался ли он в своей профессиональной работе с предложениями купить его «экспертную» оценку, слегка подправленную в пользу какой-то партии? Последовал недоуменный встречный вопрос: «А какой в этом смысл? На меня спрос именно как на независимого эксперта Оскара Нидермайера. Мое независимое мнение и есть моя торговая марка».

* Ibid. S. 364.

В странах же, где политический рынок есть категория чуждая или скорее символическая, шансы на поддержку неудобных истин в публичном пространстве оказываются совсем ничтожными. Использовать такие факты в партийной борьбе «по правилам» здесь некому, а госуправленцы смеются над идеей финансовой поддержки неподвластных им учреждений, наверное, еще громче, чем когда-то сиракузские правители – над «истинами разума» одного афинского философа.

**Часть 2. Политический цинизм:
концепт и постсоветская реальность**
(стенограмма Всероссийской научной конференции
27-28 марта 2015 г., Ростов-на-Дону)

Участники

Авдулов Н.С., кандидат исторических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Бокоев О., студент (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Гудков Л.Д., доктор философских наук, профессор (Левада-Центр, Москва)

Денисов С.А., кандидат юридических наук, доцент (Гуманитарный университет, Екатеринбург)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Евченко Н.Н., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Иванников И.А., доктор философских и юридических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Камкия Б.А., кандидат философских наук, доцент (Сочинский институт РУДН, Сочи)

Константинов М.С., кандидат политических наук, доцент (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Кравцов Н.А., кандидат юридических наук, доцент (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Лубский А.В., доктор философских наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Макаренко В.П., доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии педагогических наук Украины (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Марченко Т.А., доктор социологических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Матвеев Г.А., кандидат исторических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Мининков Н.А., доктор исторических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Оболонский А.В., доктор юридических наук, профессор (НИУ-ВШЭ, Москва)

Олейник А.Н., доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник (ЦЭМИ РАН, Москва)

Попов В.Ю., младший научный сотрудник (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Поцелуев С.П., доктор политических наук, доцент (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Протасеня Д.Н., аспирант (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Трубина Е.Г., доктор философских наук (Уральский федеральный университет им.Б.Н.Ельцина, Екатеринбург)

Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

В.П. Макаренко: Добрый день коллеги! Обычно в начале конференции мы презентуем книги. Но сегодня надо прослушать побольше докладов. Поэтому разрешите без преамбулы предоставить слово Льву Дмитриевичу Гудкову. От нескольких слов представления не удержусь. Лев Дмитриевич – один из первых авторов, кто начал писать о цинизме в России. В 2005 году он опубликовал статью на «Цинизм непереходного общества».

Л.Д.Гудков

**ОТ ДВОЕМЫСЛИЯ К ЦИНИЗМУ:
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЦЕНА СТРАТЕГИИ
ПОНИЖАЮЩЕЙ АДАПТАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЛЕВАДА-ЦЕНТРА)**

1. Социология цинизма. «Цинизм» я бы определил как высказывание или действие с установкой на намеренное ценностное снижение Другого, в пределе – демонстративный отказ от признания моральных ценностей других людей того же круга, к которому принадлежит и сам циник. Цинизм отличается от дряблого ценностного релятивизма или нигилизма подчеркнуто провоцирующей дисквалификации Другого. Циническим следует называть такое отрицание смысла значимых для других людей вещей, когда оно производится с полным пониманием того, насколько эти обстоятельства чувствительны и значимы для них. Провокационный эффект цинизма возникает только в том случае, когда циническое высказывание или жест бьет по безусловным, фундаментальным принципам и представлениям, составляющих систему координат для партнера, подрывает структуру его личностной или социальной идентичности. Цинический акт не имеет силы, если касается лишь частных обстоятельств существования или представлений, он должен задевать самые чувствительные точки моральных представлений людей. По своей семантике снижающая установка или действие, лишаящее достоинств и (высоких) человеческих качеств Другого, взывает к «реальности», к «фактического положению дел», к «голой правде», к деидеализации, то

есть «опускание на землю» объекта цинических высказываний или жестов.

Социальный контроль внутри группы или средовой конформизм обычно не допускают индивидуального цинического поведения, расценивая его как бестактность, неприличие, нарушение нормативного порядка в сообществе и подвергают циника мягким санкциям. Однако в публичной сфере отношение к цинизму меняется, становится более терпимым, в некоторых случаях цинизм превращается в предмет рафинированной эстетической игры с границами нормы, а способность к нему – цениться также, как и другие культивируемые социальные свойства – индивидуальная парадоксальность мышления, остроумие, личная независимость. Но если цинизм приобретает публичный характер, то функция его меняется – он превращается в средство социальной борьбы, разрушения ценностных порядков противной стороны и одновременно – актом самоутверждения, претензией циника на превосходство над теми, кто оказывается объектом цинического отношения. Последние могут представлять как неумные «оторванные от жизни» «моралисты», фарисеи и резонеры, непрактичные мечтатели и идеалисты, ретрограды с «принципами»¹¹⁴ и проч.

Распространение цинизма или актуализация его проблематики исследователем должны рассматриваться как симптоматика проявления гетерогенности ценностных порядков разных социальных групп или общностей. При этом одни ценностные порядки начинают восприниматься как утратившие силу и значимость, «уходящие», пустые лицемерные декларации, навязываемые или поддерживаемые консервативным правящим слоем в целях легитимации собственного господства, или, напротив, как моральные основания стабильного общества и государства, традиционные представления, отличающие человеческое сообщество от хаоса «войны всех против всех». Цинизм указывает на эрозию прежних ценностных порядков, разрушение прежних верований и норм, начавшихся глубоких социально-культурных и общественных изменений, конфликта различных ценностей, но сам по себе он не может служить признаком формирования новых институциональных отношений. Он – не вектор изменений и этим цинизм отличается от инновационного прорыва, откровения или изобре-

¹¹⁴ Такой конфликт представлен, например, в романе «Отцы и дети» И.Тургенева (оппозиция «нигилиста» и материалиста Базарова и помещика без определенных занятий Павла Николаевича Кирсанова, человека с «принципами»).

ния, внесения новых идей и смыслов, моральных представлений, определяющих будущие силовые линии социального или культурного процесса. В лучшем случае позитивная функция цинизма сводится к подрыву расхожих мнений или оппортунизму общественного мнения.

В истории мысли мы знаем несколько замечательных ситуаций, когда возникает циническая культура. Прежде всего, это, конечно, греческие киники, среди которых выделяется выразительная фигура Диогена, радикального последователя основоположника школы – Антисфена, учившего практической этике в противовес Платону и его философии теоретического знания. Киники (производное от слова «собака») проповедовали идеи личной независимости как автаркии, освобождение от искусственных общественных условностей, отказу от общепринятых морали и нравов, семьи, государства и прочих установлений. Эпатажная манера изложения своих взглядов Диогеном осталась в истории мировой культуры как образец демонстративного пренебрежения мнениями и нормами поведения обывателей. Киники сильнейшим образом повлияли на философию стоицизма и на античных сатириков и моралистов. Популярность кинических идей достигла максимума в эпоху позднего эллинизма, когда полисная демократия начала деградировать, а греческие полисы теряли свою независимость. Другим примером цинизма можно считать Макиавелли, одного из первых аналитиков политического прагматизма. Ренессансный гедонизм и новое чувство жизни, рискованные интеллектуальные и практические эксперименты с субъективностью и отрицанием традиционных нравов были чертой образа жизни многих титанов того времени, элементами формирования новой городской культуры, прообраза модерности.

Но все-таки то были явления, сравнительно редкие и изолированные. Как устойчивое явление цинизм распространяется в Европе с конца 18 века, одновременно с идеями Нового времени, Истории, Культуры или Цивилизации, отмечающими конец эпохи Старого режима. Европейское просвещение, рационализм, французский материализм и либертинаж и т.п. волны культурных и социальных движений, политических и промышленных революций сопутствовали институционализации современного общества и его институтов. Появление идей национальной и гражданской эмансипации, представительской демократии, правового государства, всеобщего избирательного права, эгалитаризма, феми-

низма и проч. ослабляли этику сословного общества. Процессы трансформации сопровождались разнообразными акциями и символическими манифестациями цинизма (достаточно указать здесь на бодлеровские «Цветы зла», эпоху «декадентства», ницшеанскую идею «гибели богов» и конца Культуры), постепенно мельчавших и становившихся все более тривиальными и пошлыми вплоть до Л.Ф.Селина или нашего В.Сорокина.

Понимание того, как шло утверждение модерности, немыслимо без анализа цинизма как явлений эрозии традиционных нравов, религии, обычаев и политических идеологий. Деньги в достижительском и открытом обществе становятся генерализованным ценностным посредником социальных и индивидуальных отношений, включая и самые сложные и интимные – любовные, познавательные, солидарные отношения, средством измерения социального положения, человеческих достоинств, интеллекта. Именно здесь возникает ощущение совершенно новой эпохи, торжества капитализма, сознания, что чистоган становится мерой всех вещей, свойством атмосферы больших городов с их безличностью, анонимностью, формализмом, иллюзией доступности, массовости и деградации благородства. Возникла целая литература, занятая анализом этих новых явлений. В Германии об этом интереснее других писал Г. Зиммель в своей «Философия денег», анализируя, как происходит разрушение материальных, содержательных ценностей и идеалов под влиянием унифицирующей и нивелирующей формальной рациональности денежных отношений.

В России внимательные наблюдатели, такие, как например, М. Салтыков-Щедрин, отметили подобные тектонические изменения после реформы 1861 года. Вторжение модернизма и модерности осознавалось современниками скорее как «декадентство» (консервативно настроенными современниками), чем как наступление «Серебряного века» (последнее название дано теми, кто ценил в этом, прежде всего, сам процесс внесения новых смыслов и расширение метафизических горизонтов). Чаще о наступлении новых времен говорили именно как об эпохе разложения и разрушения, приближающейся катастрофе.

Современный нам российский цинизм порожден, прежде всего, несостоятельностью попыток демократических изменений общества и государства, абортивным характером модернизации

России. Можно указать на несколько источников возникновения массового цинизма.

Первый, лежащий на поверхности – массовое разочарование в реформах и обращение надежд (иллюзий) в агрессию против тех, с кем ранее были связаны возможности их реализации – демократов, либералов, политиков, задавших другой, гораздо более высокий в сравнении с советским временем, потолок aspirations и этических представлений о человеке и его правах. Высокая степень злобы и ненависти к ним, фиксируемые в массовых социологических опросах, говорит о тех фрустрациях и комплексах неполноценности, человеческой несостоятельности, которые снимаются в мстительной дискредитации прежних лидеров и авторитетов, в отказе от самих этих ценностей, их дисквалификации. Следы прежних мечтаний можно еще обнаружить в утопии «нормальных стран» и понимании, что Россия такой никогда не станет. Подобный рессантимент не является чем-то уникальным, он частый сопутствующий феномен неудачного транзита. Но это лишь самый первый план объяснения распространяющегося цинизма в стране.

Более глубокое объяснение предполагает обращение к анализу специфической антропологии «советского человека», сложившегося в советское время, человека приспособившегося к репрессивному государству и научившегося уживаться с ним ценой снижения запросов, имморализма (этического партикуляризма) и оппортунизма, навыков демонстративной лояльности властям. Среди различных форм российского цинизма можно выделить две основные разновидности – цинизм верхов и цинизм массы, представляющих собой различные реакции социальных групп на инерцию сохранившихся практически без изменений с советских времен институтов насилия и принуждения – суда, политической и муниципальной полиции, прокуратуры, следственного аппарата и т.п.

Если в советское время практики государственного насилия, капиллярного социального контроля и принуждения граждан идеологически оправдывались необходимостью тотальной мобилизации для строительства «нового общества», светлого будущего, аргументами военного времени, установлением хронического режима «чрезвычайного положения», то после краха советской системы система принуждения лишилась какого-либо оправдания. Голый произвол авторитарного режима означал отказ признавать за обычным человеком, обществом в целом какие-либо ценностей, кроме как служить ресурсом для власти. Цинизм порожден самой

конституцией или организацией режима, выстроенного вертикально, сверху вниз, когда вышестоящие инстанции подбирают для себя удобных и лояльных исполнителей, а не компетентных и профессионально квалифицированных специалистов. Такой отбор во власть построен на механизмах негативной селекции кадров, кооптировании в структуры управления самых беспринципных, «эластичных», адаптивных образцов человека. Вспоминая выражение Щедрина, можно сказать, что отбор происходит «применительно к подлости», по нижнему пределу человеческой низости и готовности к унижению других. Последствия такого принципа организации власти в современных условиях означает систематически воспроизводимую девальвацию обычной морали (естественно-правовых представлений о морали как границах насилия, повседневных пределах деспотизма, абсолютной власти). Ценностной полнотой в такой картине реальности обладает лишь сама власть и приближенные к ней группы олигархов. Другими словами, принуждение (власть) базируется на унижении, демонстрации своей силы, что в целом дает очень сильный эффект разрушения ценностей - и моральных, и религиозных, и гражданских. Легитимность подобной власти предполагает порядок, основанный на систематической примитивизации социальной жизни, «опускании других», то есть лишения общества автономности и самостоятельности, а стало быть – подавления социальной дифференциации и сложности.

Лица, причастные к власти (любого уровня) в такой системе, помимо разных бонусов и привилегий, испытывают психологический комфорт благодаря самоутверждению через дисквалификацию другого. Но институциональными последствиями такой организации власти оказывается постоянное ухудшение качества политической системы, депутатского корпуса, управления. Каждые выборы приводят все более худший состав депутатов, лишенных ответственности перед обществом. Их социальный капитал основан на административном ресурсе, связях с высшим руководством. Публичные последствия такой селекции выражаются в ежедневных коррупционных скандалах. Система отбирает худший человеческий материал и с этого начинается, через какое-то время начинается ее саморазрушение.

Однако проблема цинизма власти заключается в том, что продукты цинического мышления или цинического сознания ведут к такой степени интоксикации общества, что с течением времени лишает его способности реагировать на разложение политической

системы. Общество в целом, обреченное «терпеть» произвол авторитарного режима, погружается в состояние апатии. Низовой цинизм оказывается с течением времени фактором подавления развития, консервации сложившейся системы.

В длительной перспективе воздействие постсоветского цинизма заключается в том, что такой механизм ценностного снижения развращает и подавляет авторитет самих элитных групп, делая их внутренне стерильными, непродуктивными, неплодотворными. В результате исчезают какие-либо представления о будущем, способность к выбору, к изменениям, внесению новых смыслов или ориентиров развития, целей общественного движения. Их место занимают имитация ценностей, веры, идеологии, как об этом свидетельствует опыт сотрудничества путинского режима и РПЦ, деградация всей системы постсоветской культуры, литературы, искусства и ее носителей. Лукавый человек не может быть авторитетным. Рассмотрим это более детально.

2. *Российский цинизм – симптом стагнирующего общества.* После первой мировой войны, катастрофы 1917 года, революции, гражданской войны, красного и белого террора, бегства и эмиграции образованных классов, национализаций и экспроприаций разного рода, классовых чисток, коллективизации, нескольких периодов массового голода, сталинских репрессий и т.п. беззакония и произвола коммунистического государства проблематика морали ушла из сознания советского населения. Процессы опустошения и деморализации населения, распространения лагерных нравов, внутреннего одичания во время советского массового террора и последующих десятилетий мало изучены и еще более слабо осмыслены обществом (сам факт постановки такой проблемы уже был предпосылкой проработки и возможностей изменения положения дел). Какое-то, причем довольно долгое, время (конец 1920-х – начало 1950-х годов) человек был поставлен в такие условия, в которых в принципе нельзя говорить о «морали» – любой выбор в условиях массовых репрессий и атмосфере террора был аморален, поскольку субъективно детерминированное нравственное действие влекло за собой конфликт действующего со своим окружением, а значит – и угрозу репрессий или предательства по отношению к какому-либо из близких. За вольную или невольную нелояльность, тем более внутреннее сопротивление советской системе или выпадения из нее, наказывался не только сам действующий, но и его семья, коллеги, друзья и знакомые, а часто и вообще посторонние люди. Принудительная коллективная ответ-

ственность уничтожила проблематику морали (как целой области культуры и определяемой ею социальной организации), что, соответственно, имело следствие разрушение структуры личности сложного типа и ее последующее исчезновение как социального феномена (хотя, разумеется, уникальные примеры человеческой порядочности всегда можно привести).

К настоящему времени она вообще потеряла какой-либо смысл, поскольку российское население не понимает, что за этим стоит, хотя смутное ощущение неблагополучия в этой сфере время от времени проступает в данных массовых опросов. Дело в подавлении самой этой проблематики в массовом сознании, ее отсутствие, стерилизации запроса на нее. Символические дефициты такого плана, ощущаемые немногими людьми еще в советское время компенсировались (в поздние брежневские годы с мумификацией выморочной коммунистической идеологии) суррогатами православного неопитства, оккультизмом, йогой, восточной философией, сыроедением и т.п. После краха СССР и снятия идеологических запретов обрядоверие и магия, суеверия банализировались и стали всеобщим маскультурным явлением (от раннего Кашпировского до назойливых нынешних ТВ-передач о экстрасенсах, ясно-видящих и т.п.), а агрессивная или демонстративная религиозная идентификация – наиболее характерным способом нравственного самоутверждения и самоудовлетворения. Роль религии здесь очень важна, но вовсе не в том плане, в каком об этом рассуждают церковники, утверждая, что именно религия является источником морали.

Дискредитированная большевиками и практикой террора советской власти («...морально то, что соответствует классовым интересам пролетариата», то есть самой власти), эта тематика всерьез не обсуждалась ни советской интеллигенцией ¹¹⁵, ни постсовет-

¹¹⁵ Опять-таки, сама проблематика этого рода стала вновь появляться лишь с первыми признаками идеологического разложения советской системы. Не случаен поэтому и столь длительный успех «Мастера и Маргариты» М.Булгакова, в котором так явно – для советского сознания – поставлен вопрос о предательстве (разрешаемый лишь в условном плане). Справедливости ради, здесь следует упомянуть также и усилия немногих писателей и кинематографистов (В.Тендрякова, В.Быкова, Ю.Трифонов, А.Тарковского, Ю.Казакова, В.Шукшина и других), пытавшихся диагностировать саму ситуацию этической антиномии, хотя и без особого успеха быть услышанными. Подступающему кризису советской системы, «перестройке», предшествовало появление целого ряда произведений, в которых обозначался диссонанс частной морали (личной ответственности) и системы государственного заложенничества и конформизма, по выражению Салтыкова-Щедрина – «круговой поруке снисходительности» (например, в фильме «Остановился поезд» В.Абдрашитова и А.Миндадзе). В постсоветское время это свелось к суррогатному обрядоверию и моральной карикатуре (представленной, например, фильмом «Остров» П.Лунгина). Сегодня эту проблематику вновь пытается под-

ской публикой, довольствующейся глянцевым гламуром и формульной литературой. Она и не могла обсуждаться, поскольку даже «продвинутая» часть российского общества не дотягивалась до того уровня, когда эти проблемы могли быть осознаны.¹¹⁶

Отсутствие морали теснейшим образом обусловлено сознанием невозможности защитить и отстоять свои права, а без их институциональных гарантий не возникает чувство собственного достоинства, даже – понятие чести. Нельзя быть преисполненным чувства собственного достоинства и жить в условиях хронического состояния зависимости от государственной власти¹¹⁷ (что не означает полного отсутствия чувства собственного достоинства в очень узком кругу людей, ограниченных нормами высококвалифицированных профессии, специальностей и т.п., но такое не распространяется за пределы социального фрагмента, зоны «игры» социально близких людей в левадовском смысле). Государственный патернализм – основа нынешнего социального порядка в России, не предполагает и не допускает каких-либо конвенций («общественного договора») населения и власти. Следы прежнего крепостного сознания проступают сегодня в отчуждении от политики или нежелании участвовать в ней, брать на себя соответствующие обязательства. Идея «общественного договора» в российских условиях никогда не существовала как реальная программа или основа для социального порядка, консенсуса, это – иллюзия или благодушный самообман либералов и технократических консультантов власти. Поэтому критика коррупции или неприличной нуворишевской роскоши высшего руководства страны или его при-

нять С.Алексиевич (см. ее интервью «Почему мы такие?», данное «Новой газете», № 95 от 28.08.2013, с.15-16).

¹¹⁶ Современное российское искусство (литература, кинематограф) смутно ощущает утрату способности к моральному измерению социального и частного существования (см. фильм А.Балабанова «Груз-2000», повесть П.Санаева «Похороните меня за плинтусом» и множество менее ярких однотипных сочинений), но даже не пытается осмыслить сам этот феномен или дать какие-то свои диагнозы проблемы. Еще раньше, но в менее выраженном виде это почувствовало советское кино («Афоня», «Полеты во сне и наяву»). Появилась литература, которая на свой лад даже паразитирует на коллективной травме неспособности к морали (В.Сорокин или В.Пелевин, например).

¹¹⁷ От 75 до 80% россиян на протяжении почти 20 лет раз за разом заявляют, что «большинство людей в России не сможет прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства» – ОМ, 2012, с.40, табл.3.6.26. И тем не менее, живут, как утверждают две трети опрошенных, «полагаясь лишь на самих себя» - там же, с. 37, табл.3.6.18. В данном случае мы имеем характерное разделение нормативного представления и фактической констатации положения вещей.

ближенных) практически не затрагивает массового отношения к тем или иным персонам во власти.¹¹⁸

Таким образом, мы имеем дело с двойным набором причин моральной несостоятельности российского общества: первое – эффектом разложением морали (равращением) под действием репрессивных структур тоталитарного, а затем – авторитарного и коррумпированного государства и, во-вторых, неразвитостью, не модернизованностью низовых и провинциальных слоев и зон населения, «недоморалью» населения, сохранением полуразрушенного этического традиционализма, отсутствием универсалистских представлений. Соединяясь вместе, эти обстоятельства и производят такой эффект общей моральной несостоятельности российского общества. Сохранение примитивности социальных отношений и самопонимания граждан, сниженного нравственного и интеллектуального уровня населения целиком объективно соответствует интересам и практике государственной бюрократии российского типа: простыми людьми, лишенными чести и достоинства, компетентности и знаний легче командовать и управлять. Любая бюрократия, а бесконтрольная со стороны населения, тем более, может функционировать лишь постоянно и систематически упрощая и нивелируя имеющееся ценностное разнообразие, подгоняя «социальный материал» под общие положения своих инструкций. Аппарат нынешней власти тем охотнее это делает, что средств заставить его отвечать за свои решения и проводимую политику, за низкий уровень компетентности ни у населения, ни у самой верховной власти нет. Поэтому для обывателя есть лишь два варианта: подчиняться тому, что соответствует интересам правящей группировки, или обходить принятые бюрократией правила поведения.

«Слабость» морального сознания российского общества (несостоятельность морали как структуры коллективных регуляций) связана с тем, что я называю «понижающим трансформатором», а Левада (более точно) – «стратегией понижающей адаптации», необходимостью уживаться с произволом самодостаточной власти. Репрессивный и аморальный характер российского социума не есть сущность сама по себе, это не просто проявление злой воли

¹¹⁸ Непробиваемое равнодушие не только к фактам массового диссертационного плагиата высших лиц или к сведениям о сомнительной по происхождению собственности, к всеобщему казнокрадству и т.п. и т. д., говорит о том, что в общественном мнении нет связи между коррупцией, лживостью руководства и массовым насилием, то есть между политикой и частной жизнью граждан.

или природной низости населения, их «естественного», прирожденного стремления к дисквалификации и унижению Других, а следствие более примитивного, чем само российское общество или, как минимум, продвинутых и образованных групп, устройства власти государства, церкви, их стремления удержать коллективные представления подчиненных на доступном ей (властной элите) уровне. Аморализм есть результат систематического понижения, упрощения социальных отношений, вызванных приспособлением к архаической и примитивной системе господства.

Для обывателя не являются новостью ни факты коррупции в высших эшелонах власти, ни вызывающий аморализм поведения власти (демонстративное нарушение общепринятых правил поведения – публичные оскорбления оппонентов, нарушения ПДД высокопоставленными чиновниками и их дворней, избирательное правоприменение и прочие действия, свидетельствующие о претензиях на *эксклюзивность* данных лиц, на исключение их из общих правил, и указывающие на символические ресурсы суверенности власти). Регулярные скандалы, еженедельно вспыхивающие в российском парламенте, в ключевых министерствах, в правоохранительных органах, в судах, в госкорпорациях и т.п. лишь подкрепляют массовые представления о казнокрадстве, лихоимстве и безудержной жадности тех, кто причастен к власти. Более того, эти представления давно стали частью образа самой власти, политического режима, сложившегося еще до Путина и закрепившиеся при нем в нулевые и десятые годы. Избирательное правоприменение и карательный характер судебной системы предназначен, по мнению граждан, для защиты тех, кто кооптирован в высшие эшелоны власти, 79% считают, что в России сложилась система круговой поруки и ухода от ответственности людей, наделенных властью (апрель 2012, N=1600).

То, что люди во власти кормятся от казны, воруют, лгут, никого не удивляет, поскольку само занятие властных позиций мыслится исключительно как мотивированное чисто корыстными интересами, открывающее доступ к закрытым для обычных профанов ресурсам – обогащения (через инсайдеровскую информацию, сговор с бизнесом, получением откатов, взяток, льготного приобретения собственности или участия в рейдерских захватах с помощью суда и правоохранительных органов, установления преференций для членов семейного бизнеса и проч.), а также – самоценностью насилия, возможностями демонстративного потребления и праздной жизни. Оно лишено каких-либо признаков

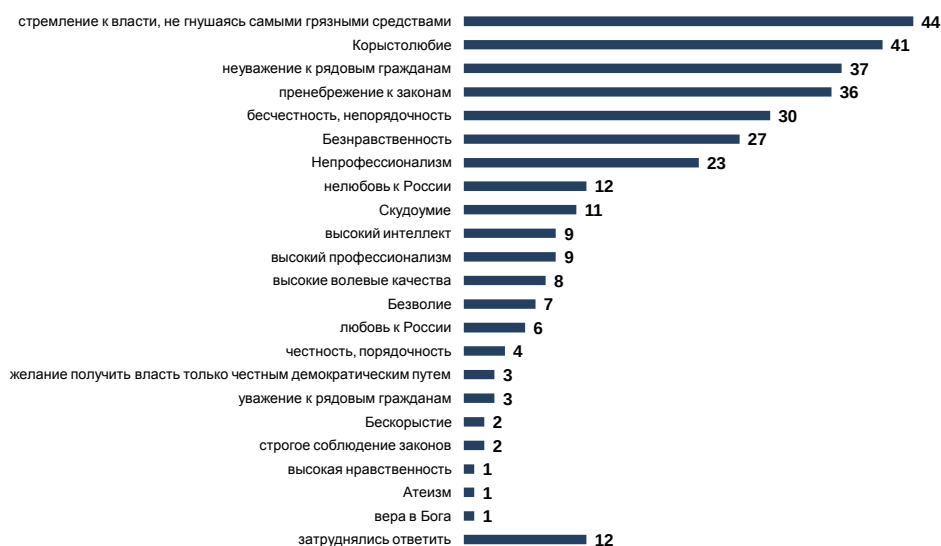
идеологического оправдания, ориентации на ценности «общего блага». Это и есть цель достижения власти, содержание ее суверенитета, ограждаемого барьером чрезвычайности, избирательности, недоступности для других (и несменяемости). Производное от этого – общая уверенность, что все врут, но те, кто выступают от имени государства, врут чаще и больше.

Общее убеждение состоит в том, что *лгут практически все*, что это такой же код социальности, как насилие или управляемые выборы. Подобные представления укорены в традиционном российском восприятии политики (и пропаганды как государственной дезинформации и лжи – советское время здесь не является исключением, а лишь дополняющим подкреплением этих глубоко лежащих представлений). Скорее это следует относить на счет практики неправового государства, будь то самодержавная абсолютистская бюрократия, советский тоталитаризм или постсоветский путинизм. Недоверие к официальным источникам информации (при зависимости от них) пронизывает весь аппарат управления и общество в целом. Подобное недоверие может также быть средством поддержания персоналистских иллюзий и оправдания диктатора («он хотел лучшего, но ему обманывали, ему мешали, оказывали сопротивление и т.п.»)

Чего, по вашему мнению, люди в России сейчас больше всего ждут от власти?

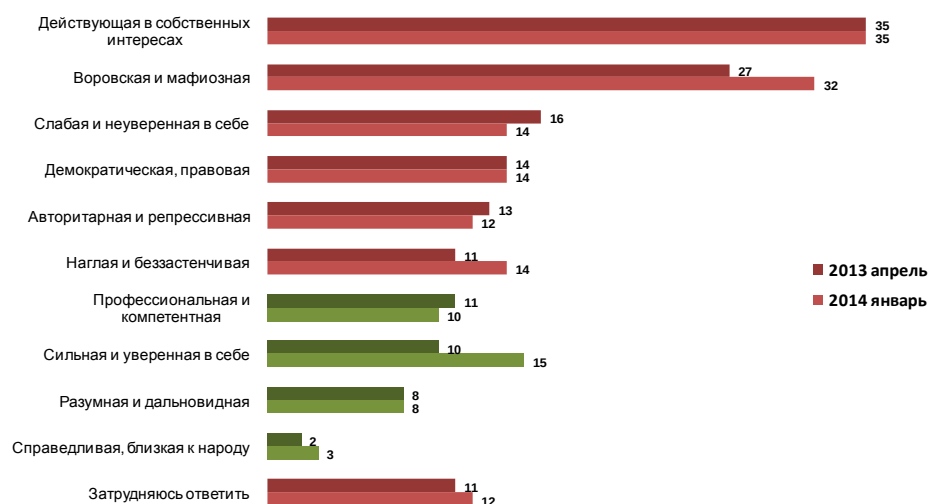

Как бы вы охарактеризовали российских политиков, нынешнюю власть?

Январь 2014, N=1600, ответы ранжированы

Как бы вы охарактеризовали нынешнюю власть?

N=1600

Недоверие — это постоянное ожидание агрессии встречаемых людей, будь то чиновники или случайные попутчики в общественном транспорте, настороженность, готовность заподозрить всех и вся в обмане, враждебных намерениях, хищениях, несправед-

ливом отношении и т.п.¹¹⁹ И дело здесь не в недостатке надежной информации, а в привычной убежденности, что такова природа власти, что это не индивидуальные свойства конкретного политика (Жириновского, Лаврова, Путина, Сердюкова, Якунина, Собянина), а характеристики социальной роли, производной от занимаемой позиции и отношения к ней общества. Негативное определение Другого (обобщенного или конкретного партнера) составляет консенсус власти и общества, обусловленный социальным типом человека, описанного в работах исследовательской группы проекта «Советский простой человек». Это сочетание негативизма (отсутствие уважения, что не обязательно должно сопровождаться возмущением) и безальтернативности (синдром лакея или крепостного) определяет мотивацию тех, кто, разделяя мнение о «Единой России» как «партии жуликов и воров», тем не менее, голосует за нее, испытывая к ней (к ее руководству, а не к низовому составу) смесь таких чувств, как надежду, пресмыкательство и презрение. Можно сказать, что это «панцирь» негативной социальности, играет роль внешнего корпуса норм поведения в обществе, система базовых представлений, негативным образом конституирующая само общество. (В отличие от представительной демократии и правового государства, составляющего костяк институциональной организации современного социума, здесь структуры негативной идентичности образуются как опорные системы защитных механизмов частной жизни, лишенной самой по себе определенности и устойчивости, как у ракообразных – хитиновый корпус, удерживающий мягкие внутренние органы).¹²⁰

Неуважение или хроническое (системное) презрение к власти опирается на представления о механизмах негативной или имморальной отобранности людей во власть. Другими словами, подобные персонифицированные оценки отражают слабо рационализированные представления об институциональных формах и принципах организации авторитарного или тоталитарного социума – нерасчлененного в функциональном плане и неспециализированного «общества-государства». Диффузное негативное представление о «власти» компенсируется или уравнивается представ-

¹¹⁹ Доминирует убежденность в том, что власти относятся к обычным людям несправедливо (66%), мнение «справедливо и одинаково, как к себе» разделяют лишь 23%. (2007-11, N=1600)

¹²⁰ Гудков Л. Страх как рамка понимания // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., МВШСЭН – ИНТЕРЦЕНТР, 2000, VII Международный симпозиум, с.438

лением о «лидере», национальном вожде или хозяине страны, который наделяется теми воображаемыми, желаемыми достоинствами (не имеющим отношения к реальности), которые *хотели бы видеть* в нем поданные. Подобный лидер получает нуминозный ореол достоинств, ценимых в обществе, поскольку они приписываются обществом самому себе. Поэтому этот символический потенциал практически неразрушим в текущем времени, так как он не может быть рационализирован, ибо состоит из *массовых иллюзий*.

Заведомо дисквалифицирующая интерпретация моральных качеств и мотивации действующих здесь лиц вменяет аморальные (асоциальные по отношению к основной массе населения), эгоистические или цинические мотивы действия, что предполагает тем самым отделение их от «обычных» людей, от «большинства», их отделенность (здесь важны отглагольные определения, содержащие процессуальные компоненты значений).¹²¹ Следовательно, специфическую характеристику оцениваемая таким образом сфера получает именно по отношению к неопределенному массиву «большинства» (низового или сниженного), которому назначаются свойства предельной тотальности – «все».

Подобная операция имеет двойное назначение: во-первых, выделяет негативно оцениваемые системы действия, неподконтрольные основной массе населения, а во-вторых – формирует столь же неопределенное представление о «всех», но уже лишенных негативных значений. «Большинство» – это не содержательное, не предметное определение совокупности каких-то социальных групп или образований, слоев, классов и т.п., а апеллятивная инстанция, функция которой – идентификация с массой, «быть как все».¹²² За таким способом работы массового сознания стоит сохранение понятия недифференцированности целого («народа», «страны», «государства», «населения», «общества» и т.д.) и подавление необходимой специализации и разнообразия ценностных

¹²¹ Примечательно признание со стороны «верных русланов» режима той глубокой антипатии, которое население питает к власти. Так, например, полпред правительства в высших судах Михаил Барцевский, выступая в Госдуме по поводу законопроекта [о запрете чиновникам иметь иностранную недвижимость, счета, собственность за рубежом], предупреждал, что *«нельзя принимать законы в угоду общества»* [курсив мой - ЛГ]: «Если вы предложите расстрел губернатора после окончания их срока полномочий, то во многих регионах общество это поддержит» - заявлял он в декабре прошлого года. // *Наталья Городецкая, Иван Сафронов*. Расходное место, Коммерсантъ, № 63 от 11 апреля 2013, с 2.

¹²² *Левада Ю.* О «большинстве» и «меньшинстве» // Юрий Левада. Ищем человека, М., Новое издательство, 2006, с. 350-363.

качеств и достоинств индивидов, групп, взаимосвязности и функциональной взаимозависимости институтов и групп, идея коммуникативной структуры сообщества.

Производимая таким образом *бескачественность «большинства»* позволяет не только выделить отдельные зоны сомнительных занятий, отделив их (в качестве «мы») от правящего «они», за которых обыватель не хочет нести ответственности, но одновременно производится девальвация, обесценивание частных форм самоопределения (с точки зрения господствующих групп или сил, присваивающих себе права представительства всего «целого», апроприрующих права и средства принуждения к признанию значимости этого целого, а значит – дисквалифицирующих любые попытки других действующих лиц субъективно выделиться из аморфного «большинства»). Единственно, что соединяет отдельные зоны или сферы и организует подобное «большинство», – это вера в общность происхождения, традиционалистская по способу своего действия интеграция социума.

Подобный механизм маргинализации или дисквалификации морального поведения или, напротив, наделения особыми ценностными значениями позиции индивида или группы не случаен. Напротив, работа такого рода есть выражение недифференцированного общественного устройства (когда целое представлено лишь в одном виде: авторитарная власть – подданные). Любое самодостаточное поведение индивида в таких случаях воспринимается либо как юродство, либо как асоциальное действие, оскорбление публики, кощунство, психическое отклонение.¹²³ Неиндивидуальное представление о мотивах действия (тотализация действия: «вся политика», «весь бизнес», «все чиновничество», «весь народ») предполагает подсознательную стерилизацию моральных установок, выражающих внутренний императив и требование «понимания», «понимать мотивы действующего».

Выделение производится не как признание заслуг или достижений, добродетели или достоинств тех, кого выделяют (что было бы фактически признанием процессов структурно-функциональной дифференциации общества), признаками чего должны были бы

¹²³ Гудков Л., Левинсон А. Образ Сахарова в общественном мнении: 20 лет спустя // Вестник общественного мнения, 2011, №1 (107) январь-март, с.87-101. = Сахаровский сборник. М., РГГУ, 2010. сост. А.Бабенышев, с.396-428. Ср. массовую реакцию на выступления группы и процесс против «Пусси-Райт»: Общественное мнение - 2012, с.136-139, табл. 11.47 – 11.52.

стать коммуникации разного рода, опосредующие взаимосвязи, авторитетная квалификация достижения (то есть механизм элитного структурирования социума). Оно основывается на негативном определении выделившихся (если смотреть «снизу») или позитивном признании властью в качестве того, что угодно господствующей группировке («их власть, кого хотят, того и награждают», как говорила А. Ахматова). Само общество отделено от системы квалификации социальных успехов, оценки поведения как должного и недолжного, как порочного или подобающего нравам и моральным принципам, то есть не различает зло, преступление или стечение обстоятельств т.п.

Бескачественность массы принципиальна в данном отношении, поскольку она не естественное состояние, а продукт, результат определенной организации советского и постсоветского социума, точнее – авторитарной власти, принципиально лишенной контроля со стороны общества. Этот эффект можно назвать следствием постоянно и систематически воспроизводимого обесценивания человека.¹²⁴ Ресурс власти – аморализм как специфический социальный эффект господства. Аморализм (цинизм) – не просто механизм понижения ценностей, а установка на систематическое упрощение представлений о природе человека. Когда авторитарная власть в целях стерилизации общественного протеста (рождаемого из потребности многообразия и моральной определенности) принимает на вооружение политические технологии дискредитации и дисквалификации оппонентов, руководствуясь тактикой «опускания» общества, поддержания его в состоянии отказа от будущего, бескрылости, деидеализации, то неконтролируемым следствием этого в недолгом времени оказывается тотальное равнодушие общества к «общим проблемам» и аккумуляция диффузной агрессии и злобы, ни на кого конкретно не направленной.

Функции насилия как культуры заключается в обосновании и сохранении таких диффузных представлений, напрямую не связанных с принуждением или репрессиями, которые обосновывают значимость практик дисквалификации частного существования, подавления автономных от власти структур, особенно таких, которые обладают потенциалом воспроизводства, передачи образцов. Нерасторжимая связь коллективных ценностей с насилием апроприруется и монополизируется властью, которая назначает

¹²⁴ Власть, по выражению главного редактора «Сноба» Н.Ускова, «относится к людям как к мусору» (из телевизионной передачи «Право голоса», ноябрь 2013 г.).

себя хранителем и защитником интересов всего национального целого. Ими (символическими представлениями этого рода) могут быть любые смыслы, утверждающие культ силы и необходимость социальной мобилизации (великая держава, национализм, милитаризм, пафос героизма и коллективного самопожертвования) или традиционалистское превосходство коллектива над личностью, социального целого (группы, сообщества) над частным или отдельным существованием (нации, государства над группой или отдельным человеком), как это сегодня утверждает РПЦ.

То, что лишенное оправдания насилие, воспринимаемое как человеческая грубость, неразвитость, «хамство» («низость»), выдвигается в качестве высших образцов общественной структуры, стиля поведения национальных лидеров, паттернов социетальных структур,¹²⁵ явление – совершенно не случайное. Это не результат субъективного произвола диктатора, а закономерное выражение оборотной стороны «героического варварства». Идентификация населения с этими символическими комплексами представлений (с «великой державой», обладающей всеми неперенными атрибутами: ракетно-ядерной мощью, массовой призывной армией, силовой политикой на подконтрольном пространстве, готовность к пренебрежению суверенитетом других стран, как это было в Афганистане или сегодня в Украине) позволяет властям обеспечить легитимацию собственного произвола, а также эксплуатировать производные от этого страхи населения, его потребность в безопасности, защищенности, спокойствии. Тем самым, происходит переключение, канализация страхов в ресурсы массовой поддержки власти: невольное принятие в роли руководителей великой страны номенклатурных фигур, исходно не избираемых, а кооптируемых во власть, и лишь затем превращаемых в «политических лидеров». Тем самым становится невозможным какой-либо контроль за ними, снимаются какие-либо требования ответственности за то, каким образом режим будет распоряжаться ресурсом легитимного доверия. Понимание, что власть пускает этот ресурс исключительно на собственные нужды – материального самообес-

¹²⁵ На вопрос: «Что вызывает у Вас чувство стыда и напряжения, когда Вы обращаетесь к российской истории XX века?», задаваемый в рамках программы «Советский человек», от 78% опрошенных (1989 г.) до 69% (в 2008 г., наиболее благополучном, докризисном времени современной России) год заявили, «великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности», на втором месте ответы «грубость нравов, неуважение людей друг к другу» (за те же 20 лет в среднем около 50% опрошенных, здесь колебания в ответах минимальны и лежат в пределах допустимой стандартной статистической ошибки).

печения, обогащения, не меняет хронического чувства массовой незащищенности и уязвимости, с одной стороны, неизбежности подчинения, с другой.

Подавляя социальную дифференциацию и тем самым все прочие социальные структуры (представительства, выражения интересов и потребностей различных групп населения), власть подавляет или стерилизует возможности автономизации подобных групп, защищая собственные интересы и интересы таких же как они, то есть само право, идею самодостаточности индивида, группы, общности, их право на автономию. Взамен этого власть всячески пытается поддерживать и подпитывать надежды населения относительно своих благих намерений. Массовые иллюзии такого рода тем устойчивее, что они не могут быть критически осмысленными, рационализируемыми (хотя, как мы видели ранее, скептицизм остается, но он существует как бы параллельно надеждам). В итоге интересы и потребности частной жизни никак не могут быть артикулируемы и представлены в публичном поле, что, собственно, и парализует потенциал и средства консолидации общества, общественного взаимодействия. Так возникает не только ложь перехвата, но и пространство взаимного обмана и лукавства. В свою очередь, такого рода игра является не только компенсацией дефицитом социальности, но и ресурсом уверенности властей в устойчивой и апатичной покорности населения. Авторитарный режим (в отличие от тоталитарного) не нуждается в идеологической индоктринации населения, «идейности», искренней «веры» подданных в обещания руководства, ему достаточно демонстрации лояльности или отсутствие признаков явного сопротивления власти.

Приспосабливаясь к действиям тех, у кого власть (средства капиллярного повседневного принуждения), общество вынуждено принимать и требования систематического упрощения правил социального поведения, подчиняться им, отказываясь от ориентации на более сложные и рационализированные образцы деятельности, обеспечивающие хотя и отложенный, но более сильный в конечном счете гратификационный эффект и результаты. Насилие девальвирует ценности и новые представления, постоянно возникающие в общественных средах, где концентрируется и ферментируется культурное многообразие (мыслимое только при условии ограничения грубого насилия). Многообразие не может возникать и, тем более, воспроизводиться в условиях, грубо говоря, всерос-

сийской кущевки. Поэтому состояние массовой апатии, присущее репрессивным (авторитарным и тоталитарным) режимам, равнодушия, бесчувственности к окружающим суть не «естественные» или традиционные характеристики населения, а производные системы принуждения, подавление солидарности, установок на сотрудничество, готовности к благотворительности и сознания своей ответственности за происходящее в обществе. Культивируемое насилие, но с обратным эффектом: его функция – понижение социальной и антропологической сложности, ослабление разницы потенциалов между элитой и массой, напряженности духовной (поисковой) жизни.

Насилие редко бывает гипостазировано на уровне общества в целом в виде четко артикулированных структур – идеологии насилия, гораздо чаще оно, как и речь (или культура), реализуется в неформализованных и неформализуемых практиках институтов управления, принуждения, поддержания социального порядка.¹²⁶ Нас в данном случае интересует прежде всего капиллярное, диффузное, слабо отмеченное или даже само-собой разумеющееся насилие как среда или атмосфера репрессивного государства и общества. В этом случае насилие или принуждение – это всегда «темная материя» социума, его «бессознательное», закрытое от рационализации не только специальными стараниями властей, но и потому, что здесь не работают позитивные стимулы и мотивы поведения индивидов, предполагающие открытый, публично социальный характер gratification.

Мораль в России потому и не возникает как массовая система регуляции, что не возникает идеи «общего блага», и соответственно, подавляется сама социальная возможность символической инстанции, перед которой индивид должен (а значит - и может) отвечать, внутренне чувствуя свою связь и ответственность перед неопределенно большим коллективом или общностью себе подобных (совесть, интернализованный социальный контроль группы

¹²⁶ Trotha von, *Tr. Zur Soziologie der Gewalt* // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft 37, 1997, S. 9-56; Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001; (Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков). СПб. 2001; Афанасьев Ю. Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М.: РГГУ, 2001; Волков В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., ГУ-ВШЭ, 2005; Волков В.В. Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, Т.2., №3; Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии, 2002, Т.5, №1, с.151-160;

или даже института, например, научной совести). Как показывают данные опросов, люди в России ощущают ответственность только перед самым узким кругом близких: членами семьи, друзьями, в меньшей степени – коллегами. Возникновению моральных представлений препятствует присвоенное властью представление о национальном целом, которое (целое) якобы подлежит защите и монопольному представительству исключительно тоталитарной или авторитарной властью.

Подобная двойная идентификация – свой круг частных интересов и забот о собственном благе и благе ближних, забот выживания (продолжения существования) и план интересов власти, с которой время от времени, ситуативно идентифицирует себя индивид, – задает постоянную «игру» с рамками действия и смену перспектив, в которых происходит определения себя и других действующих лиц, оценки ситуации действия. Частный человек с его проблемами существования исключает (в российском контексте) понятие политического участия, допуская в некоторых случаях лишь связанное с ним понятие «подданного», государственно зависимого обывателя. И наоборот, политическая ангажированность и гражданская ответственность в нашем случае означает другую перспективу самоопределения, в которой на первый план выходят такие понятия, как чувство личной ответственности за положение дел в обществе, в стране, альтруизм и справедливость.¹²⁷

Подчинение такому режиму эксклюзивности равнозначно условиям принятия произвола власти, признания силы избирательного правоприменения, тихого согласия (или отсутствие сопротивления) на терпение насилия, все равно будет ли это практикой «социалистической законности» или «басманным правосудием».¹²⁸ В любом случае это означает действия, поведение в ус-

¹²⁷ Левада Ю.: «Наш» вариант – это безальтернативные медиа, это люди, не привыкшие фильтровать и оценивать приходящую информацию. А главное же – изолированный человек, инкапсулированный в своем мире, не принимает гражданской ответственности за «происходящее в стране» и не только не готов, но и сам не испытывает склонности к гражданскому, коллективно-ответственному действию. Это прямое наследие советского, тоталитарного периода, которое как будто сохранилось в «первозданном» виде – за одним правда исключением: рассеялся, и, видимо, безвозвратно, тот универсальный страх, который допускал лишь один вид коллективного поведения – коллективное заложничество (если «все» считаются ответственными за «одного», это означает, что «все» принуждены, вынуждены и заранее готовы ради собственного спасения этого «одного» выдать и растоптать...). Сегодня, кажется, такой страх снят // Левада Ю. Ищем человека, с. 367.

¹²⁸ «Нельзя объяснить подобные ситуации [монолитного единомыслия] просто массовым принуждением или обстановкой всеобщего устрашения. И наш собственный, и чужой опыт

ловиях правового и морального партикуляризма. Последний не эквивалентен явлениям ценностного релятивизма (по генезису и по функциям), хотя может восприниматься как близкое или родственное ему явление ¹²⁹.

Сознательное самоисключение из определенного круга ответственности моральных императивов и норм под действием произвола власти или внешнего принуждения социального окружения, опосредующего давление институтов господства (что может быть описано как «терпение» или как средовой «конформизм») указывает на своеобразную структуру личности – тип «советского человека». С точки зрения современной культуры, культуры современного общества – этот тип приспособления должен был бы называться «моральным разрушением» личности, утратой ее целостности, но с точки зрения индивидуальной выживаемости в условиях террора или более умеренного, но все же репрессивного государства,

свидетельствуют о значительной роли добровольного массового участия в поддержании атмосферы всеобщего единодушия – единогласия – единомыслия. Стремление «быть как все», более того, готовность упиваться собственным «растворением» в массе – распространенная разновидность социального мазохизма, которая предельно упрощает жизнь, избавляет человека от мук совести, от индивидуальной ответственности, сложности нравственного выбора, превращает его в потенциального добровольно-безответственного соучастника массовых акций, в том числе и массовых преступлений режима. В подобном пароксизме восторженного самоуничтожения не столь важно, на кого переносится ответственность – непосредственно на «всех» (действуй как все), на непогрешимого харизматического лидера («фюрер думает за тебя») или на некую идеологическую, религиозную структуру. Такого рода «растворенная» сопричастность создает сильнодействующую иллюзию безопасности, как внутренней (от сомнений), так и внешней (от враждебных сил). Более того, малейшая попытка противостоять всеобщему единодушию, сохраняя какую-то собственную позицию, вызывает спонтанное возмущение и яростный – не только по приказу – коллективный отпор: ведь сама возможность отдельного мнения подрывает всю систему коллективной безопасности. Поэтому столь зачаточный, искусственно созданный плюрализм с такой легкостью уступает новому единомыслию. Особенно в условиях социально-политической мобилизации и воинственной напряженности». - *Левада Ю.* Общественное мнение у горизонта столетий // Ищем человека, с. 21

¹²⁹ Релятивизм характерен для сравнительно развитого общества и индивидуального сознания. Он возникает как реакция на эрозию уже имеющегося универсализма права, морали в уже модернизированном, массовом обществе со сложившимися формальными институтами (рыночной экономики, представительной демократии, правового государства). Ценностный релятивизм – это реакция на выявляемые противоречия и процессы, идущие в современном обществе, предпосылка специфического западного цинизма. Моральный и правовой партикуляризм – явление принципиально другого рода, другого происхождения. Его нельзя рассматривать как производное от процессов модернизации. Это амальгама (или агрегат) архаических и современных образований и представлений, не подлежащих рационализации и генерализации, это «механическое» (в дюргеймовском смысле) сочетание не сливающихся друг с другом, разнородных социальных нормативных систем, не подлежащих проработки в силу подавления подобных возможностей репрессивной властью. Российский цинизм в этом смысле отличается от западного, порожденного модернизационным проживанием наследия Просвещения. Это последнее соображение принадлежит японскому исследователю проблемы национальной специфики цинизма Кёхэй Норимацу, сделанное им в частной беседе с автором.

каким сегодня является путинский режим, – ее следовало бы называть «пластичностью», «прагматизмом» или «реализмом беспринципности».¹³⁰

Алгоритм поведения и определения ситуации строится на двойственности самотождественности: «я – вынужден так поступать, поскольку меня к этому принудили» (какие-то другие или в характерно анонимной форме: «обстоятельства сложились так, что я/NN был вынужден»), «так делают все», «иначе нельзя», «я только выполнял приказ» и проч.¹³¹ Если рассматривать это обстоятельство в долгосрочной перспективе, оценивать социальные последствия «морального партикуляризма» (с логической точки зрения это – оксюморон, с социологической – действенная тактика приспособления к произволу, к репрессивному государству и обществу, механизм снижающей адаптации), то практика социализации к капиллярному и всеобъемлющему насилию превращается в своеобразную «культуру насилия», проявления которой уже непосредственно не связаны с институтами власти и господства. Эпифеномены культуры насилия могут быть самыми разнообразными: от внутрисемейной агрессии и грубости нравов до демонстрации силы на улице, на ТВ, в символическом проезде кортежей президента, парализующего уличное движение, машин высоких чиновников с мигалками, пытках в полиции, карательном судопроизводстве, дедовщине в армии, куцевках и т.п. явлениях диффузного насилия.

Хроническое насилие, воспроизводимое на протяжении десятилетий, стерилизует умственный потенциал наиболее образованных и специализированных групп, лишая их доверия к самим себе, а соответственно, и признания их деятельности в обществе, тем самым – систематически подавляя интеллектуальные способности всего общества.¹³² Этот процесс может быть назван посто-

¹³⁰ Черты или свойства этого типа описаны во множестве литературных или кинопроизведениях, авторская оценка его может простирается от безоговорочной симпатии (Иван Денисович) до частичного полного осуждения («Афоня», Служкин в совсем недавнем романе А.Иванова «Географ глобус пропил»), что не меняет структуры самого типа.

¹³¹ «Люди, для которых центральной задачей будет – уберечь себя. ... Потому, что боятся, как бы не съели. Неосновательно бояться – такой стиль. К сожалению, это тот стиль жизни, с которым нам приходится сталкиваться. ... Пока продолжается это, организация серьезная нам не светит». ... Советское общество плодило не коллективность, а что-то вроде всеобщего заложничества, где каждый отвечал за другого в смысле: вынужден был страдать за другого, а не как-то помогать ему». – *Левада Ю.* Что может и чего не может социология. Лекция на «Полит.ру» в Билингве 16.012.2004.- <http://www.polit.ru/article/2005/01/04/levada/>

¹³² «...Мы живем в обществе, которое поедает свои элиты и норовит их растворить, лишая смысла и слово “элиты”, и слово “интеллигенция”, например, а других способов увидеть це-

янной деинтеллектуализацией общества в целом, стерилизацией его ценностных оснований, на которых только и могут быть формируемы универсалистские институты современности. Прежде всего разрушается сама возможность формирования и кристаллизации этических оснований человеческого поведения, как собственного, так и ожидания его у других. Как следствие этого — *деморализация населения*, подавление способности населения к какой-либо нравственной оценке действий властей, расчеловечивание (или опредмечивание, «натурализация») политической системы, восприятие систем господства как бесчеловечной и часто — иррациональной, стихийной и неуправляемой силы, не доступной контролю обычных людей. Возможность обсуждения власти фактически табуируется массовым сознанием. В итоге не только сами практики подавления оказываются слабо рационализируемыми, но и восприятие власти оказывается окрашенным идущими из коллективного подсознания нуминозными установками (стертой священности традиционалистской, то есть не основанной на конкуренции и достижениях, социальной иерархии), социально девальвирующими поданных.

Такое отношение к политической системе господства старательно поддерживается нынешним режимом, подпираемое насаждаемыми через ТВ квазифундаментализмом, православием, демагогической защитой «национальных ценностей». Нейтрализации и вытеснению из сферы публичности подлежит все то, что могло бы потенциально побудить людей к более высокому уровню идеального, появлению ценностей как универсалистских регуляторов высшего уровня (альтруизма, чувства собственного достоинства, чести, немыслимой без сознания самодостаточности и автономности своего существования, то есть независимости от власти), а соответственно, к сознанию своих — *неотчуждаемых, то есть «естественных»*, прав. Как раз именно вопросы «прав человека» в России воспринимаются как нечто «неестественное», искусственное, привнесенное откуда-то извне, например, с «Запада». Напротив, обязательства перед властями, повинности оказываются предметом постоянной критической, публичной и негативной оценки, что мотивирует людей на уклонение от них.

ли, увидеть смыслы — нету. Вот причина многих коллизий, с которыми мы сталкиваемся сегодня, завтра». — *Ю.Левада*. Лекция на «Полит.ру» в Билингве, 15 апреля 2004 - <http://www.polit.ru/article/2004/05/15/levada/>

С уходом советской идеологии, массовым разочарованием в демократических реформах административный произвол лишился какого бы то обоснования или оправдания. Оказалось, что можно использовать любые возможные пласты и ресурсы символических значений: имперских, коммунистических, нацистских, расистских, православных, либерально-демократических, правового государства, модернизационного рывка, социального государства и проч. и проч. Способность к свободному оперированию подобными идеологемами – главный признак, характеризующий сегодняшние публичные фигуры. Образец здесь задан Жириновским, у которого учились все ведущие сегодняшние российские лидеры. Но председатель ЛДПР не творец, а лишь импровизатор. Ни ложь, ни политическая демагогия не являются чем-то особенным в истории общественной жизни. Лживость высших или ведущих политиков и государственных функционеров – это демонстративный эквивалент их силы или влияния. Эта уверенность держится на подразумеваемой всеми посылке, что – воля тех, у кого власть, какую бы несусветицу и неправду они не несли, должна определять социальный порядок в стране и его определяет. На этой посылке – на праве чрезвычайности (символического нарушения прежнего порядка и введения своего собственного нормативного определения реальности) авторитарной власти и держится ее суверенитет. Это – замена идеологии и каких-либо представлений о будущем, об «общем благе» (*res publica*), которым в других странах мотивирована деятельность бюрократии. «Длящийся вариант российского исторического выбора (в принципе все еще завершающего «наш» затянувшийся XX век) недостаточно рассматривать на фрагментарном уровне как набор событий, акций, переживаний и т.д. Но и какой-то внутренней (да и декларативной) сверхзадачи, по постановке и реализации которой этот отрезок можно было бы оценить, не просматривается. Главным «принципом» характерной для него политики и морали можно считать воинственную беспринципность, ориентированную на краткосрочный практический успех, даже на эффект (впечатление в глазах высшего начальства) в любой области и любой «ценно» достигаемый. Поэтому определяющим признаком этого времени и его фигурантов служит преимущественно, если не исключительно, стиль их деятельности. Под стилем в данном случае (применительно к политическому периоду, политической деятельности) можно понимать прежде всего характерные способы связи целевых устано-

вок и используемых для их реализации средств, критериев оценки тех и других. Наиболее очевидны в данной ситуации такие его компоненты, как сведение политики к технологии, управления - к манипуляциям. Отсюда и снижение уровня социальных, политических, региональных международных проблем до административно-технологических (включая обращение к «силовым» структурам и соответствующим приемам). Условием деятельности подобной «технологизированной» схемы оказывается предельное упрощение ее компонентов – фактическая отмена конституционного разделения властей (вертикального, горизонтального, функционального, независимости суда, массмедиа и т.д.), устранение нормативно-ценностного (морального, правового) социального контроля, подмена общезначимых норм текущими указаниями, приправленными известной долей личного произвола и пристрастий. Следствия известны – глубокий цинизм и всеохватывающая коррупционность властных структур, разлагающие все общество»¹³³.

Подданный, бесправный обыватель, привычно подчиненный распоряжениям всех мыслимых органов власти – от дэзов до дальних, почти абстрактных ведомств и правительства, в конечном счете, действительно принимает определения себя властью во всех контекстах, которые квалифицируются как «государственно значимые», а стало быть – «политические». Это самоидентификация (в качестве компонента неопределенного множества зависимых от власти подданных) как лишенных самостоятельной ценности, людей пассивных или лучше сказать – не имеющих признаков собственной активности, даже потенциально не расположенных к выражению собственного отношения к происходящему, а потому в социально-политическом плане – бесцветных или серых, неинтересных (не имеющих собственного, *заинтересованного* отношения к происходящему), незначимых самих по себе людей, есть производное двух обстоятельств.

Первое: авторитарная, бесконтрольная и потому – суверенная власть, государство, прежде всего, является основным источником смыслозадавания для населения, оно вносит доминантные смыслы в массы, конструируя для них «реальность», размечая события, интерпретируя их в нужном для себя плане (через ежедневную картинку ТВ, пропаганду, школу, выступления полити-

¹³³ Левада Ю. Сегодняшний выбор: уровни и рамки // Ищем человека, с.172 -173

ческих лидеров и т.п.). Никакие другие институты или социальные группы, включая и те, что претендуют на статус «элиты» – интернетовские блогеры, «публичные интеллектуалы», писатели, журналисты «независимой прессы», университетская профессура и проч. – не конкурируют с государством в этом качестве. Они слабы, зависимы, и не продуктивны, поскольку не признают себя самодостаточными, они массовидны по своей сути (функции) и адресации своей деятельности. Они лишены *собственного достоинства* (чести) и не ощущают этого. (Обращение к российскому судье – «Ваша честь» – несет в себе сегодня неустраимо пародийный характер).

Второе: только государство обладает средствами легитимного определения и тотальной идентификации своих людей как стертого множества взаимозаменяемых социальных единиц – поданных, именуемых в наших условиях «гражданами». Подчиняясь этой унификации, обыватель принимает принудительную идентификацию себя как лишенного субъективной значимости (и чья жизнь в строгом смысле не имеет ценности, как показывает и советская, и нынешняя практика бюрократического управления). Тайное сознание, что люди в постсоветском «обществе-государстве» такие и есть, какими их считает российская власть, что им нечем обосновать себя, обеспечить свою ценность, предъявить себя как представляющих какую-либо ценность для других, является одним из условий установления авторитарного режима и механизмом принятия такого социального порядка, отношений власти и населения. Сама власть считается не то чтобы «легитимной» или «справедливой», а «естественной», то есть не имеющей истории (следов законности своего происхождения), а значит – не допускающей причинно-следственных объяснений, прагматической рационализации, и инструментализации выхода из подобного положения. Поэтому социальный порядок подчинения такого рода не подлежит в массовом сознании даже мысленному «изменению», он воспринимается как *необходимый* (в прямом и в переносном значениях слова: такой, которого нельзя обойти).

Соответственно, ситуация взаимодействия индивида с властью лишена посредников какого-либо рода – формально-институциональных (суда, например) или общественно-политических (партийного представительства групповых интересов). Это такая ситуация, из которой нет «законного» или общепринятого выхода. Социальный порядок в этом случае не имеет альтернатив, да-

же мысленных, гипотетических. В нем приходится жить, чтобы выживать, а, значит, принимать все коннотации побочных или латентных последствий его принятия («с волками жить – по волчьему быть»). Такой порядок приходится принять, терпеть или ...обойти в некоторых звеньях дефицитарных или коррупционных цепочек или сетей отношений. Поэтому стремление прикинуться *лишенными* самостоятельности, автономности, достоинства, серыми, бесцветными, бессильными, со всеми негативными определениями «без-...», «недо-...», «псевдо-...», «квази-...» и проч., вполне оправданно и по своему рационально, закономерно, а главное – социально одобряемо и в свою очередь – требует принуждения от других, подчинения порядку от других. Этим навыкам адаптации к насилию или освоения техники насилия научаются как и другим социальным умениям.

Российское общество вращается в круге нерешаемых в принципе проблем: самодержавная репрессивная власть стерилизует и подавляет потенциал морального сознания у населения. Система вертикального насилия может сохраняться и воспроизводиться только одним образом: лишая всякой значимости ценности частного существования, придающего индивиду достоинство и самоуважение, а значит – уважение к таким, как он, что, в свою очередь, становится предпосылкой гражданской солидарности и интеграции общества. Дело не только в практике тотального социального принуждения и унижения, сколько в том, что ядро коллективных представлений составляют значения силы и самооценности великой «державы», являющейся синонимом или псевдонимом бесконтрольной власти. Насилие в этом случае становится высокозначимым и ценным кодом социального поведения, признаком высокого статуса и уважения. Общество, слишком долгое время «скрепляемое» пропагандой героического милитаризма, борьбы с врагами (внешними или внутренними – классовыми, национальными, сепаратистами, чуждыми «нашей культуре и традициям и т.п.), не может быть не внутренне агрессивным, фрустрированным и консервативным, хронически отсталым. А это, в свою очередь, ведет к деморализации населения и глубокому нравственному пессимизму или цинизму, позволяющему такой организации власти воспроизводиться, а обществу – ее терпеть. Таким образом, человек, социализируемый к таким институциональным условиям жизни, обладающий навыками приспособления к этой власти или техникой уклонения от ее слишком жест-

ких требований, становящихся нетерпимыми, трудно изменяем, но легко манипулируем, как писал о нем Левада.

Вопросы

Г.В. Драч: Большое спасибо за интересный доклад. Понимание цинизма, которое вы сегодня дали, нуждается в уточнении. Я имею в виду классические смыслы, которые сообщают этому явлению его историческую и онтологическую значимость. Киники, стоики и эпикурейцы выступали за сохранение автаркии и человека, его выживание перед лицом надвигающейся глобальной опасности. Когда в эпоху эллинизма города-государства делали человека рабом, они теряли самостоятельность. Граждане теряли свое государство, хотя имели законы, армию, народное собрание. Надвигался новый мир. Что они могли ему противопоставить? Киники, стоики и эпикурейцы предлагали свои рецепты. Отсюда вытекает мой первый вопрос: сохраняется ли при описании сегодняшней ситуации эта классическая модель? Второй вопрос: можно ли принимать за чистую монету все те явления, которые вы сравнивали, как социологические и онтологические феномены (типа коррупции, диссертаций и т.д.)? Мне как специалисту неоднократно пришлось этим заниматься в ВАКе. От Навального и его помощников идут сфабрикованные диссертации. В Америке их бы не рассматривали. Как я могу доверять 30 помощникам мои интересы и рассылать диссертации по всем диссертационным советам? Разве это научная норма?

Л.Д. Гудков: Отвечаю на первый вопрос. Я думаю, если рассматривать цинизм с точки зрения социальной истории, то это периодически возникающее явление в истории культуры. Оно указывает на то, что ценностные, идеологические, идейные порядки – то, что вы называете онтологией – в какой-то момент начинают дробиться. Возникают другие ценностные порядки, конкурирующие с прежними представлениями. Далеко не случайно античные циники и киники разрушали предшествующие верования, порядки, осмеивали их, вступали с ними в полемику. Следующей фазой была знаменитая работа Макиавелли. Он прежде всего указывал на десакрализацию власти, т.е. считал всякую сакрализацию власти чисто прагматической технологией массового управления. Государь или князь не обязательно должен быть добрым, руководствоваться добрым началом, но он должен казаться добрым для достижения своей власти. Вот это и есть десакрализация власти,

утраты властью традиционного авторитета. Совершенно не случайно Макиавелли был сильнейшим критиком папства.

В Новое время был разрушен средневековый космос, произошла его дифференциация на конкурирующие сферы. Это явление описывали писатели и социологи. Напомню классическую работу Георга Зиммеля «Философия денег». В ней много страниц посвящено феномену цинизма, связанного с вторжением формальной (или научной) рациональности в сферу, которая раньше регулировалась традиционными представлениями. Возникла масса коллизий, с этим связанных. Возник конфликт обычного права (представления о материальной справедливости) с формальными регуляциями права. С другой стороны, он описывал и разбирал тему (например, проституцию), как можно перевести одно состояние в другое. Это явление выступало как цинизм. Короче говоря, цинизм - это не одно фиксируемое явление, а периодически возникающее состояние в истории развития различных обществ. Это симптом стагнирующих обществ. Это фаза острейших дискуссий, полемики и дискредитации носителей прежних представлений, попытки их опустить или лишить значимости. Как это делал, скажем, Диоген.

Насчет диссертаций я категорически с вами не согласен. Это идет не от Навального, а от самих научных сотрудников, от Академии наук прежде всего, а также от аналитиков, которые этим занимаются. В одном из последних номеров нашего журнала можете прочесть статью Андрея Ростовцева. Он рассказывает, как это делается. Я ответственно утверждаю: никакой связи с Навальным здесь нет. Существует масса людей в разных странах, которые этим занимаются. Совершенно анонимно, не зная друг друга, они анализируют массивы данных, сравнивая различные тексты и находя совпадения. Они показывают зоны подозрительного совпадения. Когда это накладывается на карты различных университетов, возникают естественные сомнения. Они не ставят вопрос об ответственности или что-то еще. Это чисто формальное определение зоны заимствований. Возникает куча вопросов. Можно говорить не только о диссертациях, когда вдруг оказывается, что у 40 % нынешнего депутатского корпуса списанные друг у друга тексты. Конечно, это не причина возбуждения уголовного дела, но для репутации парламентариев это очень важный аргумент. То же самое относится ко всем скандалам, связанным с незарегистрированной собственностью, сомнительными источниками состояний и

рядом других вещей. Все это проникает в массовое сознание и создают определенное отношение.

Г.А. Матвеев: Вы говорили о цинизме в нашем обществе, опираясь на материалы, которыми вы владеете. Но цинизм – это общее мировое состояние, не только наше. Оно было и в старой имперской России, и в Советском Союзе. Хотя мы все ощущаем, что уровень массового сознания резко снизился. Какие пережитки, новые черты и нажитки появились в постсоветский период и как бы вы их определили?

Л.Д. Гудков: Вы знаете, я не стал бы говорить о цинизме в советское время. Хотя это вам покажется странным, я считаю, что советское общество находилось вне морали. К нему не приложима моральная оценка. Не возникала идея общего блага, общей инстанции. Террор и репрессии приводили к тому, что невозможно ставить моральные оценки во многих случаях. Поскольку у людей не было выбора в условиях террора. Возникла система или ситуация коллективного заложничества. Она снимала вопрос о морали, об ответственности. Поэтому сравнивать здесь чрезвычайно трудно. Советское время отличалось усвоенным оптимизмом. Он был связан с самой организацией общества и сохранялся вплоть до брежневского времени. Речь идет об идее: страна строит новое общество и каждое поколение будет жить лучше. Перспектива, безусловно, была.

Г.А. Матвеев: Но это ценность или нет?

Л.Д. Гудков: Это ценность, конечно, но идеологическая. Это сильно отличается от нынешней ситуации. Тогда насилие получало идеологическое оправдание. Следы этого сохраняются и сейчас, но уже без абсолютной невозможности давать циническую оценку. Когда мы говорим о сталинском времени, возникает эффект слепоты или моральной глухоты. С одной стороны, большинство считает: «Безусловно, Сталин виноват в гибели миллионов людей». Но если он виноват, то надо ли его признавать государственным преступником? И ровно столько, сколько считают, что он виноват, отказываются придавать ему статус государственного преступника. Более того, под влиянием массовой пропаганды они начинают его оправдывать. Они полагают, что без него не было бы победы в ВОВ. Вот в чем тут дело. При признании гибели миллионов невинных людей должен следовать моральный акт: признать преступником не только Сталина, но и всю государственную систему. Это было бы рационализацией нашего прошлого, осмыс-

лением нашего наследия и возможности его переработки. Но вы представляете, какого рода усилие это потребует и какие следствия потянет за собой? Немцы, отчасти под давлением военно-оккупационной администрации, признали идею именно коллективных преступлений. У нас такой инстанции нету. Поэтому возникает механизм вытеснения, который психоаналитики называют деривацией прошлого. Просто говоря, возникает всеобщая тупость: «Раз мы не можем разобраться в этом, лучше об этом забыть». Травма не уходит, она остается, но последствия весьма тяжелые.

О. Бокоев: Вы говорили о цинизме как о потере доверия между людьми. А не является ли умеренный цинизм частью человеческих отношений? Ведь люди при коммуникации попадают в зону конкуренции.

Л.Д. Гудков: По мере развития капиталистических, торгово-экономических отношений? Я не совсем понял вопрос.

О. Бокоев: Является ли цинизм нормальным явлением во взаимоотношениях людей?

Л.Д. Гудков: Развитие торговых отношений обычно разрушает традиционалистские отношения. Это стремление к чистогану описывают все экономисты, даже гораздо ранее Маркса. Но это первая реакция, которая не учитывает культурный контекст и часто носит внешний характер. Более сложные исследования экономистов показывают, что как раз без определенного идеализма, в том числе основанного на религиозной культуре (особенно в протестантизме), эти явления не смогли бы сформироваться и развиваться. Более того, если взять первых американских идеологов, федералистов, то вы увидите, что они рассматривают новые экономические отношения как основу нового человеческого порядка. Основанного не на насилии и войне, а на совершенно других институтах - права, справедливости, мирного развития и процветания. Вебер показал, насколько это развитие опирается на институты права, политической репрезентации и т.д. У нас эти институты пока не работают. Если сравнивать доверие с формой суда, то высшую оценку доверия большинство высказывает арбитражному суду, который разбирает экономические дела, хозяйства и пр. Там объективность и справедливость оценивается выше, чем в судах другого порядка.

Н.С. Абдулов: Является ли разновидностью цинизма чрезмерное копание в трагических страницах истории нашего народа и игнорирование всего остального, что произошло?

Л.Д. Гудков: Нет, я не считаю это цинизмом.

В.Ю. Попов. Философы всегда спорили о том, где проходит граница между добром и злом. В обществе тоже происходит дрейф этой границы. Но тем не менее такие границы существуют. А если в обществе не остается никого, кто назвал бы зло злом, и если никакие институты не квалифицируют это как зло, можно ли отнести это состояние к цинизму в обществе?

Л.Д. Гудков: Если нет инстанций, которые маркируют добро и зло, то можно говорить о тотальном релятивизме и аномии социальных уровней и социальной дезорганизации. Действительно, по уровню внутренней агрессии, дезорганизации, Россия находится в верхней пятёрке общего списка. По уровню самоубийств, по уровню алкоголизма, по немотивированной преступности она лидирует среди всех стран мира. А ведь это насилие против своих. Причем, есть отличие от классических форм аномии. Дюркгейм описывал аномию в крупных городах, в быстро дифференцирующихся социальных средах. В России аномия сползла из крупных городов на периферию, в малые города. Приведу пример для ясности. Показатель социальной аномии – хороший показатель добра и зла. Так вот, уровень самоубийств в Москве – 8 человек на 100 000, в Башкирии 48 на 100 000, в Хабаровском крае 80 на 100 000, а на севере и на Камчатке этот уровень зашкаливает за 100, 107–108 самоубийств на 100 000. Отчасти это лагерные зоны, депрессивная, дезорганизованная среда. Если смотреть по уровню урбанизации, то мы получим точно такую же картину. Разрушение села, депопуляция села, уход молодежи, разрушение социальных порядков. Кто будет представлять, что такое добро и что такое зло? Пока что в России кредит морали выдан церкви. Хотя ее авторитет высок, но это кредит-суррогат, в него трудно поверить. Когда мы проводим исследования на тему социологии религии, то мы видим, что номинально церкви приписывают авторитет. Но когда дело касается практических вещей, люди не доверяют церкви и не хотят, чтобы она совала нос в частную жизнь.

С.П. Поцелуев: В вашем определении политического цинизма схвачен очень важный момент: это не просто нарушение нормы, а нарушение формы сознания. В этой связи у меня вопрос: нашу-

мевший факт с карикатурами на пророка Мухаммеда и танцами Pussy Riot это тоже политический цинизм?

Л.Д. Гудков: Да, абсолютно. Это ведь не первый случай. Существует ряд журналов («Фокус», «Харакири») в странах Западной Европы, которые реализуют демонстративно циничское поведение. С моей точки зрения отвратительно, когда выходит рождественский журнал (это было в 80-х- начале 90-х годов), на обложке которого богородица говорит: «Поздравьте меня, я сделала аборт». Безусловно, это циничское поведение.

Н.А. Мининков: Насколько адекватны данные ваших социологических опросов? На схеме видно, что 86% населения поддерживает путинский режим. Так ли это? Нет ли такого расхождения, как и с РПЦ?

Л.Д. Гудков: Мы ничего не получаем от государства, хотя были бы не против. Один из вопросов звучит так: «Как вы думаете, массовая поддержка Путина, это результат государственной пропаганды или искренний выбор народа?» Результат такой: государственной пропаганды – 32 %, искренний выбор народа – 54 %. Это осень 2014 г. Теперь посмотрим, из чего состоит такой выбор, что его вызывает. Возьмем динамику одобрения и неодобрения. Пик одобрения приходится на время прихода Путина к власти и связан с массовыми ожиданиями авторитарного лидера, который мог бы вывести страну из глубокого кризиса 1990-х годов. Второй пик – август-сентябрь 2008 г. С одной стороны, это время грузинской войны, патриотической пропаганды и накачки. С другой стороны, это время завершения подъема тренда реальных доходов населения. С 2002 по 2008 год реальные доходы населения росли по 6–8 % в год. Можно сказать, страна так никогда не жила. Другое дело, что это привело к сильнейшей дифференциации доходов, социальной зависти и пр. После этого был период роста делегитимизации власти, критики в адрес власти, недовольства, разных по природе массовых протестов. «Крым – наш» дал сильный скачок, но затем начался спад. Изменило ли это отношение к Путину? Чьи интересы представляет Путин? Прежде всего силовиков, затем олигархов и государственной бюрократии. Он не просто выражает их интересы, он на них опирается. Простых людей здесь нет. Весь режим строится вокруг этого. Посмотрите на эти данные, это авторитарные черты, но в некотором смысле тоталитарной ямы. До полной ямы не дошло, потому что нет идеологии.

Следующий вопрос: как вы считаете, какую роль играют сейчас в жизни России институты: Президент, ФСБ, правительство, вооруженные силы? Вы видите, что верх рейтинга составляет аппарат насилия. Если посмотреть на партии, профсоюзы, которые должны играть ведущую роль в выражении интересов, то они реально не играют никакой роли. 85% поддерживают Путина. Когда мы спрашиваем, виновен ли Путин в коррупции в связи с докладом Немцова и т.д., то 11-12% говорят, что он никак не причастен к этому. Весь период «Крым-наш» не увеличил эту цифру. Основная масса говорит: не знаю, но наверно. Высокопоставленные чиновники говорят: какая разница, правда это или нет, если жить стало лучше. Вот это и есть цинизм. К Путину нет достаточно серьезных претензий. Большинство одобряет символическую роль президента, а также роль России на международной арене. Когда мы проводим фокус-группу, нам объясняют свой патриотический восторг и эйфорию и говорят: «Мы показали им зубы, мы заставили их нас уважать». «Их» – это Западу. На этом и строится поддержка Путина, он компенсировал дефицит коллективного самоуважения. Посмотрите, как резко упало отношение к США. За последнее время США демонизированы до почти метафизической страны, до метафизического зла. Это очень мощный элемент негативной идентификации. Начинаем уважать себя только тогда, когда ненавидим других.

Г.В. Драч: А разве в Америке не так, разве они не выстраивают всю шеренгу врагов первого, второго, третьего уровня. Разве это не так в мире?

Л.Д. Гудков: Я за Америку не буду говорить, я не ее апологет и не обвинитель её. Я сейчас говорю о своей стране.

Н.Н. Евченко: Скажите, пожалуйста, насколько важно все, что вы сейчас говорили, для экономической устойчивости? Через 25 лет мы оказались вовлечены в разделение международного труда. Как вы оцениваете улучшение экономической ситуации в связи с оценками, которые вы дали?

Л.Д. Гудков: То, что я говорю, связано с экономической политикой и с экономическим улучшением будущего страны. Вы понимаете, что без эффективных институтов никакого экономического развития не будет. Почему была столь высокая степень поддержки протестных настроений? По нашим опросам, выдвигалось три главных лозунга. Первый из них - независимый суд. Потому что без суда не будет гарантии частной собственности и инвестиций. Если 9/10 возбуждаемых дел по экономическим преступле-

ниям не заканчиваются приговором, т.е. если суд используется как инструмент нечестной конкуренции, то какие могут быть инвестиции? 16 % от всех наших предпринимателей сидят сегодня за решеткой. Это фантастическая цифра. За 2013 год из-за повышения налогов и страховых налогов ушло в тень 650 000 предпринимателей. Таково недоверие к институтам, и в зависимости от этого экономическое поведение. Поэтому кризис начался не в связи с санкциями, он начался в 2013, даже в 2012 году.

Н.Н. Евченко: Какова же перспектива?

Л.Д. Гудков: Не знаю, что вам сказать. Наверное, вы не хуже меня знаете. Я вам сейчас покажу еще одну картинку. Вот график, очень важный показатель оценки семьи. Вот крючок, на котором держались все массовые ожидания, характерные для государственного патерналистского сознания. Сегодня, после всплеска патриотических ожиданий власти, все экономические и финансовые ожидания пошли вниз. Это редкая ситуация, можно сказать, что мы это наблюдали в ослабленном виде только в 2008 году. Причем, снижение идет чрезвычайно быстро.

Д.Н. Протасеня: Спасибо за интересный доклад. У меня два вопроса. Со времени публикации вашей статьи «Цинизм переходного общества» прошло уже 10 лет. Поменялся ли методологический подход к проблеме цинизма в России? Второй вопрос: вы упоминали о феномене моральной глухоты, который сопутствует феномену цинизма. В связи с этим вопрос: как призвать к дискуссии морально глухое общество? Ведь информация, которую нам дают медиа, базируется на моральной глухоте. А общественная дискуссия формируется из медиа-сообщений.

Л.Д. Гудков: Первая статья была 10 лет назад, честно говоря, я ее уже не помню.

В.П. Макаренко: А я ее перечитывал вчера и сегодня.

Л.Д. Гудков: Не думаю, что методологические установки принципиально изменились. Мне кажется, чтобы тут что-то изменилось, надо начать дискуссию об этом. Надо диагностировать саму проблему и ее составляющие. Пока я еще не вижу источников изменений. Ситуация несколько меняется, если исходить из российской литературы и искусства. Как ни странно, литература и кино в первую очередь дают гораздо более тонкий диагноз, чем всякая социология. Мы сейчас ведем проект, связанный с литературной культурой, и берем только те произведения, которые номинированы на премию. Все книги – это диагностика ситуации социального распада и аномии. Легче сказать о кино, потому что

не думаю, что многие читали «Елтышевы» Сенчина или другие подобные романы. Может, Иванова читали «Учитель глобус пропил», но кино «Брат-2», «Груз-200», «Елена» и «Левиафан» наверняка видели. Это то, что привлекает людей самых разных. А художники анализируют состояние аморализма и цинизма. В «Левиафане» дается конъюнктурное изображение этой ситуации, потому что это кино явно ориентировано на западного зрителя. Поэтому все стереотипы здесь представлены в таком концентрированном виде. Но первый и более мягкий фильм Звягинцева «Елена», он, в принципе, о том же. Социолог движется к описанию общества. Если вы покажете другие моральные силы, я готов на это посмотреть. Пока что работают совершенно другие механизмы – культа умерших и наделения их ликом святого или совестью нации. Дмитрий Лихачев или Андрей Сахаров или еще кто либо, – это всегда вынесение его за пределы настоящего.

В.П. Макаренко: Если вопросов больше нет, разрешите ответить на записку, которую мне написал Николай Степанович Авдулов: «Соглашаетесь ли Вы с тем, что чаще всего либералы говорят о либерализме, консерваторы о консерватизме, демократы о демократизме, социалисты о социализме, циники о цинизме, стоики о стоицизме и т.д.?»

Я отвечаю на основании своего житейского и исследовательского опыта. Меня всегда интересуют вещи, которые выступают под разными идеологическими и мировоззренческими установками. Но интересуют они меня прежде всего с точки зрения ребенка 4–5 лет.

С этим связан факт моего детского опыта. Когда мне было шесть лет, моей трехлетней сестре подарили куклу, которая закрывала глаза. Я разломал эту цацку, чтобы узнать, как это происходит? Как она устроена внутри? Вот с такой точки зрения меня интересуют и все идеологии. Как они сделаны и устроены внутри? С этой точки зрения я написал книжку о Марксе для полемики с Марксом, книжку о Ленине для полемики с Лениным, книжку о Вебере для полемики с Вебером. Изучать любую идеологию и фигуру можно с точки зрения ее культа, некоего обоготворения. Такова наиболее распространенная позиция в отношении классиков: безудержный пиетет. Из него вытекают некие молчаливые выводы: если я читаю Библию, то с точки зрения постороннего и поверхностного человека я христианин или хотя бы религиозный человек. А я руководствуюсь всю жизнь другим постулатом. Он всем известен – «чтобы бить врага, надо знать его оружие». Такой подход я считаю более продуктивным. Он позволяет

изучать предмет таким образом, чтобы знать всего его слабые пункты и прорехи.

С этой точки зрения я не согласен со смыслом вашего вопроса. Получается, что если человек изучает национализм, то он тоже «чешет национальную похоть», если использовать выражение Шукшина. А если он пишет о социализме и СССР, то он чешет социалистическую похоть в ее советском варианте. Я считаю, что мы руководствуемся когнитивным отношением к миру, пока у нас сохраняется детский инстинкт. Если он пропал, то мы превращаемся в ходячих мертвецов. Пиши пропало, как люди мы закончились. Значит, произошла полная идентификации с возрастом, ролью, партией, государством и т.д., к которым мы принадлежим. Таков мой ответ на ваш вопрос.

Н.С. Авдулов: Так ответьте на вопрос.

В.П. Макаренко: Я уже на него ответил: не согласен или согласен лишь в той степени, в которой мы включаем в вопрос когнитивное отношение к миру. Если его отключить, человек превращается в животное, которое руководствуется инстинктами. Но даже кошка, когда кушает, выражает одновременно нечто эстетическое к своему хозяину, доверие к нему. Жена мне рассказала, что есть целые исследования на тему, как выражает кошка свои эмоции. Это вещь весьма замысловатая. Какие еще есть вопросы? Вопросов нет. Большое спасибо, Лев Дмитриевич. Прошу прощения, если некоторые наши вопросы были махровые. Не обижайтесь на сирых и убогих.

Л.Д. Гудков: Вполне ожидаемые вещи.

В.П. Макаренко: Тогда разрешите предоставить слову моему давнему знакомому Александру Валентиновичу Оболонскому. Вчера я встречал наших гостей и попутно размышлял: что объединяет наших сегодняшних докладчиков? И оказывается, что все мы занимаемся (или занимались) проблемой бюрократии. С Александром Валентиновичем я познакомился в 1988 г. Вышла его первая книжка «Человек и управление». С тех пор мы с ним дружим. Лев Дмитриевич в кампании своих коллег в 1987 г. в журнале «Коммунист» опубликовал статью о бюрократизме и бюрократии. Антон Николаевич Олейник расскажет нам о своей недавно выпущенной книжке «Власть и рынок», в которой он детально описывает нынешних российских столоначальников. Все мы правили свою аналитическую бритву на властно-бюрократическом ремне...

А.В.Оболонский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ: КОНЦЕПТ И РОССИЙСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Тема конференции не просто актуальна, а угрожающе актуальна, ибо политический цинизм в сегодняшнем его изводе представляет реальную угрозу самому существованию нашего общества как современного и цивилизованного. Я бы предпочел, чтоб он был не столь актуален. Ведь не на пустом месте возникла почти апокалиптическая точка зрения, что Россия за последний год "выпала из цивилизации". Будучи относительным оптимистом, я не вполне с ней согласен как с констатацией (равно как и с утверждением о постигшей Россию "антропологической катастрофе"), но как с подобной вероятностью и угрозой – несомненно. Ведь политический цинизм из сферы рассуждений теоретиков переместился в область кровавой античеловечной практики. Попробую внести немного оптимизма в конце.

Но, как и полагается в академических текстах и штудиях, сначала немного об истории и понятиях.

Происхождение

Цинизм, как и многое в жизни человечества, родился из парадоксов. И первый из таких парадоксов - этимология самого слова. Как известно, оно произошло от самоназвания древнегреческих киников, людей, для которых главным было не философст-

зование, не игра с понятиями, а "кинический" образ жизни. С веками кинический взгляд на "правила жизни" тем или иным образом вошел в целый ряд на первый взгляд очень разных философских течений и типов поведения – от стоицизма и христианского аскетизма до экзистенциализма, хиппстерства и других демонстративных форм контркультуры XX-XXI веков. (Ведь "классические" хиппи – настоящие киники, даже по внешнему поведению похожие на Диогена. Да и на современный акционизм тоже можно посмотреть в киническом контексте; хотя его порой открыто провокативный характер приближает его к цинизму в современном смысле.) Но в основном киницизм к собственно цинизму в сложившемся понимании слова имеет скорее вербальное, чем смысловое отношение. И упомянул я об этом, чтобы предотвратить смешение понятий. А теперь перейдем к цинизму в подлинном смысле.

Из многочисленных определений цинизма наиболее четкими и научными, как ни странно, оказались два из изданий глубоко советских времен. От них и будем отталкиваться. Лишь в немного сокращенном варианте.

"Цинизм – нигилистическое отношение к достоянию общечеловеческой культуры, особенно к морали, идее достоинства человека, иногда – к офиц. формам господствующей идеологии, выраженное в форме издевательского глумления. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, стремящихся достигнуть своих эгоистических целей любыми средствами. В социальном плане явления цинизма имеют двоякий источник. Во-первых, это "цинизм силы", характерный для практики господствующих... групп, осуществляющих свою власть и своекорыстные цели откровенно аморальными методами.... Во-вторых, это бунтарские настроения и действия (напр., вандализм) социальных слоев, групп и индивидов, испытывающих гнет несправедливости и бесправия, идеологическое и моральное лицемерие эксплуататорского класса, но не видящих выхода... и повергнутых в состояние духовной опустошенности"¹³⁴.

"Цинизм – моральное качество, характеризующее презрительное отношение к культуре общества, к его духовным, и в осо-

¹³⁴ БСЭ. 1978. М.Т. 28. С. 570.

бенности нравственным ценностям.... первоначально это - возврат к "естественному состоянию". Впоследствии цинизмом стали называть слова и деяния, в которых совершается надругательство над тем, что составляет исторические достижения культуры человечества, глумление над нравственными принципами, осмеяние идеалов, попрание человеческого достоинства. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, преследующих свои эгоистические интересы всеми возможными средствами, включая и аморальные"¹³⁵.

Развернутый набор элементов цинизма политического (что и является предметом конференции) дал Л.Д. Гудков в статьях 2005 и 2013г.г. К ним мы обратимся позже. А пока немного истории.

Принято считать, что первым теоретиком политического цинизма был Никколо Макиавелли, а его краткий трактат "Государь" (на самом деле – Prince, т.е. скорее Герцог) стал первым сводом цинических правил эффективного политического менеджмента (или "политтехнологий", на еще более современном языке). Думается, однако, что пальмы первенства он не заслуживает. Первым теоретиком политического цинизма видится мне китайский аристократ Шан Ян. Ибо почти за две тысячи лет до Макиавелли он сформулировал основные принципы легизма, которые по своей полноте и разработанности далеко превосходят список рецептов, предлагавшийся флорентийцем. В сущности, написанная им "Книга правителя области Шан" – первая библия тоталитаризма, "справочник политтехнолога", четко, откровенно, предельно цинично описывающий набор механизмов подавления народа и манипулирования людьми для обеспечения безграничной власти деспотического государства. Назову лишь некоторые.

1) Концепция наказания, предусматривающая отсутствие какой-либо связи между тяжестью проступка и мерой возмездия, ибо "там, где людей сурово карают за тяжкие преступления, но мягко наказывают за мелкие проступки, не только нельзя будет пресечь тяжкие преступления, но невозможно будет даже предотвратить мелкие проступки"¹³⁶.

2) Идея, что сила государства обеспечивается слабостью народа: "Когда народ слаб – государство сильное, когда государство

¹³⁵ Словарь по этике, под ред. И.С. Кона. М. 1975. С. 342.

¹³⁶ Шан цзюнь шу (Книга правителя области Шан) М. 1968. С. 164.

сильное – народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить нврод."¹³⁷. И соответствующая глава трактата названа предельно откровенно: "Как ослабить народ".

3) Поощрение всеобщего доносительства и круговой поруки, начиная от семей и кончая армией.

4) Система прижизненных и загробных привилегий.

5) Целая совокупность мер по предотвращению возникновения бюрократических корпораций и подчинения всех чиновников лишь милости и гневу императора.¹³⁸

Поскольку автор, в отличие от Макиавелли, был и министром при правителе, то книга содержит проекты указов, его речей и наставлений. "Это был один из самых читаемых политических трактатов... древности, нового и новейшего времени... Формирование политических и экономических воззрений Чан Кай Ши и Мао Цзэдуна также испытало влияние "Книги правителя области Шан."¹³⁹. Но не будем углубляться в известную дискуссию о том, был ли Макиавелли искренним "макиавеллистом" или же просто написал справочник по заказу правителя. Ограничимся констатацией приоритета китайского автора как первого теоретика научного тоталитаризма.

Для нашего сюжета важней, что оба они были циниками откровенными, честными, если можно так выразиться. А во времена более близкие цинизм стал маскироваться, камуфлируясь понятиями "государственных интересов", "суверенитета" и т.п. Идеологической основой этих построений долгое время было так называемое "божественное право государей". В начале же XX века, когда легитимность религиозных обоснований светской власти потускнела, появились иные конструкты. И одним из самых популярных стала геополитика.

¹³⁷ Там же, С. 219.

¹³⁸ Подр. см. Государственная служба: комплексный подход. М. 2009. Под редакцией А.В.Оболонского. Сс. 20-21.

¹³⁹ Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М. 1968. С. 109.

Геополитика как вид политического цинизма¹⁴⁰

Расхожие суждения о России как стране парадоксов и "особого пути" обернулись для нас в XXI в. весьма печальной стороной, а в последние годы и особенно месяцы приобрели просто-таки угрожающий, злокачественный смысл. Одно из проявлений этого процесса – шумное возвращение на политическую авансцену геополитического типа мышления с соответствующими ему логикой и фразеологией, легитимирующими определенные действия реальных политиков. Если не входить в нюансы, то геополитика (сейчас ее предпочитают называть мировой политикой) – это государственная идеология и обслуживающая ее научная дисциплина, в основе которой лежит социал-дарвинистский взгляд на мир исключительно как на арену "внутривидовой" борьбы государств, борьбы, в которой меняются задачи, методы, промежуточные цели, но не сама суть: народы – враги, мир – ринг, государства – бойцы на нем, а конфликт – основа основ существования и взаимоотношений.

Этот геополитический фантом в XX веке стоил человечеству двух мировых и множества "малых" войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с "внутренними врагами", принеся людям неисчислимые беды и страдания. Словом, геополитика – насквозь пропитанный кровью вид ложного сознания. Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны были начисто отворотить людей от подобных представлений, а саму геополитическую логику отправить на свалку истории. Но жизнь, увы, пошла "нижнегемским путем", как писал по другому поводу Фазиль Искандер. Слишком уж удобна эта политическая алхимия для тех, кто благодаря ей вдруг могут ощущать себя вершителями судеб мира (или, по крайней мере, судеб миллионов), да еще и получать с этого разного рода дивиденды. Выгодно это и обслуживающему их персоналу. А его немало – и в более низких коридорах власти, и в среде прикормленных экспертов, и в подконтрольных СМИ. Задача таких "ученых приказчиков" и идеологических "портных" – облечь античеловечные цели в пристойные квази-идеологические одежды, подкрасить их политологическим макияжем, а то и подсказать какие-нибудь циничные "политтехноло-

¹⁴⁰ Подр. см. мою статью // "Общественные науки и современность", 2015, N 1. Сс. 75-82. Здесь я воспроизведу лишь некоторые ее тезисы.

ческие" приемы. При этом они, вооружившись новейшими технологиями, используют их для дезинформирования, а то и просто для "манкуртизации" людей. Люди старших поколений, наверное, помнят журналистское клише глубоко советских времен "поджигатели войны". Думается, сегодня оно уместно применительно ко многим рупорам пропагандистского оформления политики. А если его не воскрешать, а оттолкнуться от известной идеологемы, согласно которой "каждому воздастся по вере его", то для одних впереди маячит гаагский трибунал, а для других – суд Божий или геена огненная. Но с аналитической точки зрения интересно, почему это оказалось столь эффективным, по крайней мере, в краткосрочном плане.

В сегодняшней России это соединилось с ностальгией по утраченной якобы "великой стране". А простая мысль, что внешняя политика должна лишь обслуживать главную – внутреннюю политику, поскольку именно та напрямую связана с интересами граждан страны, а не отражать некие химеры, рожденные в мозгу рассуждающих у крупномасштабных карт и глобусов политиканов и их присных, пока не очень воспринимается широкими слоями населения. И это вопреки тому, что отнюдь не сами политики и не их идеологическая "челядь", а обычные люди расплачиваются своими жизнями и лишениями за политические амбиции и мании величия придворных геополитиков.

Печальный результат возрождения геополитического синдрома известен: Россия превратилась в государство-изгоя со всеми вытекающими многообразными последствиями.

Посттоталитарный синдром сознания

Пораженность массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьезнее, чем представлялось еще недавно. И, что для многих стало совсем уж неожиданным, не сработал "принцип Моисея", 40 лет водившего по пустыне народ Израиля, ожидая, пока вырастет и войдет в силу новое поколение, не знавшее рабства.

Причины устойчивости этого комплекса – тема отдельная и очень серьезная. Ее, в частности, глубоко осветил Л.Д.Гудков.¹⁴¹

¹⁴¹ Гудков Л.Д. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе. // Вестник общественного мнения. 2013. N 3-4. Сс. 118-178.

Думается, ее прежде всего надо обсуждать в категориях глубокой ценностной деформации и деградации отечественного общественного сознания. Вообще причины поразившего массовое сознание россиян "крымнашизма" и его последующих проявлений с трудом поддаются рациональному объяснению с позиций *homo sapiens*. Думаю, их следует обсуждать в контексте таких психологических феноменов, как "стокгольмский синдром", "виктимизация", демонстративный суперконформистский активизм, снижение чувства эмпатии по отношению к назначенным "врагам", романтизм вседозволенности (вспоминается фраза песни из классического мультфильма советских времен – "романтики с большой дороги"), "банальность зла" (по Х.Арендт).

Полагаю, очень хорошую основу для этого содержат работы Л.Д.Гудкова. Напомню некоторые основные выделенные им конструкты: негативная мобилизация, понижающая адаптация, отрицание существования у людей "высоких" мотиваций, примитивизация ценностной шкалы и некроз высших ценностей, признание приоритета силы над правом, патерналистские суррогаты идеологии, стерилизация культурных и интеллектуальных элит, наконец - милитаристский национализм как негативная самоидентификация, в крайних проявлениях приобретающая печально знакомые черты нацизма.

Наше общество глубоко нездорово. Думается, одна из причин этого – комплекс социально-государственной неполноценности и боязни перемен. Он распространен на разных уровнях сознания, в разных социальных группах и возникает на пересечении двух компонентов: с одной стороны, это сознание ущербности, порочности и бесперспективности господствовавшей испокон веку системы общественных отношений, с другой – ощущение своей органической сращенности с ней, из-за чего ее изменение воспринимается как угроза устоявшемуся порядку бытия, заведенному укладу жизни, пусть далеко несовершенному, но единственно привычному и, следовательно, как угроза. Причем перемен боятся и многие из тех, кто, казалось бы, могут от них лишь выиграть. Но пугают риск и состязательность. Государственная опека, дававшая гарантии прожиточного минимума, возможность прожить пусть кое-как, но зато без особого напряжения в труде, а в ряде случаев – лишь имитируя полезную деятельность, по-прежнему привлека-

тельна. В целом здесь, видимо, срабатывает стереотип, о котором писал еще Карамзин: "Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового добра, а новому добру как-то и не верится"¹⁴² И для цинизма здесь открыто широкое поле.

Начнем с уровня *производителей смыслов*. При этом "новый" извод политического цинизма опасней, ибо он демагогически маскируется такими словесными клише как "национальные интересы", "патриотизм", "исторические корни" и т.п., одновременно стигматизируя несогласных клише негативными – "пятая колонна", "национал-предатели" и пр. При этом даже не озабочиваются придумыванием новых слов, а просто бездумно заимствуют из известных и давно дискредитировавших себя источников. (Думаю, в этой аудитории уточнения не требуются.)

В том же "поле" находится и *наглость* как стиль политического поведения и его вербального оправдания. Причем чем она "круче", как и неизбежно сопровождающая ее ложь, тем "лучше" и, в краткосрочной перспективе, по видимости, эффективней. Это проявляется, например, на переговорах с западными политиками, которые тушуются от этого, когда "на голубом глазу" отрицаются очевидные вещи.

При том, что, как справедливо отмечают некоторые авторы, при привлечении политической экспертизы *выбор между качеством и лояльностью сделан в пользу последнего*, и уровень экспертных оценок неизбежно понижается, этот "новый цинизм" не лишен некоторых претензий на интеллектуализм и рафинированность. Наряду с полублатными клише, используются и цитаты из серьезных философов прошлого – из И.Ильина¹⁴³, например, или даже Н.Бердяева. Правда, весьма избирательно и порой путанно и ошибочно, но этого хватает, чтобы придать некоторым "пещерным" вещам некий псевдоинтеллектуальный лоск и видимость "научности".

Но оставим политический истеблишмент и перейдем на уровень *потребителя смыслов*. Тут тоже стоит выделить несколько вещей.

¹⁴² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М. 1991, с. 114.

¹⁴³ Иван Ильин, верней, вырванные из него цитаты и их интерпретации, стали сейчас у некоторых наших склоняющихся к нацизму государственников весьма модным инструментом. Но это - сюжет отдельный.

Активистский конформизм как форма демонстративной политической псевдоактивности. Ее ведущая "ценность" (если здесь это слово вообще уместно) - демонстративная поддержка любых шагов высокого начальства. Чтоб избежать, во избежание эмоций, совсем уж близких примеров, вспомним персонажа из "Двенадцати стульев", на вопрос о его политическом кредо ответившего одним словом - "всегда"!

Синдром "маленького человека". Ее суть выражается в поговорках типа "начальству видней" и т.п. Идея - быть подальше от "опасной" сферы политики и власти, максимально от нее дистанцироваться - "прикинуться несъедобным" (по Гудкову), или "шлангом", по народному. А циничность ее состоит в снятии с себя ответственности за все, происходящее за пределами маленького личного или группового мирка, в своего рода "самоиндульгенции".

Синдром одинокого человека. Он, по сути, служит той же цели, но в несколько ином варианте, выражающейся словами "что я могу один?". (Тут вспоминается сцена из старого "капустника" в постановке Э.Радзинского в студенческом театре МГУ, где эта фраза повторялась все более заполнявшими сцену людьми, в какой-то момент начинавших маршировать, повторяя этот рефрен - "что я могу один?".) А в плане более научном этот синдром "толпы одиноких" означает отсутствие чувства **солидарности** между людьми. В частности, это проявляется в качественной, на порядок, разнице в количестве людей, выходящих на уличные акции в наших городах и городах зарубежных в качестве реакции на какие-либо экстремальные обстоятельства, например, убийства по политическим или религиозным мотивам - от убийства "неудобных" журналистов до убийств оппозиционных политиков. (Например, на марши после убийства Политковской в Англии вышли тысячи, а в Риме - десятки тысяч человек; в Москве - триста. Даже совсем недавний траурный марш после убийства Немцова, все же собравший больше 50 тысяч человек, трудно сравнить с миллионным маршем в Париже после расстрела редакции Шарли Эбдо.)

Преставление (искреннее или лицемерное) о политике как о деле, несовместном с моралью, имманентно "грязном" и потому якобы недостойном для "порядочных людей" занятия. Дескать,

главное в политике это – властолюбие, стремление к власти любой ценой, умение предать, обмануть и т.п. Увы, следует признать, что подобные мнения и суждения подкреплены обширной практикой, как исторической, так и современной. Однако, на мой взгляд, здесь происходит лукавая *подмена должного сущим, легитимация аморализма*. Сведение политики к "византийству", к макиавеллизму тоже имеет оттенок цинизма. Ибо отрицается такая несовместимая с цинизмом моральная категория как справедливость. А, как писал блаженный Августин еще в IV веке, "в отсутствие справедливости что есть государства, как не просто большие шайки разбойников, и что есть шайки разбойников, как не государства в миниатюре"¹⁴⁴. Мне представляется, что именно наличие моральных факторов маркирует границу между *политикой и политиканством*. Ибо чем же иначе отличается политика от того, что на современном жаргоне называется преступным "беспределом"?!

Наверняка эта классификация не исчерпывающая. И можно многое добавить или иначе сформулировать, например, проекцию на других собственных понижающих мотивов, о чем писал Гудков. Тут явно одним докладом не ограничиться. Но общим знаменателем мне представляется *глубокая ценностная деформация или даже ценностная аномия* у большинства нашего народа. Но отдающий безнадежностью тотально пессимистический взгляд на состояние нашего общества, мне кажется, не оправдан и к тому же оказывает деморализующее воздействие на людей, на их готовность действовать, менять что-либо к лучшему. Поэтому для завершения хотелось бы добавить немного оптимизма.

Движение мира к моральной политике

Цинизм – это своего рода "принципиальный" аморализм. А главная тенденция в сегодняшнем мире все же иная. В мире политики и сегодня полно цинизма. Но трагический опыт XX века все-таки кое-чему научил людей. Не переоценивая ни западных, ни, тем более, наших политиков, можно, тем не менее, с оговорками сказать, что в целом демократические страны, пусть спотыкаясь, оглядываясь, даже делая попятные шаги, но все же

¹⁴⁴ Цит. по Графский В.Г. История политических и правовых учений. М. 2005. С. 185.

движутся к моральной политике. К этому политиков толкают возросший уровень обращаемых к ним общественных ожиданий и требований. Наступают "новые времена", когда даже политические циники вынуждены играть по другим правилам. Моральность политики выстрадана человечеством. Попытки игнорировать это исторически бесперспективны.

И дело не только в "высоких идеалах", но и в прагматике. Вспоминается название книги Сергея Ковалева "Прагматика политического идеализма". Ведь в хотя бы относительно нормальных обществах **быть честным прагматически выгодно**, ибо бесчестность начисто губит репутацию человека и, соответственно, его карьерные и другие личные перспективы, делает его "нерукопожатным" с соответствующими последствиями. А один из ключевых элементов "нормальности" общества – уважение к основным государственным институтам. Неизбежным же следствием политического цинизма является их низкий общественный престиж и в целом падение уважения к государствам в их существующих формах, политическое отчуждение, массовые протесты, "двойная мораль". И даже самый высокий рейтинг отдельных политиков не компенсирует низкого престижа политических институтов, низкого уровня доверия и неуважения к ним. К тому же рейтинг – вещь эфемерная, непостоянная, как мы знаем даже из отечественного опыта мгновенного падения рейтингов сначала Горбачева, потом Ельцина. Рейтинг без уважения к институтам, людей друг к другу – надутый "мыльный пузырь". А одна из базовых основ цинизма – всеобщее неуважение. Вспомним одно из последних стихотворений Булата Окуджавы:

Всемирный опыт говорит,
Что погибают царства
Не от того, что труден быт
Иль тяжелы мытарства.
А гибнут царства от того,
И тем больней, чем дольше,
Что люди царства своего
Не уважают больше.

Времена сегодня меняются быстро и непредсказуемо. Вспомним название книги Иммануила Валлерстайна: "Конец знакомого мира". Наступило время неопределенности и непредска-

зумеости даже с помощью лучших социологических инструментов. И при этом оно максимально спрессовалось. Десятилетия – до немногих лет. И будущее не в последнюю очередь зависит от того, сумеем ли мы преодолеть эпидемию морального цинизма, которая в чем-то даже опасней эпидемии Эболы.

И последнее. На шкале политической морали цинизм – противоположный полюс по отношению к романтизму. В 2011–14 гг. мы имели всплеск *политического романтизма* со всеми его симпатичными, возвышенными, но практически, инструментально неэффективными атрибутами. Сейчас маятник целенаправленными и безнравственными в своей основе усилиями власти затолкали в противоположную сторону – агрессивного цинизма. Но очевидно, что надолго удержать его в такой противоестественной позиции не удастся. Поэтому надо работать над приведением его в более устойчивую и политически рациональную центральную позицию. Назовем ее политическим реализмом, или *"повышающей адаптацией"* в противовес "понижающей адаптации", описанной Гудковым. В человеке, как говорится, много всякого "намешано". И *надо апеллировать к лучшей его стороне - к чувству собственного достоинства, к самоуважению, к потребностям высших уровней* (по пирамиде А.Маслоу). А не ограничиваться пусть даже самыми интеллектуально изощренными описаниями его низкой стороны и качеств и вытекающими отсюда формами поведения. Иначе это становится легитимацией цинизма, независимо от намерений аналитиков, даже самых честных и благородных. А апеллировать есть к чему. Вспомним "дядю самых честных правил", который "уважать себя заставил и лучше выдумать не мог". И надо помогать людям начать себя уважать, что, в частности, предполагает и презрительное неприятие циников, в том числе циников на политической ниве. Независимо от их ранга. И, что представляется ключевым и обещает реальные позитивные последствия, надо воспитывать не только презрительное к ним отношение, но и соответствующее этому отношению *политическое поведение*. В этом видится моральный долг людей науки, т.е. нас с вами.

Вопросы

И.А. Иванников: Спасибо за доклад. У вас прозвучало, что Россия – государство-изгой. Что сделать, чтобы не быть страной-

изгоем, а хорошим учеником? В Европе считают, что Россия должна быть хорошим учеником. Петр 1, Горбачев, Ельцин были хорошими учениками, а сейчас плохой ученик. Путин говорит, что есть демократия, но это имитация демократии, т.е. ученик непослушный.

А.В. Оболонский: Что вы от меня в этом смысле хотите услышать? Это не я назвал Россию изгоем, мне это больно слышать. Это цитата, она отражает некое субъективное восприятие реальности. Более того, считают, что Россия выпала из цивилизации. Мне это больно, я так не считаю.

И.А. Иванников: А как можно из этой ситуации выйти?

А.В. Оболонский: Такова нелицеприятная диагностика ситуации. А простого рецепта на излечение у меня нет. Давать простые ответы на сложные вопросы – шарлатанство. В рамках нашей дискуссии противоположностью цинизма может быть обретение чувства собственного достоинства. Оно проявляется во всем, в том числе в экономике. Разве наша так называемая элита себя уважает? Ничего подобного. А чувство собственного достоинства – очень важная штука. Помните, Солженицын говорил, что граница между добром и злом проходит не между партиями и не между народами, она проходит в сердце каждого человека. Я не шарлатан и рецепт вам не предложу. Государство за последнее время допустило целый ряд политических ошибок, а мы с вами за эти ошибки только начинаем расплачиваться. Прежде всего надо минимизировать политические ошибки.

Г.В. Драч: У меня простой вопрос, но он затрагивает сложные темы, о которых мы говорим. В 2003 году был Всемирный философский конгресс в Стамбуле. И на нем обыгрывались некоторые современные ситуации. А именно – недоверие, цинизм, отношения между странами, война, вмешательства в дела суверенного государства, бомбардировки. Там был доклад Юргена Хабермаса, мы с ним многократно общались, были выступления американских профессоров. Вы знаете, возникает ощущение полного диссонанса с тем, что сейчас мы здесь говорим. Это хорошо, так и должно быть, потому что они критиковали свою политику, а мы критикуем свою. Они должны заботиться о себе, а мы о себе. Но у них были правильные вещи, в том числе ссылки на трактат Канта «О вечном мире». Вопрос у меня такой: мы на классические вещи

ссылаемся или выстраиваем новую концептологию, на основе анализа политических процессов, социологических обсчетов и т.д.?

А.В. Оболонский: Вы провоцируете длинные рассуждения. Но вы упомянули Канта, у которого есть золотое правило, а звучит оно так: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Вот так кратко я могу ответить. Эта ценность должна лежать в основе и концептологии и политики. Не аморального политиканства, а политики. Раз вы уж Канта упомянули, то я сошлюсь на Аристотеля. Он сказал, что «политика это вещь, которая опрокинута в общественную сферу».

В.Ю. Попов: Я хочу задать вам вопрос, как правоведу. Когда было уничтожено советское правоведение 1920-х г. и на его смену пришла социалистическая законность, то в принципе она была результатом революционного преобразования общества. Пытались найти некий компромисс между правом дореволюционной России и социалистической законностью. Вы говорили об очагах и эпидемии распространения цинизма. Как вы считаете: очаги распространения цинизма находятся ближе к событиям революции или к событиям, которые называются стабильностью и застоем? Мне кажется это важно, потому что некоторые связали цинизм с революцией. Но есть и концепция перманентной революции, она предлагалась как разновидность политической борьбы с цинизмом.

А.В. Оболонский: Имеется в виду Троцкий?

В.Ю. Попов: Да. Если мы стоим на позициях революционного процесса, смены и институтов, то не порождаем ли мы заново цинизм? Потому что старые формы не уходят, а новые еще не установились. Очаги появления цинизма связаны с революцией или стабильные состояния общества порождают цинизм?

А.В. Оболонский: Спасибо, очень интересный вопрос. Старое еще не уходит, а новое еще не успело наступить. Действительно, одно разрушается быстрее, чем возникает новое. Это все описывается одним словом – аномия. Цинизм появляется как болезнь, хотя всякие аналогии сомнительны, но если их приводить, то цинизм – это черная оспа или чума. Вначале она возникала, а за нею шли страшные эпидемии. Тут важно, как играют интеллигенция и власть – на понижение или на повышение. Нынешняя власть мобилизует электорат на понижающую адаптацию. Понижающая адаптация – очень точное слово, она тесно связана с цинизмом. Это требует длительного разговора.

Б.А. Камкия: Можно ли связывать явление цинизма с деятельностью политических элит, отчуждением масс народа от участия в демократии? Если общество основано на принципах морали и нравственности, то элиты должны работать по принципу взаимности с народом. Если же этот регулятив понизить, то они освобождаются от ответственности перед народом. Значит, элита виновата в массовом отчуждении народа от участия в политике?

А.В. Оболонский: Согласен с вами. Но это не вся история, а только ее часть. Общество состоит из индивидов, а в каждом индивиде есть множество разного. Поэтому можно апеллировать к одному или к другому. СМИ – это массовая апелляция к тому, что вы говорите.

Г.В. Драч: А когда массы реально участвовали во власти? Даже при социализме это было на словах. В Америке они участвуют или просто ходят на эти шоу? Что вы сказки рассказываете? *(Шум в зале)*

А.В. Оболонский: Не знаю, с кем мне дискутировать. Я не могу давать готовых рецептов. Лев Дмитриевич более пессимистичен, чем я. А я исторический оптимист, скажем так. А приказать вам – делай раз, делай два, делай три – как боевой устав, это не правильно, я считаю. Это можно делать по-разному. Я делаю то, что могу.

Г.А. Матвеев: У вас получилось, что геополитика есть главный источник политического цинизма

А.В. Оболонский: Один из них, но не главный.

Г.А. Матвеев: Я хотел уточнить, что это часть политики. Которая так же цинична, как и все остальное. Поэтому можно в какой-то мере с вами согласиться. Теперь второй вопрос. У вас оппозиция родилась из чувства собственного достоинства. На мой взгляд, это неверно. Потому что чувство собственного достоинства может возникнуть и у циничного человека. Он может сказать: «Посмотрите, какой я молодец, сколько я сделал в рамках своих задач». Мне кажется, здесь должна быть оппозиция цинизма и гуманизма. Если мы говорим, что цинизм – аморальная категория, то мораль – это позиция поведения человека, чтобы люди не убивали и не насиловали друг друга. Это очень простое определение.

А.В. Оболонский: Согласен с вами с одной поправкой. Подлинное чувство собственного достоинства включает уважение не только к себе, но и к другому. А гуманизм – замечательная вещь, но он может быть и боевым.

В.П.Макаренко

ВНЕКОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЛЖИ

Вначале для разгона скажу несколько слов общего порядка. Всегда, когда делаешь доклад, тобою овладевает некое тоскливое чувство. Если ты говоришь о том, о чем писал полгода или три месяца назад, то это становится для тебя самого скучноватым, как минимум, а то и противным. Хотя публика этого не слыхала и не читала. Так обычно бывает. Я здесь и сейчас должен сделать доклад на тему «Донос в системе государственного цинизма». Но статья с таким названием уже опубликована три месяца назад¹⁴⁵. А писал я ее прошлой осенью. Мусолить то, от чего ты уже остыл, не хочется. А к Ханне Арендт я еще далеко не охладел. Мне это интересно. Развернувшаяся здесь дискуссия (хотя и корявая), свидетельствует, что именно политико-философская часть этой проблемы будет более уместна для развития дискуссии. Поэтому я расскажу о том, что ещё не опубликовано¹⁴⁶. *(Обращаясь к Г.В. Драчу)*. Гена, это реакция и на подпочву твоих вопросов, сен-тенций и риторики.

¹⁴⁵ См.: Макаренко В.П. Донос в системе государственного цинизма // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2014, № 4

¹⁴⁶ Это уже опубликовано. См.: Макаренко В.П. «Уроки Ханны Арендт: как создать интеллектуальный противовес власти в системе организованной лжи» в данном сборнике. Поэтому сразу даны вопросы.

Вопросы

А.В. Оболонский: У меня есть комментарий по ходу дела. Все, что вы сказали, очень интересно. И даже возвышенно. Хотя со многим можно дискутировать. Но я не об этом, а насчет Ханны Арендт. Пока вы говорили, я нашел из неё очень хорошую цитату. Что проблема с Эйхманом заключалась именно в том, что таких как он, было много. Большинство не было ни извращенцами, ни садистами. Они, цитирую, «были и есть ужасающе нормальными. И что все эти зверства – уроки страшной, бросающей вызов словам и смыслам банальности зла». После этого некоторые люди стали эмпирически насыщать эту концепцию. Я имею в виду прежде всего Стэндфордский эксперимент и то, что потом делал Зимбардо и Милгрэм. Вы помните, что из этого всего получались. Хорошие люди начинали творить зло. Действительно, тут работала дегуманизация. Мы с вами это слово почему-то сегодня забыли. Но хорошая новость в другом. Зимбардо и его предшественник нашел противостояние этому. Да, зло банально. Но существует и другая концепция – банальности героизма, который злу противостоит. Причем, это рассуждение примерно такое: это общий признак человеческой природы, а не редкое качество, присущее немногим избранным; потенциал героизма есть в каждом человеке и ждет своего часа; обычный герой не всегда идет в обход; каждый способен стать героем в той или иной степени. То есть, это апелляция к лучшему в человеке. Примеров тому можно привести много. В том числе из сферы политики.

Чтобы никого не нервировать, не буду говорить о России. Скажу о Турции. Не так далеко отсюда. Пару лет назад в Стамбуле происходили очень жестокие массовые выступления. В связи с избыточной исламизацией. Полиция сначала вела себя терпимо, а потом довольно жестко. Люди культуры, люди искусства начали находить формы противостояния полиции. Один довольно популярный актер просто становился и стоял напротив полиции. Его бить было не за что. Но все понимали, почему он стоит и что таким образом выражает. И там выявилась одна вещь: так называемые правоохранители (а в российских условиях это сплошь и рядом правонарушители) гораздо глупее, тупее, менее изобретательнее, чем протестующие. Я занимался этим на американском опы-

те. В США полицейские тоже тупые. А креативность другой стороны гораздо выше. Лев Дмитриевич, я думаю, что вперед движет не арифметическое большинство, и даже не всегда винтовка, которая рождает власть, а продвинутое меньшинство. Такова одна из листовок, обращенных к полицейским. Это относится и к Нюрнбергскому процессу. Придет время, когда слова: «Я лишь выполнял приказ» не будут служить оправданием. Мы говорим только о верхушке. А была целая серия процессов с другими людьми.

В.П. Макаренко: Да. И стенограммы на русском языке до сих пор не опубликованы.

А.В. Оболенский: Выполнение преступного приказа не является оправданием. Кстати, это закреплено и в Российских законах. Например, в Законе о госслужбе, Законе о полиции. Другое дело, что у нас законы за фальсификацию выборов и за неправомерные приговоры реально не применяются. Так вот, насчет банальности героизма. Можно ли это использовать в контексте повышающей адаптации чего угодно? Это не обязательно связано с какими-то броскими вещами. И пару вопросов хотел задать по этому поводу. Как Вы считаете: женщина облагораживает человечество?

В.П. Макаренко: Наш учитель по физике, когда я учился в шестом классе, постоянно говорил: «Женщина облагораживает человека». Про человечество он не упоминал (*смех в зале*).

А.В. Оболенский: А я вспомнил Каддафи. Не поленился прочитать его зеленую книжку. Там самая короткая глава – три страницы – называется: Женщина тоже человек. И если Гитлер и Сталин были клоунами, то кто же мы такие, если они нас так разводят? На самом деле у них была масса изощренных и тонких механизмов. О них можно говорить как о талантливых злодеях. А говорить, что они тупые – это себя унижать. Вот то, что я хотел сказать. А вообще это все интересно.

В.П. Макаренко: Надо как-то реагировать, а я не особенно хочу. Потому что, во-первых, я с этим согласен, но надо специально рассматривать соотношение героизма и зла. Вон сидит Даша Протасеня, у нее доклад о критике героизма Петером Слотердайком. Он на этом строит свою теорию цинизма. Это интересные темы, но я сейчас их не затрагиваю. Мы можем говорить о конкуренции концепций героизации и дегероизации человека. Это всегда вопрос

личного выбора. Никто третий не в состоянии мне предписать броситься на вооруженного человека, когда я безоружен. Никто третий не может мне предписать броситься на амбразуру. Никто третий не в состоянии предписать мне выступить в критических обстоятельствах. Я могу здесь с удовольствием сослаться на фронтовика Раппопорта, который в танковых войсках прошел всю войну, а в сталинских дискуссиях по генетике имел мужество публично и резко сказать, что Лысенко дурак, а его взгляды не имеют отношения к науке. Тем более, что сегодня лысенковская белиберда реанимируется. Но Раппопорт был одним из немногих. Такие люди и такие поступки были и останутся эталонными. Моя мама называла большинство людей баранами. Я на основе личного опыта могу добавить, что все мертвые, живые и еще не рожденные люди и целые поколения – это застывшая вулканическая лава, в которую вкраплены частички драгоценного металла. Этим и определяется ценность человека. Он сам решает, быть ему бараном, лавой или драгметаллом. На эту тему я не дискутировал. Моя задача реконструировать подход к проблеме, задать определенную теоретическую плоскость для обсуждения проблемы соотношения между истиной и политикой, истиной и ложью. В состав этой проблемы помещаются темы коллаборационизма и цинизма, хотя я об этом не упоминал. В надежде на проницательность аудитории. Домыслить это можно без особого труда.

А.В. Оболонский: Разница в том, что вы это качество подаете как уникальное, а я как распространенное.

В.П. Макаренко: Что касается турок, то я об этом писал в статье об Орхане Памуке и его отношении к теме армянской резни.

А.В. Оболонский: Орхан Памук живет давно в Германии.

В.П. Макаренко: Я не настаиваю, что исчерпал тему.

Г.В. Драч: Виктор Павлович, небольшой вопрос. Все-таки государственные интересы противоположны истине в каком смысле? В том, как это делал Перикл? Строил большие стены, а Спарте все время говорил, что мы ничего не делаем, пока стены не были построены. А ведь государственные интересы никак не защитишь, только при помощи маскировки. Или какие-то другие возможны варианты?

В.П. Макаренко. По поводу Перикла. Я уже забыл о факте, который ты приводишь. Но это частный случай лжи ради другой

цели. Это типичная ситуация в государстве. Зато я штудировал классическую работу Альберта Хиршмана «Лояльность, критика, уход». Там как раз дан обзор истории понятия интереса вообще и государственных интересов в частности. Оттуда вытекает, что понятия интереса (как отношения между сущностями) в Древней Греции не существовало. Это – изобретение схоластической философии, которое было заимствовано в Новое время. Тебе хорошо известно, что в средневековой философии проблема отношения между сущностями разделила всю философию на четыре направления. Значит, надо специально вникать в эту дискуссию. Что означало понятие интереса? Особая проблема – что означало понятие интереса в истории русского государства. Обсуждения этой проблемы у Хиршмана нет. Но хорошо известно, что вдруг, неожиданно, начиная с Петра 1, начинает использоваться это понятие. Его базис – понятие государственного разума – было введено кардиналом Ришелье, но в России оно исчезло. Хотя я это говорю навскидку, я не такой знаток, надо копаться в рукописях того времени. Не является ли оно заимствованием такого же типа, как Петр строил корабли, создал кунсткамеру и так далее? Не знаю. Понятие интереса – термин латинского языка. Имеет ли оно коннотации в греческом языке, от которого произошел целый ряд понятий славянских языков, тоже не знаю. Тут специальное исследование нужно. Я сейчас не могу этим заниматься. Это первая часть ответа

А на вторую часть я ответил в книжке «Главные идеологии современности». Там есть глава о национализме, в которой я выписал детально концепцию государственных интересов. И показал, что до сих пор концепт государственных интересов обслуживал горы трупов, принесенных на алтарь государства. Этот концепт связан с правом войны. Вот что такое в реальном воплощении ссылка на государственный интерес. Насколько люди, употребляющие это понятие, осознают все эти реальные сложности, если даже в научном сообществе мы не проводим различия между реальностью и использованием понятий ради их обслуживания? – это тоже специальная проблема.

Теперь задам тебе контрвопрос по поводу ссылки на Перикла. Не осуществляешь ли ты ошибку ретроспективы? Ведь Михаил Константинович детально описал эту ошибку. Она состоит в том,

что мы сегодняшние наши оценки опрокидываем в историю трех- и двухтысячелетней давности. Здесь лежит острая методологическая историческая и политическая проблема. А что касается конкретных примеров – я с удовольствием предлагаю обсудить специально эту статью Петрова и книгу Хиршмана на совместных семинарах. Потому что тот и другой работали как подлинные историки философии. А я же вначале оговорку сделал: историко-философский пласт работы интересен сам по себе. Он связан с детальным, конкретным, микроскопическим, филологическим анализом смыслов данных понятий в каждый конкретный момент времени 1) в каждом конкретном документе, 2) при их составлении и практической реализации, 3) в конкретных ситуациях, 4) и так далее. Здесь чрезвычайно много важных и интересных вещей. Вот о чем идет речь. Я прекрасно осознаю эту сложность. И думаю, чем лучше мы осознаем эту сложность, тем меньше будем дурачить друг друга, не говоря уже о публике. Вот как бы я ответил на твой вопрос, Гена.

И.А. Иванников: Виктор Павлович, у меня возникло сомнение в вашем утверждении: любая политика противостоит всем формам истины. Мне кажется, такая политика невозможна, она не жизнеспособна. И не может существовать какое-то длительное время. Она все равно так или иначе должна базироваться на каких-то реалиях или каких-то истинах. Возьмем конкретный пример. Политика современной России базируется на патернализме. Это истина или нет? В общественном мнении господствует имперский синдром и ностальгия по великому государству. Это истина или нет? Если да, то некорректно утверждать, что политика противостоит всем формам истины.

В.П. Макаренко: Спасибо за замечание. Вы правы. Я ведь только обозначил проблему. Ханна Арендт вводит различие между истиной факта и истиной мнения. Вы сейчас говорили об истинах мнения.

И.А. Иванников: Это не мнения, это реалии.

В.П. Макаренко: Политика невозможна без использования мнений. Арендт в этом видела свободу. Более того. Она пишет: когда мы лжем, мы реализуем собственную свободу. Значит, без учета различия истины факта и истины мнения на этот вопрос ответить невозможно. А как раз истину мнения она связывает со

спецификой политической деятельности. Я это просто опустил. Мне некогда было об этом говорить. Я потом скажу о том, на что я пока не нашел ответа у Ханны Арендт.

И.А. Иванников: Имперский синдром – это реалии, а не мнение.

В.П. Макаренко: Я не пользуюсь этим жаргоном. Никакая это не реалья. Это вы предлагаете мне определенный способ языка для обсуждения этой реалии. А я отвергаю то и другое. Я конструирую свой собственный терминологический аппарат. Может, он и примитивный, но шаблонами официальной российской публицистики и журналистики я не пользуюсь. Лев Дмитриевич может хорошо рассказать, к чему ведет использование этих словечек даже в социологических исследованиях. Это специальные проблемы социолингвистики как определенной методологии социологического исследования. Другое дело, что на нее почти не обращают внимания. Можно попасть в большой просак, если мы используем этот жаргон в качестве программы социологического исследования. Имперский синдром – это только одно из мнений в рамках определенного набора клише. Стало быть, если мы являемся сознательными гражданами данной страны, мы должны конструировать свой собственный язык. Если мы согласны с идеей гражданина как активного участника политического процесса. Я охотно признаю, что не успел обсудить эту важнейшую тему, и сделал на этот счет особую оговорку.

Сейчас скажу, на что я не нашел ответа у Ханны Арендт. Есть несколько концепций истины: Аристотеля, Гегеля, Тарского, Лукасевича. Она эту проблему не обсуждает. А если ставить ее всерьез, то надо сравнивать различные концепты политики и различные концепты истины на протяжении всей истории и их преломление в сегодняшней ситуации. Я не в состоянии это сделать. Я могу только прокукарекать об этой проблеме.

В.А. Шкуратов: Здесь часто упоминалось понятие истины. А тебе не хочется обсудить противоречие между эссенциализмом и современным конструктивизмом? Ведь твоя концептология не столь эссенциалистская, как ты утверждаешь. Она склоняется к конструированию некоторых понятий, которые не укладываются в жесткую онтологию.

В.П. Макаренко: Да я не возражаю. Но не могу ещё и этим заниматься. Пусть кто-нибудь другой. Вон Гена пусть займется. Это философам ближе.

А.В. Лубский: Виктор Павлович, в связи с этим хочу высказать одну реплику. У Павла Флоренского есть интересная мысль: целокупная истина упала на землю и разбилась на мелкие осколки. А подобранные её объявили себя обладателями всей истины. Поэтому спор который мы тут затеваем – это спор людей, которые подобрали осколки, но объявили себя обладателями истины.

В.П. Макаренко: Это ты цитируешь сам себя из одной из твоих статей. Я это предложение прекрасно помню. Но ведь Флоренский имел в виду религиозную истину.

А.В. Лубский: Я говорю к тому, что эти вопросы интересны, но они не по теме.

В. Козерь: Виктор Павлович, я с большим интересом прочитал вашу статью о доносе. Какова связь между коллаборационизмом и цинизмом? И существует ли в этих условиях высокой степени политического цинизма не цинический коллаборационизм?

В.П. Макаренко: На это отвечу шутя – верхне-донским говором: трошки существует (*смех в зале*). Разве мне нельзя подураться? Разве я сейчас могу вникать в этот вопрос? Мало-мальски строго ответить на него не могу. А чистой риторикой заниматься не хочу. Здесь и так ее адептов хватает.

А.Н. Олейник

КОНФЛИКТ ФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» КАК ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИНИЗМА*

Цинизм – одно из тех понятий, которое трудно определить однозначным образом. С одной стороны, оно активно используется в быту и повседневном общении, причем обыденное понимание цинизма не совпадает с научной трактовкой этого термина. В русском языке под цинизмом обычно понимают «пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, наглость, бесстыдство» [Ожегов, Шведова 1992]. В английском языке акцент изменен: цинизм определяется как ожидание от окружающих обмана и эгоизма [Merriam-Webster 2015].

С другой стороны, и в научном обиходе консенсус относительно трактовки цинизма отсутствует. Цинизм как философская школа предполагает один взгляд на вещи (остро критический, о чем будет идти речь ниже), тогда как цинизм с точки зрения политической науки – совсем иной (сводящийся к согласию со сложившимся порядком вещей). В этом смысле цинизм стоит отнести к числу «спорных по сути своей» понятий: при наличии множества определений невозможно выбрать одно из них, используя исключительно абстрактные, теоретические критерии [Wartenberg 1990: 12; Макаренко 2005: 73]. В данном эссе после краткого, не претендующего на исчерпывающий характер, обзора некоторых значимых для политического анализа определений цинизма, основное внимание будет уделено одному из них, предложенному Петером Слотердайком [Слотердаик 2009].

* Статья подготовлена на основе доклада на конференции «Политический цинизм: концепт и постсоветская реальность» (Ростов-на-Дону, 27-28.03.2015 г.).

Подход Слотердайка отличается как от обыденного понимания цинизма, так и от ряда научных определений данного феномена. В нем делается акцент на противоречии между формально декларируемыми и неформально разделяемыми ценностями и нормами как источнике цинизма вообще и политического цинизма в частности. В этой логике источником цинизма является разочарование людей в формальных институтах в результате неспособности этих институтов соответствовать внутренним убеждениям людей. Согласно наиболее общему пониманию институтов, их роль заключается в установлении «правил игры», или, выражаясь иначе, рамок взаимодействий людей [North 1990: 3]. Циники ощущают, что играют в «чужую» игру, правила которой они не приемлют.

Кинизм

Цинизм античного времени, или кинизм, занимает особое место в ряду различных проявлений цинизма. И не только потому, что, собственно, с кинизма начинается свой отчет история цинизма. Кинизм отличает резкое неприятие жизни по тем правилам, которые не соответствуют человеческой природе, существу человека [Foucault 2011b: 165-315; Слотердаик 2009: 178-181]. Задача киника – наиболее известным среди них был древний грек Диоген – было вскрытие любой фальши и неестественности в отношениях между людьми, в особенности в поведении власть предержащих. Киник стремился показать людям, «что их образ жизни отличается от того, который соответствует их естеству» [Foucault 2011b: 315]. Ориентация на потребление, излишний комфорт, стремление к власти (понимаемой здесь как способность навязывать свою волю окружающим вопреки их возможному сопротивлению [Weber 1968: 53]), желание «быть как все» и не выходить за рамки общепринятых норм, какими бы искусственными они ни были – все это, по мнению киников, достойно критики и отрицания.

Методы, которые киники использовали для достижения своих целей, были столь же радикальными, как и их цели. Провокационные и экстравагантные «перформансы» Диогена, начиная с поиска человека с фонарем среди бела дня в толпе людей (настоящего человека среди них и не найти¹⁴⁷) и заканчивая отправлением им естественных надобностей на публике (зачем стыдиться есте-

¹⁴⁷ Примечательно использование не прямой ссылки на Диогена Юрием Левадой, известным социологом и одним из основателей центра по изучению *общественного мнения*, ныне носящего его имя, в названии одной из его последних книг [Левада 2006].

стенных вещей? стыдиться нужно всего того, что противоречит человеческой природе), обычно оставляют в тени менее броские, но от того не менее значимые практики паррезии (*Parrēhsia*). Мишель Фуко определяет паррезию как «способ говорения правды», ставя акцент именно на форме, а не на содержании этого донесения правды до окружающих [Foucault 2011a: 52]. В более близких к повседневной речи терминах паррезия означает «рубить (или резать) правду-матку». Киники именно «рубили правду-матку», высказывая свои сомнения о естественности тех или иных наблюдаемых ими вокруг практик, не обращая при этом внимания на лица и возможные санкции либо со стороны власть предержащих, либо со стороны не любящего слушать правду большинства. Киник критиковал любые проявления неестественности в человеческих отношениях, чего бы это ему не стоило (даже перед лицом возможной смерти).

Что служило точкой отсчета для критики киников? С каких позиций они осмеивали превалирующие институты и общепринятые практики? Исходным пунктом для кинических атак были наиболее базовые, простые и близкие к природе аспекты человеческого поведения: ограничение питания только теми продуктами, которые действительно необходимы для поддержания организма в работоспособном состоянии (при этом Диоген дожил до глубокой старости), довольствование минимально необходимым уровнем комфорта и так далее. На первый взгляд, в контексте сегодняшнего общества массового потребления такая «естественность» вряд ли будет востребована. Однако это не так. Фактически к такому же решению – «уходу» из становящихся все более искусственных отношений, в том числе в современной семье, к естественности жизни в сельской местности, ближе к природе – приходит в своем фильме с говорящим названием «Век помрачения» (*L'âge des ténèbres*, 2007) и известный канадский кинорежиссер Дени Аркан (Denys Arcand).¹⁴⁸ К теме критики институтов с точки зрения «естественного» и по-настоящему «человеческого» я еще вернусь, ибо она неожиданным образом находит свое продолжение в тотальных институтах, прежде всего в тюрьме.

¹⁴⁸ Собственно, все его творчество так или иначе связано с попытками возрождения кинической критики таких институтов, как религия (*Jésus de Montréal*, 1989), университет и академическая среда (*Le déclin de l'empire américain*, 1986 – этот фильм получил Оскара), средства массовой информации (*Stardom*, 2000) и так далее.

Господский цинизм

Следующей – если придерживаться хронологического порядка – формой цинизма можно считать теорию и практику циничной политики. Возникновение этой теории связывается с именем Никколо Макиавелли и его книгой «Государь», впервые изданной в 1515 г. [Machiavelli 1903]. Согласно данному подходу, для успеха в своей деятельности власть предержащим нужно научиться видеть в людях оппортунистов. «О людях вообще можно сказать следующее, учит Макиавелли. Они неблагодарны, говорливы без меры, скрывают свои действительные намерения, боятся опасностей и охочи на получение выгоды» [Machiavelli 1903: 66]. Если снять «розовые очки», то окружающие власть предержащих люди – их подданные и другие властители – выглядят весьма неприглядно. Стоит ли тогда власть предержащим брать на себя какие-либо моральные или иные обязательства по отношению к окружающим их людям? Макиавелли уверен, что не стоит. «Так как люди нечестны, и при любой возможности норовят обмануть, то и власть предержащему не стоит чувствовать себя связанным принятыми перед людьми обязательствами» [Machiavelli 1903: 70].

Слотердаик называет подобный взгляд на людей господским цинизмом. Господский циник ни во что не ставит «холопов» – всех тех, у кого нет (или меньше) власти. Точнее, господский циник при любой возможности ставит других людей «на место», то есть всячески подчеркивает их незначимость и никчемность. «Голиафы всех времен – от надменных ассирийских военных вождей до современной бюрократии – показывают храброму, но не имеющему никаких шансов на победу Давиду, кто на самом деле наверху, а кто – внизу; это, так сказать, цинизм на службе обществу» [Слотердаик 2009: 195].

Термин «общество» не вполне уместен в данном контексте. Поставленные «на место» власть предержащими люди образуют не общество, а «население». По мнению Фуко, *общество* способно противостоять господскому цинизму, тогда как *население* соглашается с отводимой ему сугубо пассивной ролью [Foucault 2007: 43-44]. Общество проявляет активность и пытается заставить власть предержащих выполнить взятые ими на себя обязательства. Население же легко управляемо. Оно лишено амбиций не только управлять, но и критиковать, выражать свое несогласие.

Цинизм населения

Обратной стороной цинического восприятия власть предержащими остальных людей является цинизм последних. Эту форму цинизма можно также назвать цинизмом населения. Цинизм населения предполагает симметричный взгляд на вещи, а именно предположение коррумпированности и нечестности власти предержащих. С этой точки зрения, политика – это всегда «грязное дело», а на занимающихся ей людях и «клейма ставить негде». Закономерным итогом данной формы цинизма является отсутствие со стороны населения уважения и доверия к политикам, а также преобладание у населения исключительно негативных ассоциаций с политикой и политиками [Agger, Goldstein, Pearl 1961: 477].

В отличие от господского цинизма и кинизма, эмпирические данные о цинизме населения более доступны. В случае кинизма основным препятствием для эмпирического изучения является удаленность во времени (не сохранилось ни одной работы, авторство которой однозначно принадлежит Диогену) и собственно редкость кинической критики (уж слишком она опасна для «правдоубов»). А от власть предержащих – господ циников – вряд ли стоит ожидать открытого согласия с выводами Макиавелли. Что же касается цинизма населения, то его можно вполне успешно изучать с помощью данных массовых опросов [Agger, Goldstein, Pearl 1961; Litt 1963]. В частности, было эмпирически выявлено, что не последнюю роль в распространении цинизма населения играют средства массовой информации, изображающие политиков в негативном свете [Schuck, Boomgaarden, de Vreese 2013]. Впрочем, чем выше действительный уровень коррупции, тем меньше эффект от негатива, распространяемого СМИ. Люди и так не питают иллюзий.

Говоря о восприятии власть предержащих в современной России, его вполне можно описать в терминах цинизма населения. Отвечая в апреле 2013 г. на вопрос о том, какие характеристики присущи обладателям власти, больше всего респондентов – 35% – вменило им действия исключительно в собственных интересах [Аналитический Центр Юрия Левады 2013: 44]. Справедливыми и близкими к народу увидели власть предержащих лишь 2% респондентов. С тем, что власть предержащие заинтересованы только в том, чтобы быть избранными (то есть сохранить/получить власть), а не в том, что действительно хотят избиратели, полно-

стью согласны или скорее согласны 80% опрошенных [Аналитический Центр Юрия Левады 2013: 41]. И это несмотря на то, что российские СМИ, в отличие от западных, отнюдь не горят желанием показывать политиков иначе, чем в розовом цвете ввиду своей подконтрольности последним [Wilson 2005].

Специфическая модель отношений возникает в случае одновременного распространения господского цинизма и цинизма населения. Власть предержащие не ожидают ничего хорошего от населения, население платит им той же монетой. В этих условиях власть может быть реализована лишь посредством использования силы, угроз, манипуляции или обеспечения сочетания интересов на рынке [Олейник 2011: Гл. 3]. Власть по договору (подчинение которой вознаграждается с помощью стимулирования – материального вознаграждения) невозможна ввиду тенденции обеих сторон к отлыниванию от своих обязательств. Легитимная власть также недостижима ввиду взаимного недоверия и отчуждения власть предержащих и населения. В этих условиях можно согласиться с Виктором Макаренко, когда он говорит о ложности веберовской концепции легитимной власти как *общей* теории власти [Макаренко 1998: 82].

Когда «человеческое» не имеет институционального воплощения

Концепты господского цинизма и цинизма населения были предложены для изучения политических процессов (например, осуществления власти) и имеют ограниченную ценность вне политической сферы. Слотердайт предлагает более общую теорию цинизма, которая может быть использована в анализе политики, но при этом область ее применения политикой заведомо не ограничена. Слотердайт ищет источники цинизма за пределами узко определяемой политики и находит их в особенностях институциональной структуры общества.

Правила игры могут быть закреплены явным и неявным образом. В первом случае речь идет о формальных институтах, во втором – об институтах неформальных [Helmke, Levitsky 2004]. Например, закон и официально декларируемые ценности (такие как моральный кодекс строителя коммунизма) являются примером формальных институтов. Традиции и устойчивые, повторяющиеся поведенческие образцы, которые не регламентируются эксплицитным образом, иллюстрируют идею неформальных институтов.

По логике Слотердайка, цинизм можно осмыслить как особую реакцию людей на противоречия между формальными и неформальными институтами, между тем, как им предписывается вести себя и тем, как они считают нужным вести себя. «Циническое мышление может проявиться только тогда, когда возможны два взгляда на вещи – официальный и неофициальный, стремящийся завуалировать истину – с позиции героя и стремящийся видеть ее во всей наготе и неприкрытости – с позиции камердинера» [Слотердайк 2009: 334]. Например, формальные институты нацеливают людей на достижение определенных идеалов, будь то самопожертвование во имя родины или индивидуальное обогащение. «Когда повседневный опыт людей обесценивает данные идеалы, их ответной реакцией становится цинизм. Везде, где рушатся идеалы,... недалеко до цинизма, который изливает свое разочарование, толкая то, что и без этого падает» [Слотердайк 2009: 748]. Политические институты – формальные и неформальные – представляют собой лишь частный случай. Конфликт формальных и неформальных институтов может возникнуть в любой сфере человеческой деятельности: экономике, искусстве, науке, религии и так далее.

Противоречие между формальными и неформальными институтами носит систематический характер и принимает особенно явные формы в тотальных институтах, прежде всего в тюрьме. То, как заставляют действовать оказавшихся в них людей, и то, как они сами считают нужным поступать, совершенно не совпадает. Так, в советской и постсоветской тюрьме то, как попавшие в нее люди считают нужным жить, нашло отражение в неформальных нормах, «понятиях» [Олейник 2001: 118]. Эти нормы не имеют ничего общего с Правилами внутреннего распорядка и другими официальными документами, регламентирующими повседневную жизнь заключенных. Примечательно, что в основе понятий лежит так называемое «людское», то есть то, что естественно, присуще любому человеку с точки зрения самих заключенных [Олейник 2001: 190]. Налицо попытка пойти тем же путем, что и киники, то есть выявить наиболее базовые, простые и близкие к природе нормы человеческого поведения: не кради у ближнего, умей постоять за себя и защитить свое достоинство и так далее. Распро-

странение цинического мировосприятия в таких условиях становится практически неизбежным.¹⁴⁹

В тотальные институты – армию, психиатрическую лечебницу, тюрьму, интернат для престарелых – люди обычно попадают помимо своей воли. Поэтому ожидать соответствия формальных и неформальных институтов в таких обстоятельствах сложно. Вне тотальных институтов, напротив, такое соответствие вполне ожидаемо. Расцвет той или иной институциональной системы – социалистической, капиталистической, или любой другой – наблюдается тогда, когда люди соглашаются с заложенными в них правилами игры и воспринимают игру как «свою».

Есть основания полагать, однако, что разочарование в формальных институтах и их отторжение выходит сегодня далеко за рамки тотальных институтов, причем как на Востоке, в том числе в постсоветской России, так и на Западе. Если это так, то циническое мышление превращается в универсальный и глобальный феномен. Эмпирическая проверка данного тезиса требует полномасштабного сравнительного анализа соотношения формальных и неформальных институтов в различных странах. В рамках данного эссе я ограничусь постановкой некоторых вопросов, ответ на которые может дать только полномасштабное сравнительное исследование. Начать стоит со следующих вопросов: какие формальные институты рассматриваются сегодня как соответствующие «человеческому», «людскому»? Можно ли назвать институты, «человечность» которых не была бы на сегодняшний день в той иной мере дискредитирована?

Слотердаjk подробно рассматривает процесс «обесчеловечивания» религии. Институт церкви не смог сохранить тот гуманистический заряд, который был изначально в нем заложен. В реально существующей церкви – католической, русской православной или любой другой – «человеческое» было принесено в жертву интересам воспроизводства этого института и обслуживающих его лиц.

Несостоятельность «реально существовавшего социализма» начала принимать явные формы задолго до формального распада Советского Союза в 1991 г. Анализ доступных источников –

¹⁴⁹ Цинизм не является единственно возможным результатом противоречий между формальными и неформальными институтами. Вместо того, чтобы стать циником, действующий в таких условиях человек может пережить внутренний психологический кризис. Александр Бек описывает именно такой случай в своем романе «Новое назначение». Он повествует о советском управленце, остро переживающем отрицание на официальном уровне тех идеалов, которые он разделял [Бек 1988].

например, писем в центральные газеты и журналы – показывает, что расхождение формальных институтов советского типа и повседневных практик граждан началось уже в 1970-1980-ые годы [Shlapentokh 1989]. Публично заявляя о своей приверженности социалистическим принципам, советские люди все большее внимание уделяли частной жизни и взаимодействиям, которые напрямую противоречили официальным декларациям (например, блатным связям). В этом смысле Советский Союз был хорошей школой цинизма, а отнюдь не коммунизма.¹⁵⁰

Не лучше дело обстоит и с той институциональной системой, которая «победила» реально существовавший в Советском Союзе социализм – либеральной демократией. Она тоже не исключает рассогласования формальных и неформальных институтов, причем по иронии судьбы это рассогласование проявляется в наиболее явном виде как раз в постсоветской России. Одним из ключевых для функционирования либеральной демократии принципов является обеспечение верховенства законов, *rule of law*. На бумаге этот принцип имеет гуманистическое содержание, будучи направленным на защиту прав человека. На практике, однако, верховенство законов оборачивается господством специалистов по их интерпретации, юристов [Oleinik 2015: Ch. 5]. А способность юристов к беспристрастной интерпретации юридических норм у многих вызывает справедливые сомнения: юристы в первую очередь действуют в личных или узко-групповых интересах [Макаренко 2013: 603].¹⁵¹

¹⁵⁰ Заслуживают внимание аргументы о необходимости различения оригинального марксизма («марксизма Маркса») и той его версии, которая легла в основу советских институтов («русского марксизма»). Виктор Макаренко, например, говорит о дискредитированном характере русского марксизма, но считает, что марксизм Маркса «не устарел до сих пор» [Макаренко 2013: 78]. При этом упускается из виду эволюция собственно марксизма Маркса (в работах некоторых советских марксистов «ранний» Маркс противопоставлялся «позднему» Марксу). Можно согласиться со Слотердайком в том, что «поздний», антигуманный Маркс – это закономерный результат эволюции «раннего», гуманистического Маркса. «В учении Маркса имеет место не пропасть между «идеологической» и «научной» фазами, а разрыв между двумя модальностями рефлексии – между наступательно-кинической, гуманистической, освободительной рефлексией и рефлексией объективистской, господско-цинической, издавающейся и насмехающейся над стремлением к свободе у других в стиле функционалистической критики идеологий» [Слотердаик 2009: 164]. Иными словами, и в марксизме нет противоядия тенденции к рассогласованию формальных институтов и «человеческого».

¹⁵¹ Сюжет фильма «Левиафан» (2014) Андрея Звягинцева иллюстрирует эти распространенные сомнения в беспристрастности судебной системы с помощью средств кинематографа.

Что касается либеральной составляющей формальных институтов, пришедших на смену советским, то и здесь есть основания для превалирования цинического мышления. С формальной точки зрения, рыночные институты функционируют согласно постулатам неоклассической экономической теории: совершенная конкуренция, свобода входа и выхода на рынки, четко определенные права собственности, нулевые трансакционные издержки и тому подобное. Эти постулаты формальным образом закреплены как в законах (например, антимонопольное законодательство), так и в экономической политике государства (например, программы поддержки малого и среднего бизнеса).

Однако на практике рынок оказывается системой властных отношений: институты рынка используются для укрепления позиций одних участников рынка и ослабления позиций других. Так, административные барьеры используются для контроля входа на рынок и ограничения конкуренции на нем в интересах конкретных фирм. Барьеры возводят представители государства, допуская на рынок только те фирмы, которые соглашаются делиться с ними сверхприбылями и содействовать начинаниям власть предержащих иными средствами. Возникающее в результате неформальное сочетание интересов власть предержащих и допущенного на рынок бизнеса имеет мало общего с официально декларируемой свободой конкуренции и независимостью бизнеса от власти [Олейник 2011].

Учитывая рассогласование формальных и неформальных институтов в политической и экономической сферах,¹⁵² скептицизм россиян в отношении сложившейся на сегодняшний день институциональной системы закономерен. Ни одна из институциональных альтернатив – система советского типа, либеральная демократия западного типа и учитывающие национальную специфику институты – не пользуется у них однозначной и абсолютной поддержкой (Таб. 1). Примечательно, что популярность последней альтернативы – «государство с совершенно особым устройством и своим путем развития» – постепенно сокращается. Даже институты с национальной спецификой, видимо, не рассматриваются в качестве возможной основы для реализации «человеческого».

¹⁵² О рассогласовании формальных и неформальных институтов в науке требуется особый разговор [Oleinik 2014].

Таблица 1 «Распределение ответов на вопрос
«Государством какого типа Вы хотели бы видеть
Россию в будущем?»,
Россия, 1999-2013, N=1600»

	1999	2008	2011	2012	2013
Социалистическим государством типа СССР	15	17	23	22	24
Государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой	35	32	30	31	33
Государством с совершенно особым устройством и своим путем развития	45	39	36	41	33
Затруднились ответить	6	11	12	7	10

Источник: [Аналитический Центр Юрия Левады 2013: 36]

Неснятый характер противоречия между существующими формальными институтами и «человеческой», «людской» жизнью объясняет превалирование циничных умонастроений в сегодняшней России. Эта тенденция может выражаться в самых разнообразных формах: господский цинизм, цинизм населения, кинизм¹⁵³ и даже фашизм. На последнем в заключении остановлюсь особо. Слотердайт призывает рассматривать фашизм не только как политический феномен, но и как проявление цинизма в наиболее крайних, насильственных формах. Понятый таким образом, фашизм имеет шансы на возрождение уже в иных, чем в нацистской Германии, условиях.

Говоря об истоках фашизма, Слотердайт обращается к истории Веймарской республики в 1920-ых – начале 1930-ых годов [Слотердайт 2009: Раздел IV]. Веймарский период германской истории обычно связывается с пост-имперским синдромом, с крушением империи и его внутри- и гео-политическими последствиями

¹⁵³ Именно как проявления кинизма можно классифицировать перформансы Pussy Riot, арт-группы «Война» (Член «в плену ФСБ», Занимайся любовью «за наследника медвежонка» и другие, причем первая акция стала победителем VI Всероссийского конкурса в области современного визуального искусства «Инновация» в главной номинации «Произведение визуального искусства») и художника Петра Павленского с прибитием своих половых органов к брусчатке Красной площади в Москве.

[Любин 2013].¹⁵⁴ Однако сводить все к распаду империи было бы неправильно. Веймарская республика явила собой пример одного из наиболее сильных рассогласований между формальными институтами демократии и неформальными институтами, превалировавшими в Германии тех времен. В результате институты демократии – выборы, парламент и так далее – так и не приобрели легитимного характера в глазах населения Веймарской республики. Отсюда возможность отказа от каких-либо попыток легитимации, которая и была реализована Гитлером. Фашизм как насильственная форма цинизма «прямо отказывается от стараний как-то легитимировать себя, открыто провозглашая жестокость и «священный эгоизм» как политическую необходимость и как историко-биологический закон» [Слотердаик 2009: 371]. Это своеобразная месть «заносчивой власти тому, кто, как она точно знает, никогда не будет уважать ее, но во все времена станет кричать чудовищу: «Легитимируй себя или будешь повергнуто!» [Слотердаик 2009: 375]. С этой точки зрения фашизм представляется ответом господского цинизма цинизму населения: в конечном счете власть, не находящая иных оправданий, всегда может быть оправдана насилием, причем в наиболее явной, ничем не прикрытой форме.¹⁵⁵

Насколько велик риск превращения постсоветского политического цинизма в России в фашизм? Ответ на этот безусловно важный как с теоретической, так и с практической точки зрения требует специального исследования.

Источники:

Аналитический Центр Юрия Левады. 2013. *Общественное мнение – 2013. Ежегодник*. – М.: Левада-Центр

Бек А.А. 1988 [1986]. *Новое назначение*. – Кишинев: Картя Молдавянескэ.

Левада Ю.А. 2006. *Ищем человека: Социологические очерки. 2000-2005*. – М.: Новое издательство.

Любин В.П. 2013. О неготовности постимперского общества к демократии (Винклер Г.А. Веймар 1918-1933: История первой не-

¹⁵⁴ Отсюда попытки провести параллели между тем периодом и постсоветскими трансформациями – Александр Янов был одним из первых, кто их провел [Янов 1995].

¹⁵⁵ Здесь напрашиваются параллели между готовностью российских властей использовать неприкрытое насилие для «легитимации» своей позиции в украинском кризисе, начавшемся в 2014 г., и экибиционизмом [Олейник 2014].

мецкой демократии / Пер. с нем. Е.Е. Земсковой, А.И. Савина. – М.: РОССПЭН, 2013). – *Полития*. – №4 (71). – С. 176-190.

Макаренко В.П. 2013. *Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1*. – Ростов-на-Дону: Изд-во Март.

Макаренко В.П. 2005. *Политическая концептология: обзор повестки дня*. – М.: Праксис.

Макаренко В.П. 1998. *Русская власть: теоретико-социологические проблемы*. – Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1992. *Словарь русского языка*. – Доступно: <http://www.ozhegov.com/index.shtml>. – Проверено: 29.01.2015 г.

Олейник А.Н. 2014. Повелители рынка: начало конца? – *Независимая газета*. – 24.12.2014 г. – С. 5.

Олейник А.Н. 2011. *Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. – М.: РОССПЭН.

Олейник А.Н. 2001. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти*. – М.: ИНФРА-М.

Слотердайт П. 2009 [1983]. *Критика цинического разума*. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА. Перевод с немецкого Л. Перцева.

Янов А.Л. 1995. *После Ельцина: «Веймарская» Россия*. – М.: Крук.

Agger R.E., Goldstein M.N., Pearl, S.A. 1961. Political Cynicism: Measurement and Meaning. – *The Journal of Politics* – Vol. 23, No. 3. – pp. 477-506.

Foucault M. 2011a. *The Government of Self and Others. Lectures at the Collège de France, 1982-1983*. – New York: Picador/Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell.

Foucault M. 2011b. *The Courage of Truth (The Government of Self and Others II). Lectures at the Collège de France, 1983-1984*. – Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell.

Foucault M. 2007. *Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France, 1977-1978*. – Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell.

Helmke G., Levitsky, S. 2004. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. – *Perspectives on Politics*. – Vol. 2, No. 4. – pp. 725-740.

Litt E. 1963. Political Cynicism and Political Futility. – *The Journal of Politics*. – Vol. 25, No. 2. – pp. 312-323.

Machiavelli N. 1903 [1515]. *The Prince*. – Oxford: Oxford University Press. Translated by L. Ricci.

Merriam-Webster. 2015. *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary*. – Доступно: <http://www.merriam-webster.com/info/index.htm>. – Проверено: 29.01.2015 г.

North D.C. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. – Cambridge: Cambridge University Press.

Oleinik A. 2015. *The Invisible Hand of Power: An Economic Theory of Gate Keeping*. – London: Pickering & Chatto.

Oleinik A. 2014. *Knowledge and Networking: On Communication in the Social Sciences*. – New Brunswick, NJ and London: Transaction Publishers.

Schuck A.R.T., Boomgaarden H.G., de Vreese C.H. 2013. Cynics All Around? The Impact of Election News on Political Cynicism in Comparative Perspective. – *Journal of Communication*. – Vol. 63, No. 2. – pp. 287-311.

Shlapentokh V. 1989. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing values in post-Stalin Russia*. – Oxford: Oxford University Press.

Wartenberg T.E. 1990. *The Forms of Power: From Domination to Transformation*. – Philadelphia, PH: Temple University Press.

Wilson A. 2005. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. – New Haven, CT and London: Yale University Press.

Weber M. 1968 [1922]. *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology*. – New York: Bedminster Press

Вопросы

О. Бокоев: К сожалению, я не читал вашу книгу. Насколько мне известно, тюремная субкультура создает совершенно особую социальную среду. Какое место в этой среде занимает цинизм и кинизм? Есть ли там различия между высоким и низменным?

А.Н. Олейник: Там к телу как раз такое отношение, о котором я пытался рассказать в случае Павленского, в случае войны. Он, наверное, на этот вопрос ответил бы более красочно. Социальная антропология занимается теми же проблемами. В частности, Константин Маликов как раз занимается тюремными или режимными сообществами.

Там тело как раз и является последней точкой для критики всего. Начиная с особого отношения к мужскому достоинству и заканчивая татуировками. И тело является для них последним бастионом противостояния формальным институтам, которые они по понятным причинам отрицают. Потому что они там против своей воли.

О. Бокоев: Какой тип государства предлагает нам наша верхушка?

А.Н. Олейник: Трудно сказать. Есть Западный путь. Есть другие пути. Есть Третий путь. Все эти названия фигурируют. Но на деле неясно, какой тип декларируется. Вот Лев Дмитриевич, может скажет.

Л.Д. Гудков: Так и есть. Это отказ от идентификации с Западным типом, крайне смутная утопия о социальной защищенности, благосостояния и социального порядка. Утопическая конструкция «как в нормальных странах», с которой постоянно сравнивается наш бардак и хаос. Социалистическое государство – понятие советское. А государство с особым устройством – это осознание того, что мы никогда не будем богатой страной. Но поскольку признать это слишком фрустрирующе, то появилась форма ухода, отказа от этого – государство с особой судьбой

В.П. Макаренко: То-есть, это ложные альтернативы.

Л.Д. Гудков: Это вообще не альтернативы. Если говорить о массовых установках, то это доминанта крайне смутной социал-демократии. Как вариант государственного патернализма советского типа с элементами западной демократии. Не могу даже сказать, что это модель. Но она афишируется.

Г.А. Матвеев: Ваша концепция оригинальна. Но что такое формальные институты? Бывают ли неформальные институты?

В.П. Макаренко: Герман Аронович, надо было бы Дугласа Норта прочесть 200 страниц. Там все разъяснено. А так мы тратим время научной конференции на ликвидацию собственного невежества.

Г.А. Матвеев. У государства всегда есть форма, а у вас проскальзывает элемент анархизма.

В.П. Макаренко: Вот и хорошо, за это я Антона Николаевича и люблю (*смех в зале*).

А.В. Оболонский (*иронически, обращаясь к Г.А.Матвееву*): Не анархизма, а синдикализма. Надо бы усвоить различие между ними. Это уже совсем другое. Это замечательная вещь.

Г.А. Матвеев: Я понимаю гуманистическую направленность вашей концепции. Вы хотите, чтобы государственные институты имели естественное человеческое измерение. Но мне кажется, в обозримом будущем этого не будет.

А.Н. Олейник: Спасибо за комментарий. Институты можно определить как правила игры. Я хочу через это определение вернуться к определению цинизма. Цинизм возникает в ситуации, когда человек вынужден играть не свою игру. Все мы знаем ситуацию, когда мы играем, но не чувствуем, что правила игры нам понятны. Что мы расцениваем институты как справедливые и так далее. Кстати, сегодняшняя мобилизация, о которой говорил Лев Дмитриевич, во многом и играет на этом ощущении, что мы так и не научились играть в эту игру, так и не научились рассматривать демократию в качестве своей игры. Давайте тогда мы будем по полной играть в эту игру деструктивно – не только в отношении себя самих, но и в отношении соседей. Так вот, существуют ли такие формальные правила, которые близки к этому человеческому, которое определяется по-разному? Может быть киническое определение человеческого, может быть «людское», и далее по аналогии. Но если аналогию с правилами игры продолжить, всегда можно найти свою игру. И опять-таки, в русском языке выражение «играть свою игру» есть ответ на ваш вопрос. Когда будет найдена своя игра – это и будет решение проблемы цинизма. Правила игры будут уважаться, не отторгаться и критиковаться, а наоборот.

Г.А. Матвеев: Люди разные. У них разные правила.

В.П. Макаренко: Это бесконечный разговор. Надо освоить концепцию Д.Норта и полемизировать с нею, а не с докладчиком, который работает в определенной теоретической традиции.

Н.Н. Евченко: Антон Николаевич, у меня вот какой вопрос. За последние 50 лет в сфере международной торговли строятся формальные институты. Создана ВТО, идут бесконечные переговоры для того, чтобы эти правила приняли большинство государств. И отдельные государства легко вступают в правила своей игры. А сегодня говорят о санкциях. Они противоречат тем институтам и правилам, которые создавались 50 лет. Мы начинаем в рамках формальных институтов решать эти проблемы. Одно государство подает в суд другое государство. Что является способом разрешения конфликтов в таких межгосударственных отношениях?

В.П. Макаренко: Я отвечаю одним словом: произвол.

А.Н. Олейник: Де-факто да. Произвол.

Г.В. Драч: Произвол – это проявление силы.

В.П. Макаренко: Это ты даешь толкование. Я могу дать другое.

А.Н. Олейник: Произвол. Это действительно так. Тут даже о России можно не вспоминать. Взять Штаты и Канаду. Две Западные страны, которые изучаются в России как один кластер. Но даже там есть проблемы. Потому что с точки зрения канадцев США все время нарушают эти принципы. И поскольку канадцы не могут защитить эти принципы в других инстанциях, то им приходится смириться.

Н.Н. Евченко: Право сильного?

А.Н. Олейник: Де-факто да. Но вы говорили о другом. Возможен ли другой механизм разрешения конфликтов? Для связи с предыдущей дискуссией можно сослаться на предложение Ясперса: нужен не суд победителей (т.е. США, ЕС, России и других государств по принципу Нюрнбергского суда над нацистской Германией), а суд, основанный на других принципах. Как может этот суд работать? Никто не знает. Как работает нынешняя ООН, все знают, там ведь тоже никакой демократии нет. Особенно с учетом права вето и т.д. Нужно стремиться к той модели, о которой в своем выступлении сказал Виктор Павлович, который цитирует, в свою очередь, Ясперса. Я думаю, это и будет ответом, в том числе и в отношении ВТО.

В.Ю. Попов: Антон Николаевич, история философии знает ещё одну работу, связанную с человечеством. Это «Человеческое, слишком человеческое» Ницше. Вы её учитывали при написании вашей статьи? Потому что у вас «человеческое» взято в кавычки. Напомню, что работа Ницше вызвала серьезную критику в свой адрес. В том числе она послужила основанием для ссоры с Вагнером, другими друзьями и соотечественниками Ницше. Среди прочего в этой работе Ницше утверждал, что человеческое в конечном счете отринет метафизику и сакральность тех норм, которые тогда господствовали. И оно может быть более глубоким основанием для построения каких-то других правил для общества. В связи с этим ещё вопрос. В сегодняшнем Западном мире существует толерантное отношение к гомосексуальности. Принято решение считать это нормальным, чтобы эта энергия не размывала социальные институты. А в России это выглядит как некий цинизм. В России считают, что гомосексуальность противоречит каким-то естественным вещам, в плане семьи, рождения детей. Прокомментируйте это.

А.Н. Олейник: По поводу Ницше. Этой его работы, к сожалению, я не читал. Поэтому не мог ее использовать при написании текста. Но Слотердаик как раз полемизирует с Ницше. И для него Ницше является крайней формой циника, который переходит в форму агрессивного циника. Поэтому Ницше был популярен среди нацистов, как бы для обоснования отрицания существующих формальных институтов. Не просто отрицания, а агрессивного отрицания. Но этой работы Ницше я не читал.

Г.В. Драч (разрумянившись): Этот вывод неправильный. Вы говорите о Ницше, а опираетесь при его оценке на других.

А.Н. Олейник: Для меня точкой отчета был Слотердаик. Если вы хотите спорить...

Г.В. Драч (багровея): Я не хочу спорить. Вы говорите вещи, непозволительные для историка философии...

В.П. Макаренко: Так. Опять пустозвонство.

В.Ю. Попов: Прошу не уходить в сторону, а просто ответить на вопрос об уточнении понятия «человеческое». Не более.

А.Н. Олейник: Я отвечу на вопрос ссылкой на Гумилева. По поводу поиска формы адекватной для отдельного общества, институциональной оболочки. Он говорит, что не любое общество имеет эту оболочку. Некоторые развивающиеся общества могут более активно её искать. Вы говорите об энергии, но это не мои термины. Я воспринимаю ваш вопрос в категориях Гумилева.

В.Ю. Попов: Но я к Гумилеву себя никак не отношу.

Т.А. Марченко: Ницше – интуитивист. А с позиций конструктивизма говорить об интуитивистских концепциях не стоит. Слов будет много, но толку не добавит. Переходить с этого уровня на другой уровень не надо.

В.П. Макаренко (с улыбкой): Когда на днях я проезжал на авто по набережной Дона, увидел настенный лозунг: «Кошки, любите друг друга»...

В.В. Вольчик: Какие социальные ценности должны быть, чтобы выростали нормальные демократические институты. Может, таких социальных ценностей просто нет и быть не может?

А.Н. Олейник: Вернусь к тому, что я пропустил сознательно – противоречие формальных и неформальных институтов в экономике. Если говорить не о централизованной и не о плановой экономике, а о той, которая существует официально и неофициально в России с 1991-го года. Принципы рынка всем хорошо известны. Но при этом всем известно, что российский и не только российский

ский рынок на Западе не работает. Принципы рынка в России только декларируются, но нигде не воспринимаются и не работают на уровне повседневности. Российский рынок основан на основе контроле входа. Это рынок, в котором нужно купить билет для входа на рынок. И через покупку этого билета ты получаешь право на некоторые привилегии. Ограничивается конкуренция. Ты получаешь большую прибыль, но взамен ты поддерживаешь тех, кто ограничивает вход на рынок, то есть представителей российского политического класса. Поэтому цинизм в экономике имеет ту же природу, если говорить в институциональных терминах, что и цинизм политический. Это рассогласование между повседневными практиками и формальными декларированными институтами. В Советском Союзе декларировалась плановая экономика, но при этом все знали, что есть блат, плановые согласования и так далее. А в России декларируется свободный рынок, но все знают, что он заканчивается первым курсом экономической теории. Потом начинаются реальные вещи, которые никакого отношения к свободному рынку не имеют. Поэтому экономисты такие же циники, как и политики и медики. Кстати, возвращаясь к Слотердайку: всем известно на уровне повседневности, что медики – это циники. Он объясняет это через тот же самый конфликт, о котором я говорил. Через разницу между декларируемыми и реальными нормами. В экономике такой же конфликт. Экономисты тоже циники.

А.В. Оболонский: Насчет правды-матки. Это один из фундаментальных вопросов. На Руси говорить правду-матку мог только юродивый. В китайской традиции тоже маргиналам разрешалось говорить правду перед лицом дворца. А в демократическом обществе они включены в процесс. Другой вопрос про тюремный мир. Ведь система понятий распространяется не на всех, а только на блатных. А в обыденном языке вообще подразумевается под понятиями менее жесткая система отношений.

А.Н. Олейник: Начну со второго вопроса. Понятия – это тоже правила игры, но не писанные. Есть разные понятия. Которые регулируют поведение блатных, блатных и мужиков, мужиков, блатных и опущенных. Там «конституция» ранжированная. Там правила игры есть, и есть желание их иметь. Это в классической тюремной системе. Я подчеркиваю – в классической системе, потому что сегодня она уже практически не существует. Сегодня в тюрьме размываются эти понятия и механизмы их воспроизводст-

ва. По поводу первого вопроса, я все-таки не соглашусь с вами. Сошлюсь в данном случае на Фуко. И на его описание Диогена, которого на самом деле никто не любил. Его не любил не только Александр Македонский, хоть и уважал, а население его не любило. Тут проблема в чем. Ведь он действительно ничего не написал. И это все на уровне легенд. И если верить этим легендам, то его любили как раз проститутки, бомжи, отбросы общества. Которые видели в нем...

В.П. Макаренко: Идеолога...

А.Н. Олейник: Да. А население как раз и было демократическим большинством. Диоген имел право голоса. Но при этом он говорил, что вы меня никогда не будете слушать. Вы будете слушать Сократа, который меня тоже не любит. Сократ его тоже не любил, потому что Диоген и Сократа высмеивал.

Г.В. Драч (возмущенно): Откуда вы это знаете? Вы говорите так четко и определенно, что историк философии, всю жизнь этим занимающийся, себе не позволил бы.

В.П. Макаренко. Гена, твое замечание свидетельствует, что книгу Петера Слотердайка «Критика цинического разума» ты не читал. Если бы прочел – твоего вопроса просто бы не возникло. Не отсюда ли вытекают твои постоянные кивки в сторону классиков? А ведь еще гоголевский герой призывал не ломать стулья...

А.Н. Олейник: Вы слышали оговорку, извините. Я перейду немножко на другой тон. Я специально сказал, что основываю свои заключения исключительно на легендах. И любой, кто говорит о Сократе, да и о Диогене, делает то же самое. Потому что письменных источников у него нет.

В.А. Шкуратов

**МЕЖДУ ТУЗЕМЦАМИ И ЭЛИТОЙ:
БАЛАНС ЭНДОГЕННОСТИ И ЭКЗОГЕННОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Предлагаемая статья отталкивается от концепта цинизма в редакции П. Слотердайка [см. Слотердаик, 2009], хотя и не использует его в качестве инструмента аналитической дескрипции отдельных сторон постсоветской реальности. Вместо того, чтобы предаваться морализующей критике политического режима, я пытаюсь определить позиции критики, а также её оппонента внутри их социокультурных контекстов. Именно: позиции автора «Критики цинического разума», российской интеллигенции и российской власти. Эти позиции дискурсивны, они возникают в усилиях по формированию и удержанию идентичности. Феноменологию сознания мне придётся оставить. Теоретические построения статьи имеют характер схем контекстуалистского плана. Первая схема возникла из размышлений над страницами «Критики цинического разума» и биографией Слотердайка. Две другие продолжают идеи о российской письменной ментальности, излагавшиеся в моих публикациях с начала 1990-х годов. В предлагаемой статье контекст российского политического сознания расширен до миросистемы. Полезная разработка Ф.Броделя и И. Валлерстайна привлекла моё внимание, поскольку преодолевает цивилизационный подход (который сам по себе есть проявление идентификации) и может служить метаязыком при его снятии. Бродель помещает Россию среди миров-экономик на периферии европейской системы, Валлерстайн наделяет приставкой «полу-».

Указанная промежуточность, видимо, и позволяет стране делать цивилизационную карьеру. Возникают вопросы, почему так долго и насколько ещё долго? Апелляция к бескрайним пространствам и трудностям их аккультурации до сих пор работает, однако имеется возможность извлечь объяснения из самой констатации «полу-». Измерение «внешнее-внутреннее» для периферийных переходных, догоняющих сообществ может считаться конституирующим. Его нельзя ограничивать географией, геополитикой, экономикой. «Внешнее-внутреннее» является характеристикой мирокартины, ментальным концептом. На эту квазипространственную горизонталь опирается иерархическая вертикаль власти, вдоль которой скользят соперничающие группы. Игра на поддержание горизонтальной мирокартины едва ли просто byproduct «реальной» промежуточности страны. Она её и удерживает от слияния с «центром». То, что в России игра ведётся долго, складывается в туры (циклы), позволяет говорить не только о политических технологиях, но также об устойчивых идентификационных штампах её элиты. Однако в уяснении идентификационных звеньев миросистемы макросоциальные построения Валлерстайна, к сожалению, не помогут. Короллариум к его глобалистике могла бы послужить концепция символического капитала П. Бурдьё. Счастливо уловленное Г. Дерлугьяном во время кавказских странствий соприкосновение мыслей американского и французского учёных, было, к тому же, в одном флаконе применено к советско-постсоветской истории [см. Дерлугьян, 2010]. Но я не могу сказать, что получил ответ о влиянии российской политической идентичности на миросохранность России.

Россия – страна, в которой конкуренция интеллигенции и бюрократической власти имеет давнюю историю и признаки возвратно-поступательного движения. Хотя отношения двух фракций образованного класса доходят до антагонизма, в длительной исторической протяженности общественно-политических циклов они поддерживают баланс эндогенности-экзогенности, от которого зависит идентичность промежуточной страны. Предположу, что этот баланс входит в условия выживания миросистемы. Поскольку мой тезис не может рассматриваться внутри дискурса указанных отношений, оттолкнувшись от случая, который числит себя после идеологий и просвещения, т.е. прибегну к помощи Слотердайка.

Веймарская Германия и постсоветская Россия

Постциническое кредо даёт ключ к сравнению критической рефлексии Запада с оппозиционным сознанием российской интеллигенции. Различия двух случаев стилистические, содержательные, целевые. Весёлая наука, которую Слотердайт предлагает потомкам воспитанника Тёрлеса, истерзанного чтением «Критики чистого разума», если и не есть замена глубоко почитаемого мучительного труда, то, во всяком случае, индульгенция тем, кто не сумел его осилить. Российская же образованная прослойка индульгенций не приемлет и настойчиво штудировать истины просветительства, дезавуированные Слотердайтком. Книга 1984 г. показывает читателю, как не отождествляться с идеями, лозунгами, доктринами, партиями, тогда как дискуссии российских гуманитариев отличаются квазирелигиозным накалом и распределяют их участников по идеологическим группировкам.

Тотальный критицизм выводит за рамки социально-политической лояльности. В России брюзжание по поводу «бардака» всегда массовое, но удила лояльности туго натянуты и анархическое «против всех» не поощряется. Для одних – к сожалению, а для других к счастью. В чём едва ли возникнут разногласия, так это в том, что денацифицированная Германия и постсоветская Россия – разные исторические случаи. В качестве аналогов наследницы СССР привычнее числить Веймарскую республику, которая не просто садок всех разновидностей цинизма, но и гремучая смесь противоборствующих лояльностей.

В 1984 г., в Западной Германии, «немецкая республика аферистов» – история, труп. Его Слотердайт реанимирует ради изучения цинизма. Он использует метод предельного эмоционального сближения, который называет микрологией. Я бы привлёк более привычный термин – вчувствование. Но вчувствование у Слотердайка особого рода – «страдание а priori» [цит. соч., с. 16].

Заканчивается исторический раздел «Критики цинического разума» эпилогом, иронически-садистским описанием плеврального шока, парафразом медицинского эпизода из «Волшебной горы» Т. Манна о том, как человека вскрыли и стали тыкать в него там тупым предметом – в то, что вообще недоступно для прикосновений. Вещь посильнее «Фауста» Гёте, поскольку Фауста всё-таки не вскрывали, а унесли вверх духи!

Философия жизни в лице Слотердайка с помощью Т. Манна доходит до своего рефлексивного антитезиса. Если её классика серьёзно излагала идеи о неизбежной мучительности первооснов

жизни, то добравшийся до финала цинизм разражается страдательной конвульсией тела и при этом изнемогающе хохочет. О..о..о..о.... – так вот в чём оказывается последняя истина. Больно, у..у..у..у... И в этом истина? Х-ха-ха..а..а...Вой, смешанный с хохотом. Боль есть очевидность, засвидетельствованная в гносеологическом суждении о несомненной своей ощутительности последней немецкой философией, уже обличившей все другие возможные подлинности.

И мы сможем изнемогающее похихотать, когда узнаем, что критика нашей идентичности – это ощущения при вскрытии её, т.е. нас. Но, скорее, примем синдром Антона Карловича Ферге, почтенного персонажа «Волшебной горы», за метафору. Слотердаик предусмотрительно берёт своим материалом веймарскую Германию. Во-первых, труп. Во-вторых, труп с хорошо задокументированной агонией. В-третьих, с превосходными рефлексивными описаниями этой агонии. В-четвертых, с хорошо известными последствиями защитного цинизма (ложного просветительства), подерживавшими агонию почти 15 лет.

Веймарская Германия – это фальшивая демократия, несостоявшаяся республика, ностальгирующая по монархическому прошлому, случай постимперской травмы, которую попытались лечить чумой. Состоянием «после империи» была и Третья французская республика, в первое десятилетие своего существования управлявшаяся монархистами. Она закончилась военной катастрофой и коллаборационистским режимом легитимистских расцветок. Кстати, подтверждается прискорбное для исторического оптимизма обстоятельство: свобода не наступает на следующий день после падения бастилий. Ту чехарду государственных режимов, которую открывает революция 1789-94 гг., едва ли можно подвести под единое социально-правовое обозначение. Во французской историко-политической лексике она выглядит так: Первая республика (1792-1799), Консульство и Первая империя (1799-1814/15), монархия Бурбонов (1814/1815 -1830), Июльская монархия (1830-1848), Вторая республика (1848-1852), Вторая империя (1852-1870), Третья республика (1870-1940), немецкая оккупация и режим Виши (1940-44), временный режим и Четвёртая республика (1944-1958), Пятая республика (с 1958). Путь от старого режима к новому, понимая под таковым стабильный демократический строй парламентского типа, и во Франции, и в какой-либо другой стране, увы, много длиннее, чем шаг от «тирании» к «свободе». На родине Декларации прав человека и гражд-

данина он занял 180 лет, если считать, что отпущенный этой стране запас революций и насильственных перемен был исчерпан к началу 1970-х гг.

Наш компаративистский интерес состоит в переборе и сравнении вариантов – какой наш: германский, веймарский или французский, Третьей республики? Но, разумеется, история всегда особенна. При том, что мы можем повторять некоторые типологические черты и общие этапы движения от т.н. старых режимов в современность, полного параллелизма нет, и в одну историю, как в одну реку, нельзя войти дважды.

Слотердаик даёт возможность ретроспективно взглянуть на нынешнее состояние России с рубежа, ею не достигнутого. Повторю: я использую эту возможность не для обличения цинизма её общества и политики, а чтобы сравнить западную критическую мысль в своём контексте с отечественной в своём. К счастью, наши контексты не так различны, как в романах братьев Стругацких о научных сотрудниках Института экспериментальной истории, работающих на планетах с отсталым общественным строем. Поэтому позиция Слотердайка не закрыта для нашего понимания. Но и перепрыгнуть из своего настоящего в чужое невозможно.

Идентичность или идентичность самости?

Немецкий философ представляется читателю как наследник той традиции Античности, которая давала отпор серьёзной учёности. С древнего кинизма «начинается сопротивление – борьба экзистенции, которую обучали пользоваться понятиями, против самонадежности понятий и против обучения, которое было чрезмерно раздуто и превращено в форму жизни» [Слотердаик, 2009, с. 768]. Диоген использовал телесность наподобие логического аргумента против общества, уже познавшего яд и сладость философских умствований. Слотердаик готов продолжить такого рода аргументацию, однако строить экзистенцию по заветам античного патрона он не спешит. Главки про высунутый язык, выпученные глаза, зады, гениталии и т.д. весьма краткие, и ведь это не руководство к действию (иначе профессору пришлось бы примкнуть к группе «Фемен»), а изюминка во вполне учёной книжной выпечке.

Слотердаик с почтением относится к носителям критической теории в XX в. – В. Беньямину и Т. Адорно. Однако не спешит присоединиться и к ним: слишком минорны, плаксивы, отрицательные переживания заслоняют позитивное начало. Терзания годятся для исторической вивисекции Веймарской республики, но

сегодняшний человек предпочитает наслаждаться. Компанию «израненной критики» Слотердаjk попоlняет фигурами Руссо, Шеллинга, Гейне, Маркса, Кьеркегора, Ницше, Шпенглера, Хайдеггера... В их ряды он тоже не хочет: «Я лишен амбициозного желания попасть в число страдальцев из этого достойного лазарета критических теорий. Настало время для новой критики темпераментов. Там, где просвещение выступает в роли «невеселой науки», оно невольно способствует меланхолическому оцепенению. Потому критика цинического разума, скорее, обещает быть трудом, приносящим веселье, причем с самого начала ясно, что она не столько труд, сколько отдохновение от него» [Цит. соч., с. 22-23].

Предложение широкой публике дать ей другую философию едва ли где-нибудь, кроме, разве, Германии, эту публику воодушевит. Вспомним, что Германия – страна всеобщего, по крайней мере, начального, философского образования, и что Кант, Шеллинг, Фихте, Гегель, Шопенгауэр для её уроженца – такие же хрестоматийные фигуры, как Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов для уроженца России. Родина Гуттенберга является сейчас одной из самых читающих стран в мире, отобрав пальму первенства у нашей страны. Массовая культура не может обойти такой ресурс, как национальная классика. Проект Слотердаjка, сознательно или не очень, питается вовлечением в медийное пространство традиции философского чтения.

По истечении тридцати с лишним лет после выхода в свет «Критики чистого разума» уместно напомнить об упомянутом обещании и задать ряд вопросов. Удалось ли Слотердаjку реализовать своё заманчивое предложение и сделать из невеселой старой критики веселую новую критику, которая не столько труд, сколько развлечение? Имеется ли в виду, если говорить на медийном жаргоне, инфотейнмент, т.е. соединение информации с шоу, или же наука в более собственном смысле? Как конфигурируются постцинизм и постнеоницшеанство Слотердаjка контекстом массовой культуры и как выглядит в этом контексте его идентичность? Первые два вопроса в значительной степени риторичны, и я сосредоточусь на последнем.

Что удалось Слотердаjку, так это завалить книжные магазины Германии своей продукцией (40 книг после 1984 г.!), заполнить телеэфир своими интервью и шоу, стать главным публичным философом страны. Последнее словосочетание не очень понятно, но, видимо, оно в родстве с титулом поп-звезды. Играя роль сво-

бодного «вненаходимого» киника, Слотердаик даёт пример пост-современного западного индивидуализма. Его цель - уклониться от любой идеологической позиции, но нельзя сказать, что он аполитичен, т.е. безразличен к общественной жизни. Наоборот. Человек Никто существует в активной демонстрации разных интеллектуальных трюков, с помощью которых он отвергает любую политическую данность. Хотя Слотердаик декларирует свою индивидуальность как телоцентрическую, правильнее будет назвать её эгоцентрической. Социокультурная среда, в которой действует сегодняшний наследник Диогена – не городская площадь, а информационно-развлекательное пространство. На него Слотердаик работает в качестве свободного журналиста до выхода своего бестселлера и в качестве ведущего интеллектуальных шоу и провокативной медиаперсоны после.

Графически изображу, как существует идентичность интеллектуального эгоцентрика в его социокультурной среде:

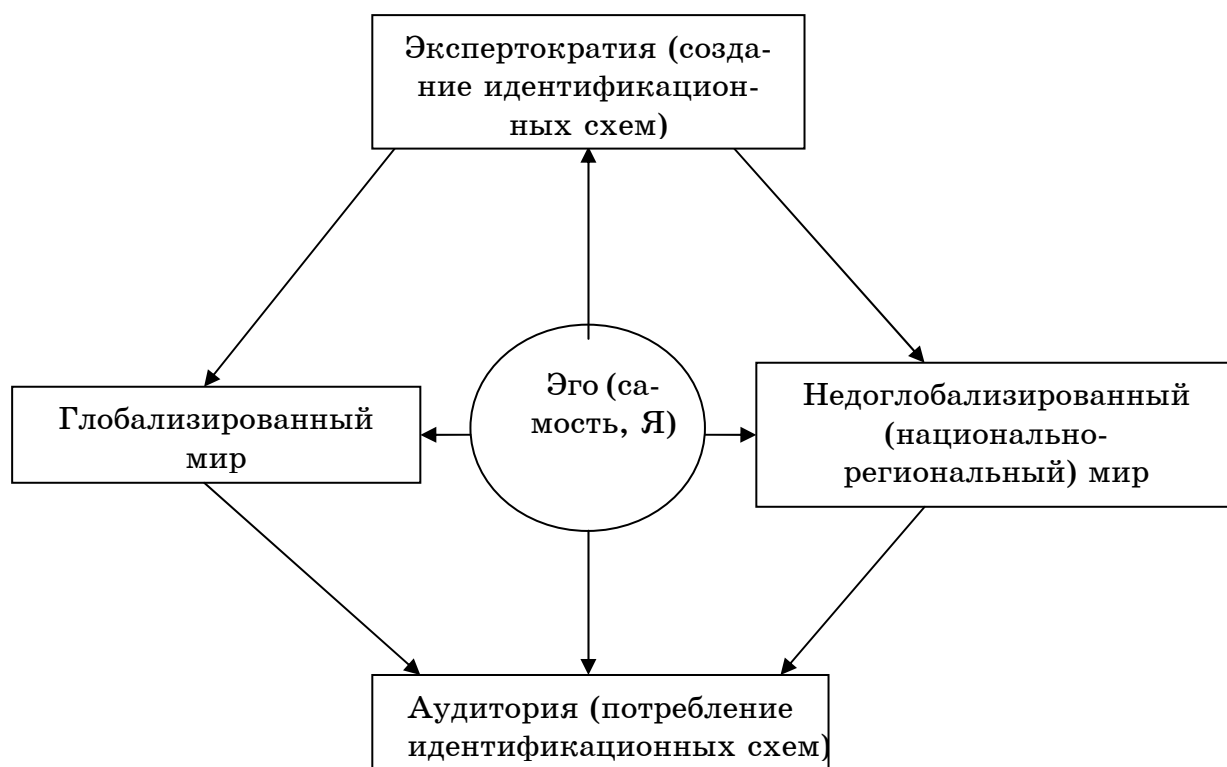

Схема 1

Горизонтальная ось показывает размах медийно-информационной популярности знаменитых особ. Предваряя схематизации отечественного материала, отмечу, что координата экзогенности-эндогенности в западном варианте не требует от национальной звезды больших усилий по адаптации к зарубежной аудитории.

Пространство массовой культуры сейчас столь обобщено и его стандарты столь унифицированы, что чемпионы спорта, поп-музыки, кино неизбежно становятся таковыми и за пределами своей страны. Относится это и к рынку интеллектуальной продукции. Пример Слотердайка тем более показателен, что немецкий философ как будто и не особо стремится выходить за пределы своего германоговорящего мира. Однако в глобализированном сообществе символический капитал так же транснационален, как финансовый. Из всех книг по философии, вышедших в Германии после Второй мировой войны, «Критика цинического разума» собрала самые большие тиражи. После этого она была переведена на более чем тридцать языков. По негласному рейтингу ВИП-интеллектуалов, Слотердаик сейчас философ №2 Германии после Хабермаса¹⁵⁶. По тому же негласному рейтингу, он – главный мировой постмодернист после смерти Ж. Бодрийера.

Экономика рейтингов, престижных шкал и других символических дериватов опирается на персонализированную мирокартину. Ведь оцениваются индивидуальные сущности: страны, компании, персоны. Центральное положение Эго в схеме означает легитимность индивидуальных проявлений в западной цивилизации, но также и то, что эти проявления в нашем случае являются товаром. Стрелки-лучи, идущие от светила коммодифицированного пространства в обе стороны, показывают, что капитализируются не только знания, открытия, идеи, мастерство, всякие достижения и таланты высокорейтинговой персоны. Её экстравагантность, непонятность, странные выходки равно идут в зачёт символически-престижного веса как проявления единственной самости.

Теперь обращусь к вертикальной оси. Она служит для изображения игр самости с налагаемыми на неё идентификационными схемами. Сделаю отступление, чтобы пояснить, каким образом представляю различие двух персонологических категорий, тем более, что в специальной литературе их соотношение рисуется весьма смутно. Между тем, уже само сложившееся словоупотребление даёт ключ к их разным значениям. Слово «идентичность»

¹⁵⁶ Образцово-дотошные серьёзные штудии Хабермаса – это как раз то, что, по Слотердаyku, надо отменить. Однако отношения между двумя светилами интеллектуального немецкого небосвода складывались неплохо до тех пор, пока очередная из провокаций Слотердайка не ударила в самое солнечное сплетение немецкой вины. Философ №2 призвал к селекции человеческого рода и философ №1 обвинил его в фашизме.

требует эпитета: психосоциальная, этническая, профессиональная, политическая и т.д. Самость же ни в каких уточнениях не нуждается и, более того, им противится.

Продвигаясь от феноменологического «я есть тот, кто я есть»¹⁵⁷ самости к её, самости, иному, мы оказываемся в охвате социума, который поручает присваивать звание самости культурным схемам идентификации. Эти схемы можно изобразить вложенными, концентрическими окружностями. Движение из центра начинается в онтогенезе от симбиоза плода и младенца с матерью. Затем человека вбирают в себя расширяющиеся круги семьи, сверстников, образовательных и профессиональных институтов, общества, цивилизации. Что касается историогенеза, то вообразим стоящий на острие цилиндр, который сложен из колец: маленькие кровнородственные группки внизу, выше – семейные и территориальные общины, племена, государства, союзы государств, планетарная общность человечества. Предположу, что эти круги есть: а) конструкты «семья», «община», «племя», «государство» и т.д., а не просто семья, община, племя, государство и т.д. как таковые и б) идентификационные схемы, убеждающие нас отказаться от физической изолированности, подозрительности, аналитизма по отношению к указанным «мы» нашего Я и принять их просто, как таковые.

Идентичности составлены разными идентификационными схемами и, собственно, состоят из них. Цель идентификации – групповая солидарность. Разные группы конкурируют за самость. Они привлекают Эго (самость, Я) в качестве маркера социализации, который присваивает индивида определённому «мы» через стирание зазора между идентичностью и самостью. Такие состояния идентификации, когда целокупность человека охвачена схемой как будто без остатка, особенно ценятся. В них вера подменяется религией, знание наукой, воображение искусством. Схематизмы конкурируют между собой как якобы самости («подлинные» определения «человеческой сущности»). Однако зазор не снимается. Конкурирующих идентификационных кругов много, да и личность способна сбрасывать надеваемые на неё этикетки. Первый случай предоставит возможность поговорить о России,

¹⁵⁷ Первоначально – это самоопределение Бога. Так он отвечает на мольбу Иосифа назваться в книге «Исход» Библии.

определяющей себя через выбор разных предложений, второй – продолжить обсуждение западного эгоцентризма.

Определить принадлежность Слотердайка и подобных ему персон к правильному политическому спектру, идеологии, философскому методу, научной дисциплине и т.д. затруднительно. Даже казалось бы очевидный постмодернизм его под сомнением и наводит на мысль о некоем «игривом (jovial) модернизме [см. Van Tuinen, 2007]. Когда мэтр вроде бы серьёзно принялся за *opus magnum* фундаментально философского плана, то выбрал предметом пузыри, глобусы и пену [см. Слотердаик, 2005-10].

В качестве субъекта и подлинного Эго Слотердаик указывает тело. Он, как и Диоген, предлагает возлагать ответственность на естество. Но с естества взятки гладки. Тело, как известно, само по себе не обладает правоспособностью, не ведёт дебаты, не выступает с лекциями и т.д. Ему нужны интерпретаторы. Интерпретаторы творчества маститого автора, его исследователи и знатоки, выступают и как эксперты по его личности, особенно когда она столь хитроумно адресует их к сомне. На схеме они значатся под именем экспертократии, т.к. обладают приоритетом, напоминающим власть, в создании схем, идентифицирующих исключительное Я. Этими схемами пользуется аудитория, которая делает себя под своих кумиров. Она потенциально совпадает с народонаселением, охваченным каналами массовой трансляции. ВИП – мыслитель зависим от экспертократии в том, что касается обработки и трансляции его Я, истолкования его мыследвижений для массового потребления. В то же время он отвергает идентификацию себя с конкретными «мы». В таком отождествлении он ощущает угрозу своей самости, которая – его ресурс в функционировании на рынке символического капитала. Правила игры состоят в том, что одна сторона истолковывает, а другая разрушает эти истолкования движениями своей непредсказуемой персоны. Слотердаик усматривает источник спонтанности в теле. С этим трудно согласиться, поскольку на интеллектуальный рынок поступают не соматические жесты, а новые слова, идеи, метафоры, мыслеобразы. Прямое обращение к «народу» затруднено, т.к. последний является аудиторией. Потребитель получает информацию через транснациональную и национальную сеть масс-медиа. Тёмные слова и речения интеллектуального гуру расходятся по б.ч. в форме реплик, афоризмов, сентенций, аннотаций, облегчённых изложений, подготовленных экспертами, и в гораздо меньшей степени от изу-

чения его оригинальной продукции. В контуре символической экономики Эго ВВП-мыслителя играет роль сырья для восходящих циклов знаниево-информационной разработки, начиная от первичной текстовидеографии и кончая «хайтеком» статей, диссертаций, монографий. При размывании дисциплинарных границ науки гуманитарии и обществоведы группируются уже не только и не столько как философы, социологи, политологи и т.д., сколько как специалисты по Хайдеггеру, Фуко, Дерриде, Лакану, французскому структурализму, американскому прагматизму и т.д. Указанная тенденция, очевидно, работает в сцепке с эгоцентрированностью медиаполя, построенного как констелляции музыкальных, спортивных, политических, интеллектуальных и других звёзд. Вне экономического контура star пребывает закрытой индивидуальностью, оставаясь как таковая опорой системы.

Сам жаргон массовой культуры постоянно выводит и на другую, астрономическую, а не сырьевую метафору. Избранные само-сти составляют звёздные центры своих систем. Находящиеся в поле их тяготения фанаты взирают на своё солнце сквозь линзы идентификаций. Переход от замкнутого одноцентричного мира к Вселенной из бесконечного множества светил, следовательно, происходит и в социокультурном космосе. Однако нельзя сказать, что в гуманитарном регистре птолемея система мира уже везде заменена коперниканской и релятивистской. Неполная секуляризация мировоззрения, меры против разбегание идеологий и по удерживанию их вокруг Авторитета, монополизация каналов символического обмена и ресурсов для высокорейтинговой жизни – всё это возвращает нас к случаям, переходным от закрытого, централизованного мира к плюралистическому космосу множества Я's. Приходится объединять астрономию с экономикой, ведь Россия закупает прогрессивные идеи и технологии, чтобы поддерживать свой социокосмос в докоперниканском состоянии.

Слотердаjk в России и наша идентичность

Отсутствие сродства между весёлой наукой Слотердайка и серьёзными мыслями российской интеллигенции было подтверждено чем-то вроде очной ставки. Приехавшая по культурной программе дней Германии в России знаменитость выступила в Петербургском университете перед аудиторией в 400 человек 19 апреля 2013 г. с лекцией «Непрерывный Ренессанс». 65-минутный доклад, прочитанный на немецком языке с листа, судя по отчё-

там, сначала воспринимался с напряжением, а затем просто вежливо. Проводившая социологический мониторинг и экспресс-опрос аудитории группа констатировала, что «по мнению некоторых слушателей, с которыми мы, по окончании выступления, вступали в короткие диалоги, лекция была затянутой. Интерес аудитории стал угасать примерно с последней трети выступления. Показательно, что раньше окончания выступления заезжей звезды ушло порядка двадцати слушателей» [Семенков и др., 2013].

Лектор предлагал аудитории находить удовольствие в жизни во время эпидемии чумы. Непонятно, намекал ли он на Россию – речь шла о «Декамероне». Вопросы из аудитории не предполагались. Содокладчик Ф.И. Гиренок объяснил залу, что мышление Слотердайка клиповое, играет метафорами. Подобная стилистика лидеру нашего археоанвангарда должна была импонировать, однако «вечный Ренессанс» ему не понравился. Два других содокладчика высказали свои сомнения: «Доцент А.К. Секацкий убеждён, что всякое знание лишь умножает цинизм.... Если судьба цинического разума состоит в том, чтобы быть сметённым новой наивностью, то как к этому следует отнестись: как к желанному варианту или неизбежному? Или как к некоторому основанию для печали, ибо понятно, что вслед за обновлением бытия почти автоматически с неизбежностью погибнут все достижения разума, которые совершенно не будут и не могут быть востребованы поколением новых юных совершенно не циничных людей. Профессор Александр Перцев, который переводил на русский популярную "Критику цинического разума" Слотердайка, заявил, что из доклада философа сложно извлечь что-то нужное и полезное для современности, поскольку в наши дни проблема человечества заключается вовсе не в страшных эпидемиях, а в том, что "счастье" подменили "успехом"» [Кофырин, 2013].

Реплики отчётов указывают на иную, чем в рассмотренной выше схеме, аудиторию. Дело даже не в том, что публика плохо подготовлена к восприятию заезжей звезды, а в том, что в обход слотердайковской весёлой науки, она нацелена на серьёзные вопросы. Перейду теперь от впечатлений встречи к типологии идентичностей.

Коллективное критическое сознание в нашей стране имеет социальное тело, именуемое интеллигенцией. Исходно и по существу интеллигенты – это читатели. Они и пишут, но в отношении к высокой литературе остаются, скорее, пользователями, чем твор-

цами. Читатель, участник кружка для обсуждения прочитанного, распространитель изданий определённого рода, публицист, организатор публикаций, адепт и пропагандист всяких «измов» – таков генезис и социальное предназначение интеллигента. Высокая литература, философия своими средствами открывают первичные формы существования Я в мире и потому эгоцентричны. Интеллигенция разделяется на группы в соответствии с кругами избранного чтения¹⁵⁸ и потому мы-центрична. При этом эксцентриситет единичного мыслительного или художественного мира она скругляет в узнаваемые клише для идентификации конкурирующих идейных лагерей.

Следуя за Б. Андерсоном [см. Андерсон, 2001] можно отнести интеллигенцию к воображаемым сообществам; я применял обозначения «скриптогруппа», «скрипосообщество», «скриптокласс» [см. Шкуратов, 2005, 2009], чтобы подчеркнуть её прикрепленность к письменной цивилизации. Скриптогруппы получают воображаемое единство (идентичность), противопоставляясь как скриптокласс носителю альтернативного социального проекта. В дореволюционной Европе Нового времени этот проект называется просвещением народа, его легитимный носитель – правящая бюрократия, другой скриптокласс письменной цивилизации. Критическая прослойка общества возникает в интерференции культуры и политики. Не будучи создательницей оригинальных философских, научных, художественных произведений, интеллигенция находит себя в публичном менеджменте идей и открытий. Упор делается на свободе мнений для решения социальных проблем. Идеологизируя сферу вольной словесности, интеллигенция пред-

¹⁵⁸ Чтобы не быть голословным, приведу пассаж из статьи Д.И. Писарева (1861), в котором критик фактически отождествляет интеллигенцию даже и не с читателем вообще, а с читателем толстых литературных журналов: «Развитие русской журналистики с каждым годом становится шире; возникают новые журналы и в короткое время приобретают себе значительный круг читателей; между тем старые журналы продолжают своё существование, и число их подписчиков несколько не уменьшается. Периодические издания расходятся по всем концам России, и идеи, выработанные в тиши кабинета, за письменным столом, становятся достоянием целой обширной страны, становятся почти единственною умственною пищею для нескольких десятков тысяч человек» [Писарев, 1, 1955, с. 97]. Писарев понимает, что журнальное поветрие возникло в России не от хорошей жизни, а по убогости. Больше читать нечего, да и публика такова, что больше ничего читать и не будет: »Большинство публики читает одни журналы, это факт, в котором мог наглядно убедиться всякий, кто жил в провинции и бывал в обществе какого-нибудь уездного города. Один экземпляр «Современника» или «Русского вестника» читается целым городом, переходит из рук в руки и возвращается обыкновенно к владельцу в самом жалком, истрёпанном виде... При этом некоторые отделы остаются совершенно не тронутыми и даже не разрезанными....» [там же].

ставляет последнюю как собственный проект национального развития. Опираясь на литературу *per se*, класс читателей сооружает для себя контекст в виде тройственной мирокартины с политическим уклоном. Прибегну опять к графическому изображению. Новую схему уместно назвать интеллигентоцентрической:

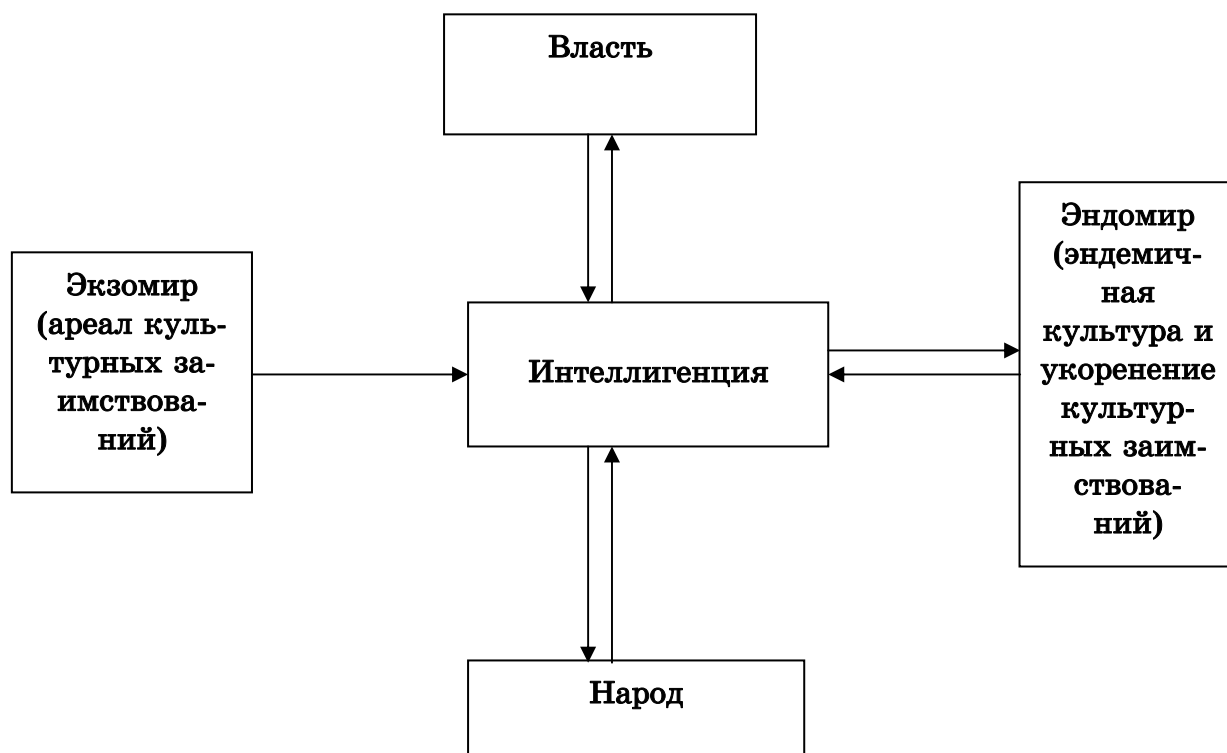

Схема 2

Если схема 1 трансцендирует Эго (самость) в отношении к социальности, то схема 2 социетальна – Эго (самости) в ней нет. В том, что расположено по вертикали, легко узнать вариант трёхфункциональной модели мира, обнаруженной Ж. Дюмезилем [см. Dumezil, 1968] у индоевропейских народов. В средневековой Европе она модифицировалась в трёхсословный порядок, составляющие которого (воины, священнослужители и труженики) Ж. Дюби назвал дискурсивными полемическими формациями [см. Duby, 1978]. Обобщающая этот порядок трёхфункциональная модель есть структура с идеологом («полемическая формация», «дискурсивная практика»), которая сама себя обосновывает. А.Я. Гуревич предполагает, что «как правило, эта классификация общества предпринималась не с осознанной целью набросать картину классов, сословий, «орденов» (*ordines*), состояний – она, ско-

рее, произвольно возникала под пером того или иного автора, когда он пускался в резонёрство» [Гуревич, 1981, с. 247]. Уточню, что в тернарной структуре в центре помещается духовенство, это его образ мира, и что автор, как правило, анонимный, совсем не стремящийся выпятить своё Я, а смыкающийся со своим сословием.

Российская интеллигенция как подобие секулярного жречества также приобрела определённые черты сословия. По мнению некоторых авторов [Леонтович, 1980, Миронов, 2000], сословный строй в нашей стране сравнительно с Западом формируется очень запоздало, в XVIII–XIX вв. Моё предположение состоит в том, что на фоне этой поздней институциональной трёхсословности идёт разворачивание альтернативной просвещенческой триады «власть-интеллигенция-народ». В моём первом применении структурной схемы к отечественному материалу я полагал, что в западном средневековом варианте тернарной модели идеолог обосновывает своё социальное устройство, в то время как в российском – своё сознание [см. Шкуратов, 1990]. Затем я пришёл к мнению, что в периоды явных размежеваний просвещенческой элиты (пореформенная Россия, перестройка и первое постсоветское десятилетие) этот схематизм оказывает заметное влияние на конфигурацию политических сил и ход событий в стране [см. Шкуратов, 2005, 2006].

Разумеется, между формулой европейского феодализма и миркартиной российской интеллигенции есть не только сходство, но и различия. Всё-таки христианское духовенство средневековой Европы и по статусу, и по самовосприятию было сословием номер один и помещалось на верху феодального мироустройства. Являясь книжным, письменным, оно обладало реальными благами и привилегиями. Его положение нельзя назвать временным, нестабильным.

Совсем иначе ощущает себя интеллигенция. Она – «между» и вся в характеристиках промежуточности, переходности, проточности, условности. Ведь интеллигенция – это несостоявшееся духовное сословие России, равно как и несостоявшаяся часть среднего класса её современного общества. Состояться в качестве духовного сословия она не могла потому, что в XIX–XX вв. время сословий миновало. А дать начало средним и средне-высшим стратам современного общества она также не в состоянии, поскольку современного стратифицированного общества в России XX в. не возникло. Впрочем, в России указанное фантомное об-

разование задержалось более чем на полтора века и, наверное, внесло вклад в устойчивую неустойчивость страны. Отвечать по счетам истории интеллигенция должна вместе с напарницей по просветительскому тандему – бюрократической властью. Однако вместе с ними к разбору надо привлечь и географически-геополитический фактор.

Если вертикальная ось схемы выглядит как разновидность индоевропейского универсализма, то горизонталь в большей степени указывает на специфику страны. Россия расположена между старыми историческими цивилизациями. Её размеры затрудняют культурную ассимиляцию соседями, а та же география мешает превращению в гомогенный социокультурный организм. Качество промежуточности, спроецированное на горизонталь, остаётся всё той же зависимостью класса культурных потребителей от первоисточников художественно-мыслительного опыта. Гегель, Шопенгауэр, Прудон, Маркс, Гюго, Бальзак, Жорж Занд, Диккенс, Ибсен, Метерлинк, Хемингуэй, Камю, Кафка, Ремарк, Сартр, Маркес приобретают у российской интеллигенции популярность, сравнимую с той, которой они пользуются у себя на родине, а иногда и превосходящую таковую. Бывает, (особенно в советские времена) это знакомство понаслышке, из вторых и третьих рук. Плохая проницаемость государственных границ создаёт знанию из экзотического мира ореол сокровенности, а интеллигенции жреческий (иногда и мученический) престиж его толковательницы и распространительницы.

Итак, интеллигенция находится на пересечении горизонтального отношения экзогенности-эндогенности и вертикального – между правящей верхушкой и управляемой массой, как инстанция заимствования и осмысления иноземного культурного опыта и как посредница между властью и народом. Эти две функции развиваются параллельно. Связи интеллигенции по вертикали двусторонние, как и по горизонтали с её эндомиром (автохтонной эндемичной культурой, «почвой»). Интеллигенция то часть и обслуга власти, то её конкурент. Она то ходатайствует за народ перед сильными мира сего, то поднимает против них. Интеллигенция то пересаживает в «почву» иноземные инновации, то пытается раствориться в родной земле. Связи же с экзомиром я пометил одной стрелкой, как односторонние. «Оттуда» заимствуется больше, чем передаётся туда. Этот дисбаланс вызван «догоняющим» характером российской модернизации и читательской вторично-

стью интеллигенции. К тому же, канал внешних связей традиционно находится под контролем власти.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдьё на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М., 2010.

Кофырин Н. Петер Слотердаик, доклад в Петербурге// [philosophy.ru.livejournal.com 204044.html](http://philosophy.ru.livejournal.com/204044.html).

Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914). Париж, 1980.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII- начало XX в.). Т. 1. СПб., 2000.

Писарев Д.И. Схоластика XIX века//Сочинения в четырёх томах. Т. 1, М., 1955.

Семенов В., Грибова О, Ходырева М. Как социологи на лекцию Слотердайка ходили // Журнальный клуб Интелрос » Credo New » №3, 2013// www.intelros.ru.

Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург – М., 2009.

Слотердаик П. Сферы. Т. 1-3, СПб., 2005—2010.

Шкуратов В.А. Интеллигенция между организацией и самоопределением // Организационно-управленческая психология. Проблемы и перспективы (материалы конференции). Ростов-на-Дону, РГУ, 1990.

Шкуратов В.А. Интеллигенция в проекте современности //Логос, 2005, 6.

Шкуратов В.А. Искусство экономной смерти. (Сотворение видеомира). Ростов-на-Дону. 2006.

Шкуратов В.А. Похороны и торжества (к скриптополитике и скрипторелигии русской интеллигенции)//Политическая концептология, 2009, №4.

Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du feodalisme. Paris, 1978.

Dumezil G. Mythe et йропйе. Paris, 1968. Vol. 1.

Van Tuinen S. Critique Beyond Resentment: An Introduction to Peter Sloterdijk's Jovial Modernity // Cultural Politics, 2007, Volume 3, Number 3.

Вопросы

И.А. Иванников: Мы еще не осознали все, что сейчас было сказано, и тем не менее: Россия – это Евро-азия или Европейское государство?

В.А. Шкуратов: Так просто не ответишь на этот вопрос. С моей точки зрения новая Россия начинается примерно с 1600 года, в тот момент, когда она сформировалась в двух своих частях – Европейской и Азиатской, которая включала Сибирь. Но в этот момент вектор развития России был европейским, то-есть континентальным. Кстати, об этом пишет Вернадский Георгий Владимирович: Россия и США – континентальные державы и формируются в одно время. Примерно на рубеже XV1-XV11 веков начинается осваивание колоний в Северной Америке и движение русских к Тихому океану. Ермак поклонился Сибирью Ивану Грозному.

В.П. Макаренко: Но Сибирь ведь тогда означала только примерно нынешнюю Тюменскую область.

В.А. Шкуратов: Я предпочитаю говорить, что это еще Европа. Что развивается европейский вариант, европейская возможность развития. А южный степной вектор появляется как дополнительный механизм отношения со старыми земледельческими цивилизациями и другими религиями, которые моделируются по типу отношений с Золотой ордой. В это время и появляется азиатская имперская довеска. Империя начинает расширяться к Югу, в сторону южных хребтов. Мне кажется, когда Россия испытывает сильные удары, то она постоянно возвращается к Европейскому варианту развития, но затем опять отклоняется. Потому что у элиты есть возможность не осваивать, а прикупать идентичность. Ресурсов очень много. Они избавляют от необходимости прорабатывать идентичность.

Кстати, об этом же писал Бжезинский. Он сначала писал в стратегическом плане: самое главное для США – это Евразийский проект. В то время на месте СССР появилась черная дыра. Неясно было, что с ней будет. Вот и с моей точки зрения, евразийство – это некое южное движение государства, обусловленное его географическими конфигурациями. Россия занимает некоторую геополитическую нишу. А где её ниша? На юге, до южных хребтов. На Востоке – это океан, на Севере – океан. Следовательно, Россия является евразийской державой в той степени, в которой элита отвергает существо восприятия европейских ценностей. Они много-

слойны. Но пропуском в эти ценности в настоящее время является принятие западной системы власти. Элита этого не хочет.

И.А. Иванников: Раз вы вспомнили Бжезинского, то до украинских событий в 2013 году в одной из его книг он сказал: границы Европейского союза закончатся рядом с Южной Кореей и Японией. Сначала вступает Украина, потом Белоруссия, и по частям Россия. Как вы думаете, насколько реалистичен этот проект в свете современных тенденций?

В.А. Шкуратов: Бжезинский не меняет свои взгляды. Сейчас он выступает даже за федерализацию Украины. Но он стратег и политик, то-есть, мыслит так, что надо будет что-то делать с российской элитой. То ли договариваться, то ли применять к ней другие приемы. Но в любом случае для Бжезинского стратегическая цель США – это управление миром. Потому что для Бжезинского США есть единственная мировая держава. Почему? Потому что Соединённые Штаты имеют опыт континентальной цивилизации. Они прошли от океана к океану, как и Россия. В то же время они восприняли от Европы опыт океанической цивилизации. Они унаследовали от колониальных империй: Португалии, Испании, Италии, Франции, Нидерландов и сам опыт глобального охвата – во все концы, по всему земному шару. Поэтому Соединённые Штаты являются единственными наследниками двух типов освоения пространства – морского и сухопутного. Россия в этом отношении ограничена. У неё только континентальный опыт. Поэтому с точки зрения Бжезинского её шансы малы. Эта его книга была написана в 1997 году. Я не знаю, изменил ли Бжезинский кардинально свои взгляды. По-моему, нет. А у Киссинджера другая геополитическая концепция – консенсуса разных сил. Это даже странно, поскольку Бжезинский был советником демократа, а Киссинджер – республиканца Никсона.

Г.В. Драч: Спасибо за интереснейший доклад. Ваша модель уже нашла применение при вопросах и ответах. В ней меня привлекает центр. Не превращается ли он при обсуждении проблемы цинизма в слепое пятно? Что все эти понятия представляют для вас: Восток, Запад, формы, конституирование элит, передачи власти, агональные приёмы для Запада? Что вы бы охарактеризовали как центр в развитии обсуждаемых идей?

В.А. Шкуратов: Цели бывают разные. Как говорит герой пьесы Маяковского «Баня»: «Цели бывают разных луёв». Речь идет о целях кратко-, средне- и долгосрочных. С моей точки зрения им-

плицитной целью человечества является его единство, та или иная форма глобализации. От этого никуда не уйти. Другое дело, как оно к ней будет подходить и каким вектором идти. Я думаю, что существует американо-евразийский вектор, который будет собирать государства европейского корня. И тогда Россия должна примыкать к Европе и Америке и быть естественным мостом. Но возможны отклонения по меридиану, которые будут требовать вступать в альянсы с исламскими государствами, восточными государствами, Китаем. Вот здесь обсуждались проблемы геополитики. Я не геополитик, но занимаюсь психолого-исторической культурологией. Мне кажется, будет иметь место конфликт между этими трендами. Формирование общечеловеческого единства займет много времени. С моей точки зрения совершенно естественным для России является тесное сближение с родственными нам европейскими народами. Они родственны нам по языку, ментальности, культуре, историческим связям, а восточные народы все-таки нам не подходят. Я бы сказал, что европейский путь является наиболее логичным для России, и с точки зрения дальних перспектив политически наиболее выигрышным. Препятствием к нему является наличие некой миросистемы под названием Россия. Эта миросистема себя сохраняет, несмотря на некоторые моменты полураспада. В этих моментах Россия всегда возвращается к некоторому европейскому варианту развития, но почему-то всегда от него уходит. Потому что её элита привыкла идентифицироваться, прикупая, а не усваивая свою идентичность.

А.В. Лубский

ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ

Сегодня много говорят о политическом цинизме не только «верхов» (власти), но и «низов» (массы). Об этом свидетельствуют, в частности, доклады на Всероссийской научной конференции «Политический цинизм: концепт и постсоветская реальность» (Ростов-на-Дону, 27–28 марта 2015 г.), сделанные Л.Д. Гудковым «От двоемыслия к цинизму: общественная цена стратегии понижающей адаптации (по материалам исследований Левада-центра)», А.Н. Олейником «Конфликт формальных институтов и "человеческого" как источник политического цинизма», А.В. Оболонским «Политический цинизм: концепт и российская реальность», С.А.Денисовым «Политико-правовой нигилизм и цинизм административного класса современной России».

Вместе с тем в эпоху постмодерна, или позднего модерна, цинизм, как отмечают исследователи, стал диффузным, повсеместно проникающим и универсальным явлением, захватывающим ключевые позиции во всех сферах общественной жизни [Слотердаик 2009; 30–32]. Не обошел цинизм стороной и интеллектуальное пространство, став постоянным спутником интеллектуальных дискурсов, посвященных политической повестке дня. В связи с этим особый интерес вызывает политический цинизм не только «верхов» и «низов», но и публичных интеллектуалов, позиционирующих свою автономность по отношению к власти и массам.

В дискурсивных практиках термин «интеллектуалы» имеет множество определений и наполняется различными коннотациями не только позитивного, но и негативного характера [Голиченко

2004; 42–61; Фадеева 2012; 108–138; Posner 2002; Etzioni, Bowditch 2006]. Достаточно вспомнить названия таких книг, как «Позор и слава интеллектуалов» (П. Виерек) [Wierek 1957] «Предательство интеллектуалов» (Ж. Бенда) [Бенда 2009], «Опиум интеллектуалов» (Р. Арон) [Aron 1957], «Могила интеллектуалов» (Ф. Лиотар) [Lyotard 1993]. Поэтому одни ученые называют интеллектуалами особую группу людей, обладающую общим самосознанием и чувством превосходства, отчужденности и обособленности [Neuack 1982], и предназначение интеллектуалов видят в «разрушении старых стереотипов и ограниченных категорий, которые стесняют человеческую мысль и общение» [Said 1994; 4]. Для других исследователей интеллектуалы – это профессиональные дилетанты, которые берутся рассуждать обо всем, поскольку они ничего не понимают [Schumpeter 1942]. В связи с этим одни считают интеллектуалов цветом нации, другие характеризуют их как людей опасных, не полезных для общества, своего рода социальных «паразитов».

На представления об интеллектуалах влияют также национальные культурно-политические традиции. Так, английский ученый Н. Аннан, автор теории «интеллектуальной аристократии», выделял такие ее особенности, как предпочтение стабильности, склонность к постепенным социальным преобразованиям, убеждение в необходимости честных методов в политике, сильный моральный импульс, дистанцирование от аристократии или плутократии, умение найти свое место в обществе [Annan 1955]. Б. Рассел отмечал, что интеллектуалы – это люди, «обладающие мужеством отвергать подчинение, не стремясь к господству» [Russel 1957; 19]. Французский ученый Р. Арон считал, что интеллектуалы – это люди идей и науки, это те, чье призвание «формировать общественные идеалы и пути их достижения». В результате во французской традиции сложилось представление о «диктатуре интеллектуалов», направляющих общественное мнение страны [Арон 2005; 187]. Поэтому в научной литературе противопоставляются французские интеллектуалы, критически мыслящие, нонконформистские и противостоящие политической элите, и английские интеллектуалы – некритические, конформистские, лояльные по отношению к политической элите. В связи с этим в рамках французской традиции английские интеллектуалы – это не вполне или совсем не интеллектуалы.

Американский ученый Э. Шилз рассматривал интеллектуалов как представителей гомогенного класса, закрытого «для центров политической и социальной власти» [Shils 1970]. Другие американские исследователи подчеркивали, что интеллектуалы вследствие увлеченности творчеством, а также склонности к отказу от устоявшегося и традиционного бросают «вызов тому, что принимается и разделяется обществом в широком смысле» [Lipset 1972; 164].

В дискурсивных практиках «популярны размышления о том, что современные интеллектуалы уступают своим предшественникам по моральным качествам, талантам и общественным способностям». В частности, Ж. Бенда, как отмечают исследователи, заложил «традицию упреков» в адрес интеллектуалов за увлечение идеологией. С.М. Липсет высказывает опасения, что интеллектуалы могут стать апологетами режима. Э. Шилз указывает на то, что интеллектуалам независимо от политических ориентаций не удастся дистанцироваться от традиций или национальности: «ни консервативным интеллектуалам, сожалеющим о разрушении старого порядка, ни либеральным интеллектуалам, мечтавшим о свободном духом и политически человечестве». Ю. Хабермас, характеризуя миссию интеллектуалов в обществе, подчеркивает, что в прошлом интеллектуалы были обязаны различать «влияние» и «власть» и не употреблять то влияние, которого они добивались с помощью слов, в качестве средства для обретения власти. «Их делом было – не забывая о том, что и они могут ошибаться, – смело выдвигать нормативные мнения и с фантазией рисовать интересные перспективы» [Фадеева 2012].

Ю. Хабермас предложил идеальный тип интеллектуала: интеллектуал – это тот, кто, во-первых, способен первым почувствовать нечто важное и начинает волноваться по поводу определенных общественных тенденций «уже в тот момент, когда остальные еще как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами», во-вторых, выдвигает плодотворные идеи и расширяет спектр релевантных аргументов, чтобы повысить уровень дискуссий в обществе. Вместе с тем Ю. Хабермас подчеркивает, что «интеллектуалы, оказывающие с помощью риторически заостренных аргументов влияние на общественное мнение, нуждаются в общественности – бодрствующей, информированной, способной на отклик». В связи с этим он выделяет такие факторы, необходимые для формирования интеллектуалов в качестве особой социально зна-

чимой группы, как наличие общественности (публики) и правового поля (пространства свободы), в котором можно высказываться и получать отклик, а также возможность возражать властям и мобилизовывать массы [Хабермас 2006].

Публичное пространство, являясь местом политического бытия интеллектуалов, создает возможность для выражения ими определенных точек зрения на общество и происходящие в нем процессы. Публичное пространство, доступное всеобщему обозрению, выполняет, как отмечают исследователи, особую социальную функцию, поскольку здесь различные социальные группы неизбежно вступают в открытый коммуникативный контакт [Сеннет 2003; 24–25]. «Публичная сфера, в которой интеллектуалы плавали как рыбы в воде, стала, – как отмечает Ю. Хабермас, – более всеохватной, а общественный диалог – более интенсивным, чем когда-либо прежде». Вместе с тем он опасается, что «публичная сфера стала менее формализованной, а существующие в ней социальные роли – менее дифференцированными. Перед камерами в студии, где восхитительная ведущая собирает для разговора политиков, экспертов и журналистов, нет вакантного места, которое должен был бы занять интеллектуал. Нельзя сказать, что его там не хватает, ведь другие уже давно исполняют его роль, и даже лучше, чем он сам» [Хабермас 2006]. Более того, многие исследователи обращают внимание на то, что публичное пространство, понимаемое как универсальное и открытое для рационального обсуждения взглядов всеми гражданами, в настоящее время замещается пространством эстетической саморепрезентации, в котором «публичный человек» выступает скорее в роли зрителя, но не активного участника, а функции агоры перешли к парламенту и масс-медиа [Усманова 2005; Lippman 1927; The Phantom 1993].

Вместе с тем публичное пространство продолжает оставаться полем символической борьбы, в котором основным оружием интеллектуалов остается публичное слово. В этом пространстве «слова, – как отмечает П. Бурдье, – начинают жить публичной жизнью, то есть открыто, официально, когда они заставляют видеть или предвидеть вещи, существовавшие до этого в неявном, спутанном и даже вытесненном состоянии» [Бурдье 1994; 221].

Актуализация публичного пространства происходит в условиях кризисов, переломных моментов, когда общество нуждается в новых ориентирах. В таких условиях наблюдается всплеск дискуссий о публичных интеллектуалах, сопряженных с активизаци-

ей их критических функций, направленных на поиск новых ориентиров общественного развития. Эти ориентиры интеллектуалы вырабатывают в значительной мере в ходе анализа их собственной роли, миссии, политической и социальной ответственности. Поэтому «ни в одной стране и ни в один из исторических моментов эта роль и миссия, — как отмечают исследователи, — не сводились к узкопрактическим, прагматическим, утилитарным целям» [Фадеева 2012]. При этом Ч.Ф. Гаттон подчеркивает, что современному публичному интеллектуалу как социальному исследователю необходимо держать «здоровую дистанцию» от политики, чтобы не утратить объективности и четкости анализа [Gattone 2006; 133].

В связи с этим немаловажное место в изучении публичной деятельности интеллектуалов отводится их общественной роли: умению генерировать идеи, влиять на общественное мнение, способствовать распространению новых идеалов и ценностей. Некоторые исследователи считают, что для интеллектуалов характерным является: «1) культурное кодирование, с помощью которого создают идентичности; 2) восприятие себя как носителей сакрального знания, миссионерский пыл; 3) двойственное отношение к социальным элитам, балансирование между безоговорочной кооперацией с властью и радикальной оппозицией ей, чтобы сохранить свою особость» [Нарский 2009; 170].

Вместе с тем в научной литературе отмечается, что публичные интеллектуалы составляют сообщество, обеспечивающее конкурирующие взгляды и идеологии. «В результате формируется два типа интеллектуалов: те, которые легитимируют господствующие ценности, и те, которые их отрицают, или, по меньшей мере, ставят под вопрос. Те, кто стремится сохранить status quo, и те, кто стремится его изменить» [Intellectuals 1987; 4.]. В связи с этим выделяют такие интеллектуальные типы, как: 1) «критический интеллектуал», дистанцирующийся от власти, ставящий под сомнение правомерность и полезность тех или иных ее действий, осознающий ответственность за публично высказанное мнение [Усманова 2005]; 2) «органический интеллектуал», ангажированный властью и разрабатывающий систему ценностей, необходимую для ее легитимизации [Бауман 2003].

В России интеллектуалов часто рассматривают в качестве властителей дум, предлагающих обществу разные варианты осмысления действительности и различные модели общественно-полити-

ческого обустройства. При этом надо отметить, что в российском обществе интеллеktуал может быть (а может и не быть) оригинальным мыслителем, но при этом отечественный интеллеktуал должен быть всегда репрезентативным. В определенном социальном контексте он должен четко и емко выражать и оформлять основные мировоззренческие и ментальные ориентации, присущие тем или иным социальным группам. В отличие от мыслителей, российские интеллеktуалы редко придумывают ценностные или философские системы, они скорее оперируют ими, обозначая с их помощью реально существующие в обществе позиции, которые без этого оставались бы размытыми и ускользающими. В российском обществе интеллеktуал является не источником «света», а «фокусом», концентратором экспертных мнений. Поэтому в настоящее время в России понятию «интеллеktуал» в большой мере соответствует понятие «эксперт» в его нынешнем смысле, т.е. как человек, берущий на себя задачу выносить репрезентативные суждения по разным поводам. Но это эксперт особого рода: для него важна не столько подготовка, сколько темперамент и склад характера.

Часто к интеллеktуалам в России относят ученых с гуманитарным складом мышления, которые на практике являются «работниками отечественного пиара». Это своего рода ловкие и расторопные менеджеры, способные осуществлять технологичное сопровождение какого-либо властного, экономического, политического или социального проекта. Особого отношения к интеллеktуальной сфере они не имеют, поскольку являются работниками сферы «инжиниринга», технически включающего в себя легковесную манипуляцию со «слоганами», фразами, информационными (стилизованными эстетически) потоками и всегда имеющего строгую конкретную прагматическую (оплаченную конкретным заказчиком) цель.

В России интеллеktуалы как эксперты могут придерживаться разных – подчас полярных – систем ценностей. Их можно приблизительно разделить на интеллеktуалов-консерваторов и интеллеktуалов-прогрессистов, интеллеktуалов-западников и интеллеktуалов-традиционалистов, интеллеktуалов с социалистическими симпатиями и интеллеktуалов с рыночно-либеральными взглядами. Каждый политически ангажирован и оригинален в оформлении своей ценностной позиции, поскольку системы интеллеktуальных ценностей в России, как правило, носят гибридный характер.

Ангажированность российских интеллектуалов заставляет задуматься над вопросом, почему у нас мало рефлексирующих субъектов, способных отстраненно вести диалог с участниками политического процесса. Некоторые исследователи это объясняют тем, что у «мыслящего» класса России в 90-х гг. прошлого века были утрачены социальные амбиции. Его представители были счастливы тем, что их просто не трогали и радовались тому, что им можно было «съездить в Париж, почитать лекции в Америке, перехватить грантик в Фонде Сороса, почитать Деррида на русском языке» [Я требую 1996; 9].

В современной России много и таких интеллектуалов, которые постоянно норовят попасть в ногу с «велениями времени» и политическими модами, становясь, как отмечает В.П. Макаренко, «идеологическими» холуями власти [Макаренко 2008; 100]. Немногие отваживаются противостоять конъюнктуре, четко формулируя свою интеллектуальную позицию. В связи с этим исследователи считают, что интеллектуалам должна быть присуща такая жизненная интенция, как дистанцирование от власти, поскольку объективная и последовательная ее критика возможна только с позиции субъекта, не участвующего в политической игре и действующего за рамками политического поля. Дистанцирование интеллектуалов – это также «полемика с существующими формами неравенства и монополии, это разработка концепций, ставящих под вопрос формы информационного и познавательного империализма извне и изнутри» [Макаренко 2001; 31].

В идеале интеллектуал – это тот, кто способен оригинально решать задачи, вставшие на повестку дня, в рамках определенных ценностных ориентаций, дистанцируясь от каких бы то ни было предпочтений, господствующих в обществе. При этом у интеллектуалов должно быть такое качество, как способность слушать и слышать других, признавая за ними право на «свою правду». Однако с этим в российском обществе проблемы. Более того, очень часто субъекты, считающие себя интеллектуалами, отказывают в праве называться интеллектуалами другим, проповедующим иные взгляды. Публичные интеллектуалы в России – это люди размышляющие, пишущие и говорящие, формирующие общественное мнение, а чаще всего его заменяющие. Российские интеллектуалы, апеллируя к «массе», постоянно находятся в дискурсе с политической властью, время от времени стремясь во власть.

Политический дискурс как поле интеллектуальной самопрезентации российских интеллектуалов, представляет собой, с одной стороны, многообразие суждений о политической действительности, ансамбль смысловых схем, образующих политическую реальность, с другой – когнитивное поле конкурентной борьбы, связанной с производством политического знания. Специфической ставкой в этой борьбе является монополия на компетентность, понимаемая как социально признанная за определенным интеллектуалом способность легитимно высказывать «истинные или правдивые суждения» о политической действительности.

Политический дискурс как рационально организованный социокультурный способ вербальной артикуляции имманентно-субъективного содержания сознания и экзистенциально-интимного содержания политического опыта, будучи включенным в социокультурный контекст, не может быть индифферентен по отношению к российской политической власти. Поэтому российские интеллектуалы в политическом дискурсе выполняют противоположные функции, занимаясь или интеллектуальным обеспечением политических проектов и легитимацией политических акций, или интеллектуальной критикой политических проектов и делегитимацией политических режимов.

Отсюда вытекает такая особенность российских интеллектуалов, как глубокий политический и ментальный раскол, основанием которого выступает несовместимость идеологием общественного развития России. В результате российский интеллектуальный дискурс часто превращается в «коммунальную квартиру». Отстаивая различные пути развития России, представители различных идеологием имеют свои критерии социального и политического значимого, свой язык и свою аргументацию, что затрудняет коммуникацию в сообществе российских интеллектуалов.

Ангажированность политического дискурса в России связана с воображением интеллектуалов как идеологической проекцией того, каким общество хочет видеть себя. В результате интеллектуальный дискурс становится противостоянием позиций, соотносимых прежде всего с «большими идеологиями», апеллирующими к «прекрасному будущему» или «удивительному прошлому», и, соответственно, связанными с презентацией будущего или прошлого России, опрокинутых в ее настоящее.

Ангажированность интеллектуального дискурса в современной России, обнаруживаемая в ригоризме идеологических суждений,

напоминает ситуацию, о которой П. Слотердаjk писал так: «В соревновании за самое жестокое сознание жестоких фактов друг друга наставляли дьявол и сатана. Из конкуренции сознаний возник двойной, сумеречный свет, характерный для современности: взаимное выслеживание идеологий, ассимиляция противоположностей, модернизация обмана, короче говоря, то отсылающее философа в пустоту положение, в котором лжецы называют лжецов лжецами... За наплевательским отношением ко всем проблемам стоит в конечном счете предчувствие того, что случилось бы с нами, получи мы о них полное представление» [Слотердаjk 2009; 7–14]. В результате в современном российском обществе многое превращается в симулякры или становится ложью, если только не совершенно наивным выражением элементарной некомпетентности.

Дискурсивное интеллектуальное сообщество в России оказалось не в состоянии предложить ничего нового, что оказалось бы привлекательным или убедительным для всего общества. Дефицит креативности в современном российском обществе во многом обусловлен особенностями стиля мышления отечественных интеллектуалов. Характеризуя этот стиль, известный российский культуролог В.Н. Иванов писал: «Мы чрезвычайно легко видим в окружающем нас мире то, что мы хотим, что мы привыкли видеть. Это является следствием не критичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса» [Иванов; 2005. 15–16]. Дефицит когнитивной креативности порождает в российском интеллектуальном сообществе интеллектуальное эпигонство и интеллектуальную моду.

Дефицит когнитивной креативности, наряду с ангажированностью интеллектуального дискурса, обнаруживаемой в ригоризме оценочных суждений, делает самих российских интеллектуалов с течением времени преимущественно маргиналами и в общественном мнении, и в глазах представителей политической власти. В результате можно выделить такую особенность публичных интеллектуалов в российской политике, как их фантомность. В постсоветской России многие публичные интеллектуалы в политике выскочили как «черти из табакерки», а потом «сгнули, оставив после себя ошарашивающее впечатление, мгновенную или мистическую память. А ведь некоторые из них, – как пишет Ж.Т. Тощенко, – занимали умы россиян и были в первых строчках при опросах общественного мнения» [Тощенко 2015; 55].

Если для одних российских интеллектуалов перманентная лояльность по отношению к государству обусловлена их этатистской ментальной программой, то для других интеллектуалов интенция постоянной борьбы с государством, несмотря ни на какие реалии общественной жизни, связана с традициями российской интеллигенции, основанными на «страхе» перед государством. Причем эта борьба направлена не на улучшение государства, а борьба с государством как таковым, имеющая целью показать, что мы, интеллектуалы-интеллигенты, не с государством, мы против, мы сами по себе.

Особенность российских интеллектуалов проявляется в антиномичности их сознания: неумное стремление к обладанию символической властью парадоксальным образом соединяется и с патологическим стремлением к славе. В частности, в декабре 2011 г. французский еженедельник новостей «L'Express» так охарактеризовал одного из известных в ту пору интеллектуалов России: «Владислав Сурков, серый кардинал и циничный идеолог режима, манипулирует театриком российской политической жизни... Как бы его ни называли, "кремлевским кукловодом" или "путинским Распутиным", все сходятся в том, что Владислав Сурков – наиболее влиятельный советник в российской политике... во многом благодаря уму и беспринципности». В. Сурков убежден, что настоящих демократий не существует. «С его точки зрения, главное – влиять на людей, давая им иллюзию свободы» [Гилден, Шевелкина 2011].

В связи с уходом В. Суркова с поста главы администрации президента в «гламурной» публицистике ему была дана такая характеристика: «Владислав Юрьевич человек очень начитанный, образованный, интеллектуал, любитель Миров и Сартра. Этот человек хотя бы говорил на одном языке с своими "жертвами" и умел отравить их своим ядом магической силы, красноречия и цинизма. И Сурков, безусловно, понимает людей. Их природу, их слабости. Сурков – не негодяй и не Геббельс, он – качественный, верный работник и эффективный менеджер в предложенных обстоятельствах. Зло не в нем – он лишь его отражение. Другими словами, вся его вина состоит в том, что он на публичном доме ... старательно и усердно выводил "магазин плюшевых игрушек" и рисовал трогательного мишку на витрине. И делал он, надо сказать, это талантливо» [Собчак 2011].

Антиномичность сознания интеллектуала В. Суркова проявлялась в том, что он одновременно занимался легитимацией политического режима, придумав, например, эвфемизм «суверенная демократия» для прикрытия авторитарных политических тенденций, и делегитимацией политического режима, опубликовав под псевдонимом роман «Околоноля», в котором с невероятным цинизмом описывает испорченные нравы российского политического класса. Стремление к славе у российских интеллектуалов порождает нарциссизм. Поначалу никто не заметил книжку В. Суркова, «тогда автор, – отмечает политолог С. Белковский, – мобилизовал свои связи и потратил огромные деньги, чтобы ее признали шедевром». По роману даже был поставлен спектакль, режиссера которого затем вознаградили. По признанию одной из журналисток, «на премьере обычно сдержанный Сурков раздувался от гордости» [Гилден, Шевелкина 2011].

Атрибутом интеллектуального сознания в России выступает политический цинизм. Под цинизмом вообще можно понимать мировоззрение, воспринимающее моральные ритуалы как мешающие или избыточные для решения практических задач, приводящее к девальвации нравственных принципов и порождающее откровенное, вызывающе-пренебрежительное отношение к нормам общественной морали. При этом цинизм выступает в двух ипостасях: с одной стороны, говорить о том, что есть на самом деле, обнажая социальные и индивидуальные пороки, с другой – говорить без всяких моральных условностей, дискредитируя, унижая или принижая оппонентов.

Цинизму присущи социальное обнажение и унижение, ценностное снижение и принижение, принципиальный нигилизм и аморализм, демонстративность и издевка, гротеск и насмешка. Поэтому какой бы заманчивой ни казалась интеллектуальная сторона цинизма, он является, как писал О. Уайльд, «всего лишь удобной философией для человека, лишенного души». Циники, подобно людям, берущим свои мысли «напрокат в некоей разъездной библиотечке идей и в конце каждой недели возвращают их растрепанными», всегда «стараясь брать свои чувства в кредит и не желают платить, когда им присылают счет». «Циник, – замечает автор – человек, знающий всему цену, но не знающий ценности» [Уайльд 2000; 510–511]. Циник всегда находится по ту сторону добра и зла, не различая плохого и хорошего. В связи с этим П. Слотердаjk пишет, что цинизм неизбежно появляется тогда,

когда наше сознание делает шаг, выводящий на позицию по ту сторону добра и зла, и есть два способа, какими достигается такая позиция – это знание и власть [Слотердаик 2009; 204].

Следует различать цинизм «верхов» и цинизм «низов». Цинизм «верхов» основан на подавлении. «Цинический господин, – замечает П. Слотердаик, – приподнимает маску, улыбается своему слабому противнику по игре – и тем подавляет его» [Слотердаик 2009; 194]. Цинизм «верхов» в России базируется на насилии, которое является атрибутом государственно-организованного общества и мобилизационного социотипа развития [Лубский 2014; Аникеев, Лубский 1997]. Цинизм в современной России есть также следствие девальвации морали в обществе на всех уровнях его социальной организации.

Цинизм «верхов» в России во многом обусловлен тем, что в ней практически отсутствует влияние общества на государство. Поэтому властная элита в российском обществе формируется в рамках государственных структур, конституируя при этом высший эшелон административно-политической бюрократии в качестве политической элиты [Гаман-Голутвина 2006; 53]. Для понимания специфики политической элиты значение имеет то, что российское государство является разновидностью служилого государства, поэтому политическая элита как высший эшелон бюрократии формируется в нем на основе принципа «привилегий за службу». Служебный характер политической элиты в России ограничивает возможности ее рекрутирования по признаку происхождения, наличия собственности или финансового капитала. Служебный принцип рекрутирования политической элиты в государствоцентричном обществе предполагает наличие таких ее характеристик, как предельную собранность, способность к подчинению и мобилизации общества, склонность к насилию и, как следствие, политическому цинизму [Кислицын, Лубский 2014; 4–5].

Отсутствие влияния «низов» на деятельность политической элиты в России приводит к ситуации, которая хорошо описана в специальной литературе. «Как только господское сознание хоть немного демаскируется своим цинизмом, оно, – как отмечает П. Слотердаик, – с головой выдает себя противостоящей ему силе. Но что происходит, если такой силы нет? В обществах, в которых больше нет никакой эффективной моральной альтернативы, а силы, потенциально способные к противоборству, оказались встроены в аппарат власти, больше некому возмутиться по поводу ци-

низма господствующей власти. Чем более безальтернативным кажется современное общество, тем больше цинизма оно себе позволяет. В конце концов оно начинает иронизировать над своими собственными легитимациями. "Основополагающие ценности" и оправдательные словесные ухищрения плавно переходят друг в друга. Власть имущие на политической и экономической сцене становятся болтливыми, шизоидными, легкомысленными» [Слотердаjk 2009; 195]. В такой ситуации обратной стороной политического цинизма элиты начинает выступать цинизм «низов» по отношению к власти. Неуважительное отношение «низов» к политической элите, а политической элиты к «низам» является одним из источников политического цинизма в России, основанном на взаимном ценностном снижении.

Политический цинизм «низов» во многом обусловлен также неудачами модернизационных преобразований в современной России. Массовое разочарование «низов», испытывающих «боль» и «муки» от последствий модернизации «сверху», порождает цинизм, проникающий во все сферы общественных отношений и ставящий их участников по ту сторону добра и зла, не проводя пограничную черту между плохим и хорошим.

Вообще политический цинизм народа является, как отмечал А. Камю, продуктом массового общества, разочарования в социальных механизмах и идеализированных ожиданиях, недоверия к организациям и авторитетам, накопленного отрицательного социального опыта, выражения негативных чувств. В этом плане циник из народа является нигилистом и «бунтующим человеком», который ставит под сомнение все ценности и нравственный миропорядок [Камю 1990; 229]. В связи с этим следует отметить, что цинизм – он от природы человека и его политической культуры, а не от природы политического режима, хотя природа политического режима создает условия для проявления тех или иных сторон природы человека. Циничная природа просыпается тогда, когда появляется уверенность, что у нас все неправильно и никуда не годится.

Кроме политического цинизма «верхов» и «низов», есть политический цинизм интеллектуалов. Политический цинизм интеллектуалов, это, как писал А. Камю, «упразднение всяких политических норм, моральных ценностей и принципов, подмена их фактом, калифом на час, но калифом реальным». При этом философ подчеркивал, что «цинизм как политическая позиция логичен

лишь как функция абсолютистской мысли, то есть как абсолютный нигилизм, с одной стороны, и абсолютный рационализм – с другой» [Камю 1990; 343].

Если «низы» ощущают, что в обществе что-то не так, то интеллектуалы, рассуждая по этому поводу и обнажая «порочную сущность», претендуют на «истину в последней инстанции». Вследствие этого в суждениях интеллектуалов всегда присутствует момент циничной агрессивности, связанный с полным «обнажением» социальной ситуации и стремлением к срыванию покровов конвенций, абстракций, лжи и засекречиваний. При этом П. Слотердаjk отмечает, что «циническое мышление может проявиться только тогда, когда возможны два взгляда на вещи – официальный и неофициальный, стремящийся завуалировать истину – с позиции героя и стремящийся видеть ее во всей наготе и неприкрытости – с позиции камердинера. В культуре, в которой регулярно лгут, возникает желание знать не просто истину, а неприкрытую истину, истину во всей ее наготе» [Слотердаjk 2009; 334].

Публичный интеллектуал стремится быть не только критиком, но и реалистом. Быть реалистом для интеллектуала – это, значит, находиться по ту сторону добра и зла, где «он, освободившись от метафизических и моральных предрассудков, беспристрастно и сухо изучает происходящее». В связи с этим «реалистическое» мышление интеллектуалов, считает П. Слотердаjk, «вынуждено постоянно пользоваться аморальной свободой, чтобы обрести ясность взгляда» [Слотердаjk 2009; 294].

Политический цинизм публичных интеллектуалов как крайняя форма политической безнравственности и как установка их политического сознания и дискурсивных практик, связан с интеллектуальным снобизмом и высокомерием. «У интеллектуалов, – пишет П. Слотердаjk, – зрение часто оказывается притупленным – не в последнюю очередь потому, что они в период учебы постоянно насилуют свои глаза: им приходится читать такие вещи, которые не позволяют взору проникнуть в свои глубины. Их глазам приходится служить только лишь инструментами для чтения, и нет ничего удивительного в том, что взгляд на мир у таких людей, привыкших видеть только черные строчки на белом, расходится с действительностью... Знание, свойственное господскому цинизму, накапливается в интеллектуальных головах и выдает себя неподвижным, застывшим взглядом, а также печалью во взоре и его ледяной холодностью. Этот взор фиксируется на ве-

щах, в которые господский цинизм не может проникнуть и в отношении которых он предпочел бы, чтобы они вообще не существовали» [Слотердаjk 2009; 238–239]. Вместе с тем интеллектуальный цинизм смотрит «на действительность взглядом великого владыки и повелителя» [Слотердаjk 2009; 280].

Публичные интеллектуалы-критики проявляют цинизм как по отношению к «массам», так и по отношению к «власти». «Массы» они «держат за дураков», а «власть» – за «недалеких и беспринципных дельцов». Обратная сторона – это цинизм «низов» («простого человека») по отношению к интеллектуалам, т.е. к тем, кто в России всегда «в очках и шляпе», а также цинизм «власти» по отношению к интеллектуалам, которые в глазах чиновника являются «болтунами и бездельниками».

Цинизм публичных интеллектуалов проявляется и по отношению к своим «собратьям по интеллектуальному цеху» в демонстративном и взаимном обнажении «пороков» и ценностном «снижении» оппонентов, сопровождаемом их демонизацией и наклеиванием ярлыков. Надо отметить, что страсть к наклеиванию ярлыков, выступающая в качестве эквивалента публичных оскорблений, является общим признаком цинизма интеллектуалов в России, поскольку, чем более ярлык выглядит стигматизирующим и неопределенным, тем, следовательно, в глазах «общественности» он становится неопровержимым.

Многие публичные интеллектуалы в России не уважают не только своих оппонентов, но и самих себя: не научившись уважать себя, не научились уважать других. Поэтому аморальными источниками цинизма таких публичных интеллектуалов являются тщеславие, гордыня и зависть. Когнитивные истоки цинизма публичных интеллектуалов в современной России обусловлены тем, что российское общество бросает им «вызов» – «вызов» сложности и неопределенности. Однако из российского интеллектуального клуба, который более похож на коммунальную квартиру, слышатся ответы на этот вызов более ангажированные и брюзгливые, чем выверенные и меткие. В такой квартире проявляется стремление, как пишет П. Слотердаjk, больше покритиковать, чем подвергнуть критике [Слотердаjk 2009; 14]. Это свидетельствует о том, что рост числа проблем в российском обществе, в котором обнаружилось «множество трещин и множество перспектив», обгоняет рост способности интеллектуалов к креативному мышлению.

Политический цинизм публичных интеллектуалов, обусловленный их ментальной программой, часто сопровождается бредовыми политическими идеями. Политический бред публичных интеллектуалов проявляется прежде всего в политических умозаключениях, не соответствующих реальности, в ошибочности которых патологически убежденного в их правильности субъекта невозможно разубедить. Политический бред часто является следствием непомерной политической амбициозности публичных интеллектуалов, основанной на обостренном самомнении и самолюбии, мании величия и мании преследования. Политический бред публичных интеллектуалов зачастую носит аффективный характер, сопровождаясь относительно кратковременными, но сильно протекающими эмоциональными переживаниями (ярость, ужас, страх, отчаяние, тревога). Политическому бреду часто сопутствует ощущение неясной опасности, когда, например, параноидный бред преследования выливается в такую установку мышления и поведения публичных интеллектуалов, которая связана с истолкованием политических акций как различного рода «заговоров» и направлена на «поиски врагов».

Антиномичность сознания публичных интеллектуалов проявляется в сосуществовании противоположностей, связанных с абсолютизацией политического разума и политической веры. Игры политического разума интеллектуалов превращают политический дискурс в циничный перформанс. Политическая вера публичных интеллектуалов, заключающаяся в полном и безоговорочном принятии ими какой-либо политической информации, являющейся основой их политических представлений, базируется на признании чего-либо политического истинным с такой решительностью, которая превышает силу любых фактических и формально-логических доказательств. Поэтому политическая вера выступает одной из основ политического «Я» публичных интеллектуалов, определяя их политические суждения и политические поступки. Так, например, вера в особое предназначение какого-либо народа зачастую служит для публичных интеллектуалов оправданием всякого имперского или национального цинизма.

Дискурс-анализ позволяет выделить несколько формул политического цинизма публичных интеллектуалов в России. Первая формула: ценностные ориентации «масс» используются ими, с одной стороны, как ресурс аргументации и интеллектуальной гегемонии, а с другой – как средство для достижения целей опреде-

ленных «групп интересов» путем представления интересов этих групп в качестве национальных интересов. При этом надо отметить, что вопрос о национальных интересах решается в зависимости от того, какие субъекты является, по мнению интеллектуалов, их выразителями – государство, нация или этнос.

Публичные интеллектуалы в России – это идеологически ангажированные субъекты, подчиняющие мораль идеологии. Этим определяется вторая формула политического цинизма публичных интеллектуалов: нравственно все то, что служит делу либерализма, консерватизма, национализма или коммунизма.

Публичные интеллектуалы в России – политические реалисты и прагматики, стремящиеся прежде всего к выгоде в контексте правовой риторики. Отсюда третья формула политического цинизма публичных интеллектуалов: друзьям – все, врагам – закон.

Многообразны лики публичных интеллектуалов-циников в современной России: это «политические властолюбцы», «интеллектуальные нарциссы», «идеологические жрецы», «романтические авантюристы», «искатели славы». Но особенно следует выделить «политических фарисеев», «политических фаддистов» и «политических свистунов». У «политических фарисеев» наблюдается вопиющее расхождение между заявляемыми идеалами и личными поступками. «Политическим фаддистам», или «сверхупростителям», нужны ответы на все случаи жизни, они ищут, как отмечает Э. Тоффлер, «простого, изящного уравнения, которое сможет объяснить весь комплекс новизны, угрожающий его поглотить». Беспорядочно хватаясь за те или иные идеи, они временно становятся истинно верующими. Это помогает объяснить фаддизм как неистовую интеллектуальную придурковатость [Тоффлер 2002; 392–393]. «Политические свистуны» появляются в условиях шока от настоящего, когда не бывает такой нелепости и такого безумства, которые не могли бы рассчитывать на успех. Время «свистунов» – это время всевозможных интеллектуальных «безобразий» по поводу либерализма, консерватизма, национализма, патриотизма и гражданственности, время обесценивания любых ценностей, традиций и новаций, время погружения в виртуальную реальность [Лубский 2011; 19–28].

В современной России публичных интеллектуалов много, но «днем с огнем» не сыщешь в ней сегодня интеллектуальных авторитетов в публичной жизни. В данном случае речь идет не о тех, кто обладает экспертным знанием или занимает видное положение

в российском истеблишменте, а тех, кто обладает интеллектуальным и духовно-нравственным превосходством. Публичные интеллектуалы на службе у власти обнаруживают рьяный реалистически-оборонительный цинизм, публичные интеллектуалы на службе у оппозиции проявляют агрессивный утопически-наступательный цинизм. В результате многие полезные идеи последних лет оказались, как подчеркивают исследователи, опороченными «только тем, что их поручили озвучить деятелям, которые не пользуются в народе не то что авторитетом, а и просто уважением. Соответственно и идеи эти были восприняты с противоположным знаком» [Демурин 1014].

В связи с этим хочется вспомнить статью Н.Н. Страхова «Воздушные явления», опубликованную в 1883 г. В ней он отмечал, что «авторитеты не лежат готовые на дороге, их нужно создать, нужно как здание сперва возвести, а потом укреплять и поддерживать. Земля, на которой нет таких зданий, – пустыня. Общество, в котором нет авторитетов, такая же пустыня в умственном отношении. Авторитет есть власть, следовательно, начало устроительное, связывающее, централизующее. В обществе, где не возникают авторитеты, господствует или совершенная анархия, неурядица мысли, или еще вернее – лень и апатия, безжизненность и спячка». Далее автор отмечает, что «в обществе, где господствует анархия мысли, в обществе возбужденном, но страдающем, так сказать, отсутствием умственных властей, начальство над умами может легко достаться силам не вполне здоровым и правильным. Против этого зла есть только одно средство спасения – именно деятельность здравых и правильных авторитетов; они должны составлять твердое препятствие и оплот против ненормальных влияний» [Страхов 2010; 122–123].

Отсутствие таких авторитетов, «бедность умственной жизни, слабое проявление и развитие основ нашего духовного строя, вот положение, при котором, – как подчеркивал Н.Н. Страхов, – возможны хаос и неурядица». Россия, писал автор, есть государство, в котором огромное множество мест и положений наполнены людьми малообразованными, подделывающимися под образование. Говоря сегодняшним языком, людьми далеко не интеллектуальными. «А какой первый, бросающийся в глаза признак образованности? – спрашивал Н.Н. Страхов. – Конечно, свобода мысли, возможность о каждом деле свое суждение иметь, неподчинение авторитетам, самостоятельный взгляд». Отсутствие этого приводит

к передразниванию самостоятельности и свободы суждения, и «начинается дешевый скептицизм, копеечное, лакейское критиканство» [Страхов 2010; 125–126].

Литература

Аникеев А.А., Лубский А.В. 1997. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа. – Научная мысль Кавказа. – № 3.

Арон Р. 2005. Опиум интеллектуалов. – Логос. – № 6 (51).

Бауман З. 2003. Законодатели и толкователи. – Неприкосновенный запас. – № 1 (27). – [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html>.

Бенда Ж. 2009. Предательство интеллектуалов. – М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум.

Бурдые П. 1994. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир – Бурдые П. Начала. Choses dites. – М.: Socio-Logos.

Гаман-Голутвина О.В. 2006. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Гилден А., Шевелкина А. 2011. Сурков – путинский Распутин – InoPressa. Иностранная пресса о России и не только. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inopressa.ru/article/16dec2011/lexpress/surkov1.html>

Голиченко Т.С. 2004. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований. – Социология: теория, методы, маркетинг. – № 2.

Демурин М. 2014. Главная болезнь России: 150 лет диагнозу мыслителя Н.Н. Страхова, который верен и сегодня – Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/glavnaja_bolezn_rossii_488.htm

Иванов В.Н. 2005. Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. – СПб.: Изд-во НУ Центр Стратегических Исследований.

Камю А. 1990. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат.

Кислицын С.А., Лубский А.В. 2014. Элиты и контрэлиты России: вопросы теории и политической практики. – Ростов н/Д: Дониздат.

Лубский А.В. 2011. Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность. – Научная мысль Кавказа. – № 4 (68).

Лубский Р.А. 2014. Российская государственность как социальная реальность. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования.

Макаренко В.П. 2001. Кавказ – концептологический анализ. – Социологические исследования. – № 12.

Макаренко В.П. 2008. Политическая концептология: первые итоги разработки. – Экономический вестник Ростовского государственного университета. – Т. 6. – № 2.

Нарский И. 2009. Российские интеллектуалы XIX–XX веков (несколько предложений по поводу теоретической рамки обсуждаемой проблематики). – Пути России. Современное интеллектуальное пространство. Школы, направления, поколения. – М.: Университетская книга. – Т. 16.

Сеннет Р. 2003. Падение публичного человека. – М.: Логос.

Слотердаик П. 2009. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА.

Собчак об уходе Суркова с поста главы администрации президента. 2012. – 812`ONLINE. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.online812.ru/2011/12/22/010/>

Страхов Н.Н. 2010. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации.

Тоффлер Э. 2002. Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ».

Тощенко Ж.Т. 2015. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Уайльд О. 2000. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы. Эссе, Лекции и эстетические миниатюры. Письма. – М.: ТЕРРА.

Усманова А. 2005. Философия и позиция критического интеллектуала сегодня. – Топос. – № 1. – [Электронный ресурс]. URL: <http://belintellectuals.eu/publications/200/>.

Фадеева Л.А. 2012. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада. – Диалог со временем. – Вып. 41. – [Электронный ресурс]. URL: http://roii.ru/dialogue/41/roii-dialogue-41_6.pdf

Хабермас Ю. 2006. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала. – Неприкосновенный запас. – № 3(47). – [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>

«Я требую от власти ответственности!». Беседа с главным редактором «Художественного журнала» Виктором Мизиано. 1996. – Логос. – № 6 (16).

Annan N. 1955. Intellectual Aristocracy. – Studies in Social History / Ed. by J. Plumb. – L.: Longmans.

Aron R. 1957. The Opium of the Intellectuals. – N.Y.: Doubleday & Company, Inc.

Etzioni A, Bowditch A. 2006. Public Intellectuals: An Endangered Species? – N.Y.: Rowman & Littlefield.

Gattone Ch. F. 2006. The Social Scientist as Public Intellectual. Critical Reflection in a Changing World. – N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers.

Heyck T.W. 1982. The Transformation of Intellectual Life in Victorian England. – L.: Croom Helm.

Intellectuals in Liberal Democracies. Political Influence and Social Involvement / Ed. by Alain G. Gagnon. 1987. – N.Y.; L.: Praeger.

Lippman W. 1927. The Phantom Public. – N.Y.: Macmillan.

Lipset S.M., Dobson R.B. 1972. The Intellectual as Critic and Rebel; With special reference to the United States and the Soviet Union. – Daedalus. – Vol. 101. – N 3.

Lyotard J-F. 1993. The Tomb of the Intellectual. –Lyotard J-F. Political Writings. University of Minnesota Press.

Posner R. 2002. Public Intellectuals: A Study of Decline. – Cambridge, MA: Harvard University Press.

Russel B. 1957. Power: A New Social Analysis. – L.: Allen&Unwin.

Said E.W. 1994. Representations of the Intellectual. – N.Y.: Vintage books.

Schumpeter J.A. 1942. Capitalism, Socialism and Democracy. – N.Y.: Harper & Row.

Shils E. 1970. The Intellectuals and the Powers: Some perspectives of Comparative Analysis. – On Intellectuals. – N.Y.: Garden City.

The Phantom Public Sphere / ed. Br. Robbins. 1993. – Minneapolis: University of Minnesota Press,

Wierek P. 1953. Shame and Glory of the intellectuals. Boston: Beacon Press.

С.А. Денисов

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И ЦИНИЗМ АДМИНИСТРАТИВНОГО КЛАССА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В 1905 г. в России возникло новое государство, которое действует до сих пор. До этого года мы имели государство-насильника, которое откровенно делило людей на первый, второй и третий сорт, прямо заявляло, что монарх обладает неограниченной властью. С теми, кто с этим не соглашался, разговаривали казаки с помощью нагаек и жандармы с помощью тюрем и ссылок. 17 октября 1905 г. был обнародован манифест царя. С этого времени российское государство перешло в другую стадию своего развития. Оно превратилось в государство-обманщика, в государство мошенника. Основным средством управления населения стал обман. Государство начало обещать населению, что предоставит ему все блага, которые имеются на западе: свободу слова, печати, право объединяться в политические партии, право митингов и демонстраций. Насилие стали применять как дополнительный инструмент, в основном к тем, кто не поддавался обману и пытался его разоблачать.

Умение обманывать население стало основным качеством административного класса. Конечно, на помощь ему была мобилизована служилая интеллигенция, которая являлась профессиональным, хорошо подготовленным лгуном. Всем известно, что профессиональный лжец должен быть циником. Если у него сохраняется хоть немного совести, то в процессе обмана населения он будет краснеть, смущаться и ложь не будет иметь должного эффекта, а

то и вовсе будет разоблачена. Лучше, если лжец сам, как профессиональный актер, будет верить в то, что говорит.

Конечно, уровень и качество обмана населения в России были резко повышено после октября 1917 г. Административное государство¹⁵⁹ здесь начало обещать группам общества, на которые опиралось, все возможные блага: землю – крестьянам, фабрики – рабочим. В отличие от предыдущего государства оно смело заимствовало все лозунги западных стран и вписывало их в конституционные акты: республику, демократию, федерацию, права человека. Царь был наивен и пытался придерживаться в какой-то степени тех законов, которые подписывал. Советский административный класс был предельно циничен. Он не собирался исполнять ни одной нормы права, если она не соответствовала его интересам.

Современное государство продолжает эти «славные» традиции, а служилая интеллигенция старательно помогает ему. А.П. Чехов вложил в уста одного своего героя слова: приходится «лгать, улыбаться, и все из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишки, которому грош цена». Сегодня за грязную работу лжи (в отличие от царского и советского периода) платят хорошие деньги.

Фактической конституцией современной России является учение Н. Макиавелли, который писал, что государь, для сохранения своей власти должен научиться хитрить¹⁶⁰. Он должен уметь «кого нужно, обвести вокруг пальца»¹⁶¹. В.О. Ключевский отмечал, что правители России превратили ее в торговую лавку или даже в вертеп разбойников¹⁶². Можно сказать, что современные правители России превратили российское государство в наперсточника.

Необходимо отметить, что административный класс и служилая интеллигенция успешно навязывают свой цинизм населению. С детских лет его приучают к лицемерию, к двоемыслию. Везде от человека требуют говорить так, как установлено каким-то властным субъектом. С детства школьник должен повторять, что Россия – это республика, не смотря на то, что ею правит один человек, обладающий почти абсолютной властью. Студент юрист дол-

¹⁵⁹ Денисов С.А. 2010. Общая теории административного государства. – Екатеринбург: Гуманитарный университет. – С. 147-165.

¹⁶⁰ Макиавелли Н. 2003. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия. – Минск: Харвест. – С. 393.

¹⁶¹ Макиавелли Н. 1982. Избранные сочинения. – М. – С. 351.

¹⁶² Ключевский В.О. 1993. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. – М.: Мысль. – С. 110.

жен говорить на экзамене, что Россия – это федерация, не смотря на то, что в царской империи у населения регионов было больше прав, чем сейчас. Послушав первый раз выступление представителя критического реализма студенты спрашивают: «А разве это можно говорить в современной России»? Они привыкли слушать потоки лжи с кафедр гуманитарных наук и сами учатся лгать.

В качестве эксперимента, автор этой статьи не раз ставил перед аудиторией преподавателей во время разного рода научных конференций вопрос: «Врать или не врать студенту?». Ответ всегда был однозначен: «Врать!». Для оправдания своей совести, некоторые преподаватели добавляют: «Они вырастут и сами все поймут».

Все это объясняет то, что честные люди в России встречаются довольно редко. Они маргиналы. Им трудно жить, учиться, строить карьеру. Даже человек, стремящийся к честности, должен постоянно о чем-то умалчивать, что-то недоговаривать.

Россия остается административным обществом¹⁶³, где административный класс является экономически, политически и идеологически господствующим. Это позволяет ему распространять привычки лицемерия во всех слоях общества. Административный класс распределяет общественный продукт и нанимает себе на службу тех лиц, которые готовы лгать себе и окружающим. В стране огромное количество бюджетников, которые послушно не только повторяют то, что приказывает чиновник, но и голосуют по приказу, ходят на разного рода публичные мероприятия в поддержку вождя и его политики за лишней выходной или просто за покровительство своего начальника. В России ничего не знают об автономии вузов. На них распространяется вертикаль власти, а значит и требование единомыслия. Лицемерие стало частью национальной культуры России.

Далее предлагается посмотреть на конкретные направления циничного обмана населения в правовой сфере.

1. Административный класс России с помощью служилой интеллигенции навязывает россиянам представление, что существует только одно право, исходящее от государства и отождествляемое с государственным произволом (школа юридического позитивизма). Таким образом, людям внушают неуважение к универсальным принципам права, выработанным человечеством (обычно называе-

¹⁶³ Денисов С.А. 2011. Административное общество. – Екатеринбург: Гуманитарный университет. – С. 24-39.

мым естественным правом): свободе, равенству, гуманизму, справедливости. С большим трудом студенты первого курса юридического факультета усваивают мысль, что законы (так называемое позитивное право) могут быть правовыми и неправовыми, т.е. не соответствующие принципам естественного права.

Нигилистическим отношением к естественному праву пропитаны все юридические факультеты страны, большинство преподавателей права, большая часть правовой литературы. Уважение к естественному праву является экзотикой в России. Оно основано на неуважении людей к себе, к окружающим, к гражданскому обществу. Россия является этатизированным обществом. Люди привыкли относиться с уважением или страхом только к тем социальным нормам, которые исходят от государства и подкрепляются возможностью принуждения со стороны государства.

2. Важнейшим инструментом обмана населения в современной России является сам конституционный акт. Действуя в традициях большевиков, правящая группа записала в него все хорошее, что создано передовой конституционной мыслью. В России это не страшно, поскольку у нас есть традиция жить не по нормам Конституции, а на основании подзаконных актов, правовых обычаев, политических доктрин, правовых прецедентов. Создается целый механизм нейтрализации действия норм Конституции. В результате государственный аппарат по своему усмотрению решает, какие нормы Конституции, и в какой степени реализовать, а что останется пустой декларацией для обмана населения.

Очковитительство, «пускание пыли в глаза», строительство «потемкинских деревень» является деятельностью, в которой административному классу нет равных. В этой области он наиболее искусен и создает шедевры. Страны, где давно действует конституционный строй, не могут похвастаться таким замечательным текстом Конституции, который есть в России. В Великобритании, первой перешедшей к конституционному строю, руки так и не дошли до принятия писаной конституции. Конституция США больше похожа на памятник древности. Можно сказать, что у нас лучшая Конституция в мире, но не работающая. Она похожа на красивые часы, не показывающие времени, на птицу, которая не умеет летать.

3. Важнейшим направлением политики лжи в России является деятельность, направленная на доказывание, что нормы Конституции РФ реализуются на деле.

Государственная идеология (которая запрещена ст. 13 Конституции РФ, но процветает на деле) доказывает, что Россия является конституционным государством. Утверждается, что если в стране принят конституционный акт, то государство становится конституционным. Россию не назовешь просвещенной страной. Поэтому мало кто знает, что в мире конституционным называется государство, над которым господствует сильное гражданское общество. Конституция принимается этим обществом (а не даруется правителем) и является средством обуздания государства, инструментом превращения его в слугу общества. Если в стране нет сильного гражданского общества, то здесь не может появиться конституционного государства. Европейский костюм можно одеть и на обезьяну. Это не приведет к превращению ее в человека.

Дарование населению конституции, которая не содержит норм, обеспечивающих господство общества над государством, давно используется в мире для обмана этого населения. Такие конституции получили название мнимых или ложных. Конституция РФ содержит несколько положений, которые можно признать неконституционными (не соответствующими конституционным ценностям). К ним относится закрепление чрезвычайно широких полномочий главы государства и центральных органов власти. Сразу видно, что над текстом Конституции РФ работали профессиональные мошенники. В него заложили противоречащие друг другу нормы. В результате, как в Средние века, кто сильный, тот и прав. Пока сильными были регионы, они толковали текст Конституции в своих интересах. После усиления центральных органов на передний план стали выдвигать нормы, обеспечивающие восстановление имперских отношений, позволивших реколонизировать страну.

В конституционном государстве сильное гражданское общество выделяет из своей среды конкурирующих за общественную поддержку публичных политиков, которые и занимают должности президента, депутатов парламента, министров правительства. Если нет сильного гражданского общества, то нет и политиков. Их места занимают бюрократы, которые цинично выдают себя за политиков. Там, где нет политиков, там нет и политической системы. Ее функции выполняет административная машина (система). В современной России нет никакой политической системы. Должности президента, членов правительства занимают дослужившиеся до этих чинов бюрократы. Следующим Президентом

РФ будет выслужившийся до этой должности чиновник, выбранный старым правителем. Даже депутаты Государственной Думы – это чиновники, заслужившие свои посты верной службой перед начальством (может быть партийным). Члены Совета Федерации России – это, в основном, отставные чиновники (бывшие губернаторы, аппаратчики центральных органов). У нас есть люди, которые изображают из себя публичных политиков. Но их никто не допускает к власти и они больше похожи на скоморохов, которые веселят публику своими экзотическими заявлениями.

В конституционном государстве сильное гражданское общество через своих политиков закрепляет универсальные общечеловеческие ценности в форму законов. Таким образом создается правовое государство. Если этот механизм не работает, то административный класс издает неправовые законы, реализующие его собственные интересы, обеспечивающие его господство над обществом. Это может привести к формированию полицейского государства. Служилая интеллигенция пытается выдать его за правовое.

Чтобы придать традиционному российскому государству вид конституционного, административный класс и служилая интеллигенция цинично обманывает население, навешивая на имеющиеся органы власти ярлыки, заимствованные в западной политической и правовой литературе¹⁶⁴. Более честными являются арабские государства, которые в соответствии с традицией называют главу государства королем, шейхом или султаном. Но российская властная элита всегда хотела походить на европейскую. Своего правителя она сегодня называет президентом. Совет при правителе, который в мусульманских странах называется шурой, у нас называют на европейский лад парламентом. Органы расправы у нас называют органами правосудия.

Начиная с XX в. правители административных государств начинают объединять бюрократию и ее клиентулу в партеобразные организации, которые получили название партии нового типа. Они не имеют ничего общего с партиями, объединяющими часть населения для установления своего контроля над государством. У партеобразных объединений бюрократии совершенно иные цели, задачи, принципы организации и деятельности.

¹⁶⁴ Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. 2007. Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологических исследований. – М.: Фонд «Либеральная миссия» – С. 33-35.

Усиленно административный класс и служилая интеллигенция пытается обмануть население и мир, доказывая, что в России, как в цивилизованных странах, есть разделение властей. Это даже записали в ст. 10 Конституции РФ. Фактически за разделение властей выдается разделение труда между органами власти, подчиненными самодержавному правителю. Это разделение труда в России стало активно внедряться еще при Петре I и существует почти в таком же виде до сих пор. Когда обнаружилось, что силовики арестовали в феврале 2015 г. опасного шпиона, в лице матери семи детей из Смоленской области, то сердобольные граждане пошли не в суд, не в прокуратуру, а к вождю, который быстро принял решение, показав тем самым, что именно он в России является и верховным прокурором и верховным судьей. Никто не скрывает факта, что он стоит над законами и над Конституцией РФ, отдавая команды Федеральному Собранию об изменении законов, в соответствии с его волей.

Органы власти, должностные лица цинично нарушают нормы Конституции РФ, которые декларируют конституционные ценности. Ст. 1 Конституции РФ требует, чтобы Россия была республикой. Выше уже отмечалось, что правящая группа внедрила в России типичную монархическую форму правления, которую иногда называют султанизм. Та же статья Конституции требует от государства поддерживать демократический политический режим. С помощью законов и подчиненных Правителю органов власти в России введен пока еще мягкий авторитарный режим с ограничением свободы мысли, свободы слова, права объединения, права собираться мирно. Административный класс организует управляемые выборы в органы власти с заранее известным результатом. Ст. 1 Конституции РФ требует поддерживать в стране федеративное государственное устройство. Как отмечалось выше, централизация страны сегодня достигла большего масштаба, чем в Российской империи при Николае II. Ст. 12 Конституции РФ требует разделить органы местного самоуправления от государственных органов. Главы регионов обычно не скрывают, что они взяли их под свой полный контроль. Ст. 13 Конституции РФ требует от государства отказаться от выделения какой-либо идеологии в качестве государственной и не навязывать ее обществу. Фактически государство взяло под свой контроль все электронные средства массовой информации (телевидение) и навязывает обществу идеологию великодержавия, вождизма, этатизма, консерватизма, ненависти

к свободе. Оно превратило средства массовой информации в средства массовой пропаганды и успешно легитимирует через них всю свою деятельность.

Некоторые нормы Конституции РФ реализуются только формально. Государственный аппарат организует ряд ритуальных действий, которые должны создавать видимость наличия в стране республики и демократии. Как отмечалось выше, он систематически проводит ритуалы выборов в органы власти. Поддержание слабой оппозиции, манипуляция сознанием населения, контроль за проведением голосования и подсчетом его результатов позволяет административному классу почти всегда получать такие результаты голосования, какие ему нужны. В 2012 г. правящая группа отказалась от прямого назначения глав регионов и вернулась к имитации их выборов. Практика показывает, что ни разу наместник Правительства, назначенный в провинцию, не потерпел фиаско. Политическая пассивность и наивность населения России позволяет применять достаточно простые формы обмана. В Иране сегодня применяется более хитрая модель. Там руководство страны предлагает населению самому решить, кому оно отдаст предпочтение из двух кандидатов в президенты, назначенных сверху рахбаром. Населению действительно предоставляется выбор. Назначенные сверху кандидаты ведут не шуточную борьбу за электорат.

Свою пропагандистскую деятельность административный класс с советских времен успешно выдавал за гласность работы органов власти и должностных лиц. В СССР чиновники должны были выходить в трудовые коллективы и рассказывать, как они замечательно работают. Сегодня они используют для этого Интернет.

Правитель, в соответствии с нормами Конституции РФ добросовестно передал должность Президента РФ своему помощнику в 2008 г. Власть над страной он, конечно, никому не передавал.

Игра с чужими для России словами имеет два назначения. С одной стороны доказывается, что наше государство и общество тоже цивилизованное. С другой стороны удается девальвировать ценности, стоящие за этими словами. Демократия отождествляется с охлократией и наделяется всеми негативными свойствами, которые присущи последней. Либерализм отождествляется с хаосом и на него навешиваются все последствия беспорядка в стране (1990-е гг.). На Федеральное Собрание России наклеивают ярлык «парламент», а затем, со ссылкой на общественное мнение, доказывают, что России не нужен парламентаризм.

5. Более тонкие способы обмана населения и юридической общественности поручаются высококлассным юристам. Наши судьи Конституционного Суда постоянно путают право и свободу. Конечно, только узким специалистам известно, что декларация свободы в Конституции означает применение общедозволительного типа правового регулирования. Т.е. граждане могут делать все, что прямо не запрещено в целях реализации интересов других лиц. Если закон указал, каким путем можно реализовать свободу (установил «коридор», по которому может ходить субъект), то он устранил эту свободу, подменив ее правом на какой-то ограниченный перечень действий. Последнее называется разрешительным типом регулирования (можно только то, что разрешило государство). Первый тип регулирования характерен для правового государства. Второй – для полицейского. Российский законодатель повсеместно устраняет свободу и заменяет ее правом на какие-то действия (это относится к законам об общественных объединениях, о политических партиях, о праве собираться мирно, о праве выбирать в орган власти). Судьи Конституционного Суда признают эту мошенническую подмену свободы правом на какие-то действия вполне конституционной.

Иногда создается впечатление, что наши судьи Конституционного Суда, являющиеся докторами юридических наук, забыли, чему их учили на первом курсе юридического факультета. Если студент юрист не скажет на экзамене, что первейшим признаком государства является его суверенитет, то он получит неудовлетворительную оценку. Но судьям Конституционного Суда ставит оценку за их работу Президент РФ и его Администрация. Поэтому в одном из своих Постановлений они заявили, что не смотря на то что субъекты Федерации не раз в Конституции РФ называются государствами, никакого суверенитета у них нет.

Чуть-чуть краснея, судьи Конституционного Суда изменяют свои взгляды на понимание Конституции РФ в зависимости от того, что сегодня выгодно Правителю. В одном решении Суда они заявили, что региональные представительные органы не могут участвовать в назначении на должность губернатора, что он, как и Президент РФ, должен избираться населением. Но когда мнение Правительства на этот счет изменилось, на судей Конституционного Суда тоже «сошло просветление» и они заявили о смене своего мнения по поводу того, что написано в Конституции.

Судьи Конституционного Суда в нескольких своих решениях показали, что они обладают сверхострым зрением и видят в Конституции РФ то, чего там не написано. Нетрудно догадаться, что они увидели не написанные, но скрытые между строк текста Конституции необъятные полномочия Президента РФ. Как бы он не расширял свою власть – все оказывается соответствующим нашей «резиновой» Конституции.

6. Конституция РФ требует от государственных органов и должностных лиц, чтобы вся их деятельность была направлена на обеспечение прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 18). Однако мы видим, что их деятельность часто нацелена на поддержание собственной власти. Цинично нарушается не только Конституция, но и уголовный закон. В начале 2000-х гг. в России была проведена кампания по захвату государством основных каналов распространения информации. Автор считает, что организаторы и исполнители этой кампании фактически злоупотребляли своим служебным положением, превышали свои полномочия и должны быть привлечены к уголовной ответственности. К такого же рода преступной деятельности следует отнести проводимую с 2006 г. кампанию по ликвидации не устраивающих административный класс общественных объединений. В результате ее государству удалось в основном пресечь процесс роста сильного гражданского общества в России. Н. Бердяев точно определял, что «государство почти не может жить без преступлений, оно легко становится организованным, планомерным преступлением, чудовищем, пожирающим человеческие жизни, требующим кровавых жертв, не знающим пощады и милости. Отвлеченная, самодовлеющая государственность была не организованной борьбой со злом, а скорее организованным злом, организацией злых сил, насильнических и кровожадных»¹⁶⁵.

Как и в советские времена, нам доказывают, что только «кое-кто, кое-где у нас порой честно жить не хочет» и нарушает российскую Конституцию. Но недостатки, естественно, будут успешно устранены.

Издевательством над идеей законности является наглая избирательная правоприменительная практика в России. Прокуроры Куролесычи (подобные тому, что описал М.Е. Салтыков-Щедрин в сказке «Недреманное око») продолжают править Россией. Своим

¹⁶⁵ Бердяев Н.А. 1999. Новое религиозное сознание и общественность. – М. – С. 113.

«недреманным оком» они враз находят нарушения в «Макдональдсе», как только начинаются конфликты с США. Конфликты со странами Прибалтики приводят к обнаружению чего-то несъедобного в их консервах. При конфликтах с Молдавией в молдавских яблоках обнаруживается какой-то страшный червь. Естественно, в сторону высокопоставленных лиц, вроде министра обороны, у современного Прокурора Куролесыча глаз не смотрит: «Где мздоимцы? Какие лихоимцы, никаких я мздоимцев не вижу! Это вы нарочно, такие-сякие кричите, чтобы авторитеты подрывать» – ворчит он¹⁶⁶.

Использование законов административным классом для реализации своих личных и групповых интересов поддерживает неуважение к закону вообще у всего населения. Оппозиции, не имеющей возможностей законным способом бороться за власть, не остается другого выхода, как действовать, нарушая установленные законы. Правящая группа сама ведет страну к революции. Это, впрочем, является уже привычной дорогой России.

7. Гражданское общество осознает, что оно само должно защищать свои права и свободы. Задача российских мошенников – доказать населению страны, что оно может спать спокойно. Правитель, подчиненные ему органы государства стоят на страже интересов населения. Ему не нужно объединяться, не нужно создавать партии, тем более не нужно выходить на улицы с какими-то требованиями. «Добрый и мудрый царь» все видит и твердой рукой ведет корабль России в светлое будущее. В крайнем случае, можно написать жалобу на начальство вышестоящему начальству или потребовать что-то через суд.

Много усилий идеологический аппарат государства прилагает к тому, чтобы опорочить западные ценности свободы, демократии, справедливости. Отечественные пропагандисты пытаются доказать населению, что вся западная культура сводится к гомосексуализму.

8. Профессиональный лжец должен уметь прикрыть всю свою деятельность высокими идеями стремления к миру, справедливости, какой-то великой миссии, гуманизму, патриотизму. Свою лисью натуру надо уметь прикрыть, – учил Н. Макиавелли – «надо быть изрядным обманщиком и лицемером», чтобы дурачить простодушное и занятое своими личными делами население¹⁶⁷.

¹⁶⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. 1987. Избранное. – М.: «Правда». – С. 399-403.

¹⁶⁷ Макиавелли Н. 1982. Избранные сочинения. – М. – С. 351-352.

Наивысшим взлетом цинизма можно считать принятие закона о запрете американцам усыновлять детей инвалидов из детских домов России. Тысячи детей сейчас будут гнить заживо на койках в домах инвалидов, никогда не узнав, что такое мама и папа. И вся эта подлость прикрыта высокими словами о патриотизме и гуманизме. Наивное и жестокое население в большинстве своем поддержало этот антигуманный закон.

Россией правят бывшие шпионы. Они привыкли осуществлять все свои действия под каким-то прикрытием. Устранение свободы слова в начале 2000-х гг. осуществлялось под прикрытием хозяйственных споров. Рейдерские захваты чужого имущества производились под лозунгом борьбы с олигархами. Уничтожение ростков гражданского общества шло под разговоры о борьбе с иностранными шпионами. Убийство в сентябре 2004 г. террористами детей в Беслане было цинично использовано как повод для лишения граждан права выбирать глав регионов.

Путин правит Россией пятнадцать лет, и видимо, не оставит ее без своего покровительства до самой смерти, естественно, не из стремления к власти, а единственно из желания принести ей благо. Он окружил себя своими друзьями юности единственно только потому, что они сплошь оказались гениями.

Социологические опросы показывают, что созданная в современной России идеологическая машина лжи является гораздо более эффективной, чем та, что была создана в нацистской Германии и в советской России. Хотя пока она работала в условиях роста жизненного уровня, связанного с высокими ценами на нефть и газ. Посмотрим, как она будет работать в условиях падения жизненного уровня населения. Сможет ли она, как громоотвод, отводить негативную энергию населения от правящей группы и ее вождя?

Обманывать население в правовой области гораздо легче чем, например, в экономической. Большинство не обладает достаточной правовой культурой и можно легко «черное» выдавать за «белое» и наоборот.

Вызывает сомнение, можно ли обман населения в правовой сфере называть цинизмом. Словарь русского языка говорит, что цинизм – это нарушение общепринятых норм. Но в России общепринятой является не честность, а обман. Население само, как маленький ребенок, требует, чтобы ему «рассказывали сказки», про «доброе царя», про «молочные реки с кисельными берега-

ми», которые у нас возникнут, если мы дадим ему абсолютную власть. Часто люди не хотят знать горькой правды. Они стремятся жить в мире иллюзий, прибегая, кроме государственной лжи, к таким искусственным мерам как алкоголь и наркотики. Высокопоставленный обманщик, если его уличили во лжи, не испытывает чувство стыда. Он лишь досадует, что обман не удался. При этом его поддержка населением не уменьшается.

Лживая правовая политика становится закономерным явлением жизни в условиях, когда массы уже приобрели силу, но еще не научились думать и отличать ложь от правды (подростковый возраст). Разного рода государственные авантюристы используют их для достижения своих эгоистических целей.

Цинизм административного класса России порождает надежду, что население России постепенно начнет прозревать и перестанет делать ставку в развитии страны на государственный аппарат. Когда-то до него дойдет, что страну должно двигать вперед сильное гражданское общество, а не чиновники.

М.С. Константинов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Александр Валентинович Оболонский вчера совершенно верно заметил, что существуют важные различия между бытовым цинизмом, и цинизмом политическим, а также между древней философией киников, и современным политическим цинизмом. Я не буду повторять описанные Александром Валентиновичем различия, отмечу лишь ещё один очень важный момент, позволяющий отличить современный политический цинизм от всех других его форм, обозначенных выше. Специфика политического цинизма, на мой взгляд, состоит не просто в демонстративном отрицании общепринятых моральных норм, но в манипулировании моральным чувством сограждан в достижении прагматических политических целей. И самой опасной формой этого цинизма является оциничивание – под различными псевдоморальными предложениями – самого общества, когда представители этого общества получают индульгенцию на демонстративно аморальное поведение по отношению к некоторым категориям людей, к которым моральные нормы якобы неприменимы. Либо потому, что они собственным аморальным поведением сами себя сознательно вывели за рамки применимости моральных норм, либо они (внеморальны) таковы от рождения и т. д.¹⁶⁸

¹⁶⁸ Этот приём противопоставления «их морали и нашей» далеко не нов (Троцкий, 1990, 105–126).

Я попытаюсь применить методологию интегративно-когнитивистского подхода¹⁶⁹ в анализе стратегий российско-украинской информационной войны, развернувшейся в конце 2013 г. и продолжающейся с различной степенью интенсивности и накала по сей день. Суть этого подхода состоит в исследовании моральных фреймов, определённым образом организующих влияние идеологических концептов на восприятие и осмысление акторами актуальных политических проблем и, как следствие, на их мотивацию и целеполагание в политической деятельности. Это влияние выражается в следующих функциях моральных фреймов: долженствования, ориентации в политическом пространстве, групповой идентификации, коммуникации и т. д. Не вдаваясь в детали, скажу, что в самом общем виде фрейм можно определить как рамки, которые задают смысловое определение ситуации. И, соответственно, определение и переопределение этих рамок есть одна из ключевых целей пропаганды и информационной войны. Следует сразу оговориться, что ни юридические (будь то вопросы легальности передачи власти на Украине, прав граждан, (военно)пленных и т. д.), ни фактологические вопросы не были предметом моего доклада. Меня интересовало исключительно информационное освещение событий в медийном пространстве. Так, у нас нет данных о военной поддержке Россией самопровозглашённых Донецкой и Луганской народных республик. Однако факт наличия информационной поддержки этим республикам со стороны России навряд ли кто-то станет оспаривать.

Многие журналисты, публицисты и аналитики уже обращали внимание на то, что главным препятствием для реализации информационной войны между Россией и Украиной стало глубоко укоренённое представление о единстве украинского и русского народов, об их общей исторической судьбе. Преодоление этого препятствия осуществлялось посредством дегуманизации противника, придания ему нечеловеческого образа с целью уменьшить давление моральных запретов, лишив моральные фреймы объекта приложения. Так, с одной стороны конфликта широкое распространение получили такие

¹⁶⁹ В основу доклада положен интегративно-когнитивистский подход к анализу моральных фреймов политических идеологий, разработанный С.П. Поцелуевым, М.С. Константиновым, Т.В. Беспаловой и И.В. Николаевым (Поцелуев, Константинов, 2013, 61–64). Данный подход предполагает комплексное изучение взаимообусловленности политической морали и идеологии, которое реализуется посредством сочетания методологии деятельностного и концептологического подходов, а также фрейм-анализа.

наименования пророссийских активистов, как «колорады» и «ватники»; с другой стороны – «укропы», «бандерлоги» и т.д. Однако действенность подобной «дегуманизации» вызывает сомнения. В конфликте приходится сталкиваться с реальными людьми, а не с мультяшными «колорадскими жуками» или «укропом». Сам накал противостояния говорит о том, что информационная война затронула гораздо более глубокие пласты сознания или, если угодно, «менталитета» противоборствующих сторон, чем это предполагает использование инвективов, вроде «колорады» или «укроп».

Следует иметь в виду, что одним из ключевых отличий информационной войны от PR-кампаний и рекламы является навязывание чуждых целей, изменение на самом глубоком уровне целеполагания. Чтобы воздействовать на этот уровень, задача пропагандиста не может свестись к вбросу в медийное пространство инвектив и мультяшных образов, но должна предполагать подбор значимых и символических фактов и событий (или их конструирование), актуализирующих в массовом сознании определённые концепты и закрепляющих ассоциированные с этими концептами моральные фреймы («фашистский оккупант» – агрессивный, трусливый, алчный, эгоистичный и т.д.; «воин-освободитель» – благородный, мужественный, добрый, щедрый, способный к самопожертвованию и т.д.). И, действительно, анализ позволяет выявить несколько таких стратегий, использованных в рассматриваемой информационной войне.

Уже на самом раннем этапе противостояния в российских СМИ были актуализированы несколько базовых концептов, которые вызвали в коллективной памяти моральные фреймы, негативно характеризующие сторонников Евромайдана («майданунов»). Сам процесс отрешения Виктора Ф. Януковича от власти преподносился российскими СМИ не просто как «фашистский» переворот, но и как предательство по отношению к России и её народу, по отношению к коллективной «славянской» идентичности и к исторической памяти, одним из ключевых нарративов которой выступала история совместной победы над европейским фашизмом.

Термин «хунта», использовавшийся для характеристики временного правительства на Украине наделялся специфическим для этого термина моральным смыслом предательства «истинных» («исторически сложившихся») интересов народов Украины и России, а также продажности, политической беспринципности,

бесчестности, аморальности и даже сексуальной невоздержанности и извращённости (особенно симптоматичны в этом плане два «документальных» фильма «Принцесса у парашюта» и «Фурии Майдана: секс, психоз и политика», транслировавшиеся по телеканалу «НТВ» 29 марта и 19 апреля 2014 г.).

Демонстративная апелляция украинских властей к политикам США и Европы и стремление Украины ассоциироваться с ЕС привели к тому, что когнитивная матрица, активно навязывавшаяся в последние годы российской пропагандой по отношению к американцам и европейцам («наглые», «хитрые», «бездуховные», «аморальные», «извращенцы», «пендосы», «растлевающий Запад», «Гейропа» и т.д.) была спроецирована на сторонников «Евромайдана». Однако эта матрица приобрела и некоторую специфику: все перечисленные качества преподносились как вторичные, заимствованные, как следствие неумелого подражания заблудших и обманутых украинцев, порождённого временным помутнением рассудка и ослеплением ложными миражами европейского благополучия. Вполне естественно, что идея подражания, безумия и ослепления отсылает нас к поведению обезьяны, которая после прыжков и ужимок оказывается загипнотизирована песнями кипплинговского Каа.

Эта идея закрепляется в образе «скачущего на Майдане бандерлога», который дал себя одурачить хитрым европейским политикам и готов фактически «продать страну» «за печенки Виктории Нуланд». Популярность, которую получил в рунете ролик с кричалкой «Евромайдана» «Хто не скаче, той москаль», тому лишнее подтверждение. Понятно, что здесь есть отсылка также к истории колонизации Америки, к бусам, зеркалам и наивным аборигенам, но на этом я уже останавливаться не буду. Российское же общество в этой матрице представлялось как островок стабильности, духовности, традиционных моральных ценностей, вековой мудрости и великодушия: «Мы-то уже пережили ослепление 90-х гг. и хорошо знаем, чего стуют посулы и обещания американцев и европейцев! А вот наивные хохлы, напившись майдауновского чаю с наркотиками, совсем сбрендили и их нужно лечить». Определённое значение в этом контексте имело бескровное присоединение Крыма к России, позволившее противопоставить «кровавый Майдан» и «скакавших на нём бандерлогов», которые демонстрировали свою жестокость, бросая «коктейли Молотова» в сотрудников «Беркута», — «вежливым

зелёным человечкам», обеспечивающим порядок при проведении референдума в Крыму.

Что здесь наиболее важно? То, что вероломное коварство коллективного «Запада» (и прежде всего, «заклятого партнёра» России – США), которое ослепило, свело с ума и заставило «скакать на Майдане» братский народ, было воспринято не просто как акт агрессии, но на гораздо более глубоком – экзистенциально-цивилизационном уровне – как братское предательство, попирающее самые основания морального фундамента и единства «русского мира». У Александра Зиновьева в книге «Гомо советикус» есть замечательная мысль о неприменимости моральных критериев к советскому обществу (и Лев Дмитриевич об этом вчера говорил), поскольку советский человек был поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума, необходимого для практической применимости норм морали. Продолжая эту мысль, можно сказать, что драма, которая разворачивается на Украине, усилиями российских СМИ была представлена как покушение на самые фундаментальные основы существования российского общества или, если угодно, русской цивилизации, что с необходимостью снимало моральные барьеры в борьбе за выживание.

Если общество ощущает угрозу собственному выживанию, культурно-цивилизационным основам своего существования, оно оказывается поставлено ниже той грани, о которой говорил Александр Зиновьев. И здесь важно не столько то, насколько реальны эти угрозы. Гораздо важнее абсолютно циничная готовность российских властителей дум в угоду сиюминутной политической конъюнктуре превратить заурядный, в общем-то конфликт в цивилизационное противостояние, с нагнетанием истерии по поводу «фашистов-бендеровцев», «пятой колонны» и т. д. Фактически, именно российские СМИ выдали индульгенцию и власти, и простым россиянам на самое циничное поведение в отношении реальных или мнимых участников рассматриваемого конфликта. Произошло то, что Петер Слотердаjk по отношению к Веймарской Германии назвал «превращением рефлексивно-цинического настроения общества в агрессивное и демонстративное... Веймарский мир стал продолжением войны другими средствами».

И здесь аналогии в некоторой степени уместны: российское общество усилиями медиа действительно оказалось в состоянии продолжения холодной войны. Болезненные воспоминания о

поражении, о предательских 90-х гг. компенсируются активной мифологизацией победы во Второй мировой войне, вызывая желание реванша, повторения великих побед и возрождения военной мощи страны. Этим объясняется и терпимость по отношению к «антисанкциям», готовность к определённым жертвам. Поэтому одним из самых эффективных методов, доказавших свою действенность, стал метод эксплуатации коллективной памяти о Великой Отечественной войне (далее – ВОВ) посредством транспонирования фреймов из героического прошлого.

Особенно яркими примерами являются концепт долга, ассоциированный с фреймами ответственности перед поколением ветеранов ВОВ («деды воевали»), воинского благородства и мужества («русские своих не бросают», «триста стрелковцев» вставших на защиту мирного населения), бесхитростной простоты и близости к народу («народные республики», «народные губернаторы», «народное ополчение» – медийные образы «Мотороллы» и «Гиви») и противопоставляемый ему концепт предательства, конкретизирующийся во фреймах коллаборационизма («каратели», «полицаи», «печеньки Нуланд»; в России — «пятая и шестая колонны»). Противопоставления визуализированы и маркированы различными цветами, символизирующими добро, жизнь, спасение, с одной стороны, и смерть, агрессию, алчность и жестокость с другой: «зелёные человечки» («вежливые люди») — «чёрные человечки» («нацгады»).

Особенно ярко эффект транспонирования фреймов ВОВ проявил себя в двух «парадах», прошедших практически в одно и то же время — в Киеве и перформансе «парада», проведённого 24 августа 2014 г. в Донецке. Символически и концептуально воспроизвёл «Парад побеждённых» в Москве 17 июля 1944 г. В рамках этого действа закреплялось противопоставление «антифашистского» ополчения «наёмникам» и «карателям, бомбящим мирных жителей». Особенно удачно обыгрываются бомбардировки жилых кварталов городов Донбасса, поскольку ассоциируется одновременно и с гитлеровскими бомбардировками городов, и с бомбардировками Дрездена союзниками, и с атомными бомбардировками японских городов Хиросимы и Нагасаки (1945 г.). Звучавшая во время «парада» культовая песня «Вставай, страна огромная!» символизировала «восставший против фашистской хунты народ», а поливальные машины,

следовавшие за пленными, очищали землю Донбасса от грязи, оставленной нацистскими сапогами.

Нарастание противостояния (знаковые события: Курсуньский погром, снайперы на Майдане, пожар в «Доме профсоюзов», начало АТО, события 2 мая 2014 г. в Одессе и т. д.), соответствующее медийное сопровождение этих событий – от одностороннего освещения реальных фактов до откровенной лжи по поводу «распятых мальчиков в трусиках» и «изнасилованных эпилептических старушек» – только усиливали эту уверенность и накаляли страсти. Достаточно сказать, что есть целый ряд интервью с добровольцами из России – участниками вооружённого сопротивления на Донбассе, где в качестве толчка, капли переполнившей чашу, называются события 2 мая 2014 г. в Одессе. Эта трагедия, каковы бы ни были её реальные причины, в глазах российского обывателя окончательно поставила «другую сторону» конфликта за рамки добра и зла.

И речь идёт не только о самых явных проявлениях цинизма, таких как отвратительнейшая реакция некоторых журналистов и озлобленного общества на смерть Валерии Новодворской, гибель сына Сергея Иванова, сына Виктора Януковича или символичное, на фоне Кремля убийство Бориса Немцова. Ещё пару лет назад всё это было бы просто невозможно. Однако это то, что на поверхности и бросается в глаза. Гораздо важнее, на мой взгляд, менее очевидные вещи. Например, отношение российского общества к поступку актёра Михаила Пореченкова: мало кого смутил сам факт эдакого «сафари» с целью пострелять в людей, которые ещё вчера считались братьями (а ведь моральную тупость в этом отношении довольно легко объяснить, учитывая героизацию ополченцев-добровольцев из России: ведь если осуждать Пореченкова, то придётся осудить и их, тех, кто пишет в своих блогах «йду мочить хохлов»). Возмущение было только по поводу использования Пореченковым символики «Пресса», что потенциально может нести угрозу российским журналистам.

Но ещё более опасна терпимость общества к практикам достижения пусть даже и морально оправданных целей любыми средствами. В российском обществе произошёл некий серьёзный надлом, результатом которого стало всеобщее моральное отупение, абсолютное безразличие к любым, самым циничным действиям участников конфликта, будь то вовне или внутри. Когда можно обвинить мать семерых детей в предательстве Родины, оторвать её от грудного младенца, увести в другой город, и мало у кого этот

факт вызовет моральное негодование. Когда можно устраивать самую настоящую травлю актёров, музыкантов, оппозиционных политиков и журналистов по федеральным каналам, и никого уже не смущает ни откровенное враньё, которое используется в этой травле, ни тот цинизм, с которым она совершается. И т. д. Особенно показательно здесь понимающее приятие (по принципу «я сам обманываться рад», если результатом этого самообмана будет то, что «мы им показали») «лжи во имя...» со стороны российской власти во время крымских событий. Сначала Россия устами её Президента, министра обороны и министра иностранных дел заявляет, что российских войск в Крыму нет, а вооружённые «зелёные человечки» – это местные добровольцы, купившие оружие «в военторге». Затем через пару месяцев признаётся, что это были российские войска, но те, которые разрешены договором с Украиной. И, наконец, апофеозом стал фильм Андрея Кондрашова «Крым. Путь на Родину», показанный 15 марта 2015 г. по телеканалу «Россия», в котором президент уже прямо говорит о военной операции, использовании (во имя благих целей, естественно!) сил специального назначения на территории другой страны и т. д. И мало у кого эта ложь и последующая бравада по поводу её успешности вызвали моральное негодование. Типичная реакция: «Американцам можно, а нам нельзя? Бандерлоги людей сжигали, насиловали, убивали и т. п.».

Придание конфликту усилиями медиа экзистенциального статуса сняло моральные ограничения и стало оправданием откровенно циничного поведения как представителей российской власти, так и российского обывателя. Поразительно не то, что подобное вообще стало возможным – учитывая мощь современных медийных технологий и средств манипуляции, это не вызывает удивления, – но то, с какой скоростью это произошло и какой тонкой оказалась связь между украинским и российским народами, грань между цивилизацией и варварством.

Список литературы:

Поцелуев С.П., Константинов М.С. 2013. Интегративно-когнитивистский анализ моральных фреймов политических идеологий // Философия права. № 6(61). С. 61–64.

Троцкий Л.Д. 1990. Их мораль и наша // Вопросы философии. № 5. С. 105–126.

Н.А. Кравцов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ УБОЖЕСТВО

Истоки цинизма в политике обычно рассматриваются с нескольких точек зрения. Прежде всего, в его основе видят преувеличение утилитаристского подхода к политике, доходящее до принятия формулы «цель оправдывает средства». Доктринальным выражением такого подхода, как правило, считается учение Н.Макиавелли и его последователей.

Другая основа – преувеличенный элитаризм. Представители политической элиты просто не считают чем-то обязательным соблюдение определенных принципов, и в этой необязательности видят один из признаков, собственно, принадлежности себя к элите. Причем, что особенно справедливо в отношении российской политики, представители не только правящего круга, но и высшие круги оппозиции (по крайней мере, системной) также относят себя к элите общества, и действуют по аналогичным поведенческим клише.

Ещё одной основой считается аморализм современной политики, как ее руководящий принцип. Рядом с ним следует поставить фактическое безбожие политиков, которые в подавляющем большинстве, не стремятся «собирать сокровищ на небе», но целиком преданы любоначалию и сребролюбию, и не задумываются о том, какую оценку лжи дают мировые религии.

При этом почти полностью игнорируется постановка вопроса о эстетической (или, если точнее – антиэстетической) составляющей политического цинизма.

Эстетический подход к социальной философии был весьма распространен в философии предыдущих веков и, в особенности – в философии древности. В современном же мире мы видим ката-

строфическое падение эстетизма, как жизненного принципа вообще и эстетического подхода к социальным явлениям, в частности.

Все реже даже в бытовом лексиконе используются такие понятия, как «прекрасный поступок», или «некрасивый поступок». Задумаемся, когда в последний раз довелось слышать мать, или отца, говорящих ребенку: «Перестань! Это некрасиво!». Тем менее распространены такие конструкции в лексиконе социальной науки.

Утилитаризм современной политики, определённым образом, приобретает особый смысл. Если старые формы утилитаризма, по крайней мере в теории, предполагали приоритет принципа общественной пользы (Каутилья, Макиавелли, Бэкон, Бентам и др.), то теперь политический утилитаризм, несмотря на всю демагогию и красноречие современных политиков, предполагает, прежде всего, принцип пользы правящей элиты и высокопоставленной системной оппозиции.

Если перед этим циничным утилитаризмом бессильна мораль, если его уже почти не способно ограничить право, если перед ним беспомощна религия, то его тем более не в состоянии ограничить эстетика, в особенности эстетика нынешняя – слабеющая и склонная к упрощению норм.

Современность – время кризиса эстетики и художественного вкуса. Тем более, невозможно говорить о существовании в какой-либо из стран качественной системы эстетического воспитания народа. С этой точки зрения современные политики – плоть от плоти современных народов, всё более впадающих в эстетический примитивизм.

В определенном смысле, негативную роль сыграл отход от сословного принципа организации общества, несмотря на все его очевидные недостатки. Когда этот принцип действовал, представители правящей элиты с детства погружались в обстановку особой эстетической нормативности. Большое значение придавалось эстетике поведения. Зачастую речь шла об обязательном воспитании художественного вкуса. Это, вместе с религиозным воспитанием и сословным кодексом чести, ограничивало проявления цинизма вообще и политического цинизма в частности. Вред нанес и ложно понимаемый демократизм, ставший официально руководящим принципом значительной части современного мира. Выйдя за рамки политики, распространившись на прочие сферы жизни, он привёл к упрощению эстетических норм.

Современный политик, как правило, не интеллигент — ни по образу мысли, ни с точки зрения эстетики поведения. Интеллигенция (здесь подразумевается, конечно, слой населения с особой духовной организацией, а не лица, работающие в определенной сфере, как это теперь часто подразумевают) всё более дистанцируется от политики, а политики придают интеллигенции всё меньшее значение. Современное образование, включая высшее, уже не гарантирует ни интеллигентности, ни развитого художественного вкуса.

В итоге, если современный политик ещё способен оценивать свои действия с нравственной точки зрения, то уж точно уже не может оценивать их с точки зрения эстетической. Однако не следует считать, что всему виной эстетический примитивизм только самих политиков. Одна из опор политического цинизма — эстетический примитивизм большинства населения. Народ тоже способен оценивать действия политиков с нравственной или религиозной точек зрения, но уже не оценивает их эстетически.

Бесспорно, эстетические нормы в современном мире, в отличие от древности — наименее эффективный из социальных регуляторов. Однако это, пусть и слабый, но всё же регулятор. И его кризис всё же предоставляет большую свободу для распространения социального негатива вообще и политического цинизма в частности.

Конечно, политический цинизм проявлялся и в те эпохи, когда значение эстетических нормативов было несоизмеримо большим, чем теперь. Однако, нельзя не заметить того, что, чем сильнее развивался эстетический примитивизм, тем более распространялся и цинизм, дойдя сегодня практически до политической нормы.

Старинные проявления политического цинизма, легко заметить, были часто связаны с проявлениями кризиса эстетики, или с повышением социальной роли эстетически малоразвитых слоёв общества. Не случайно один из теоретиков и апологетов политического цинизма, Макиавелли, творил в городе-республике, где большую политическую роль играли буржуазия и плебс. Вообще, одна из причин всплеска политического цинизма в эпоху Возрождения это проникновение эстетически менее развитой, в сравнении с дворянством, буржуазии во власть.

Известные своим цинизмом правители, если верить историческим свидетельствам, как правило, отличались неважно разви-

тым, или искажённым эстетическим вкусом. Дурновкусие отличает и современных политиков. Более того, можно сказать, что в проявлении цинизма политики, а порой и население, стали находить определённую эстетическую привлекательность. Цинизм зачастую смешивают с целеустремлённостью, политической волей, нравственной и политической автономией, и находят в этом нечто прекрасное и достойное.

Эстетическая составляющая, повторим, не является краеугольным камнем ни социального негатива и политического цинизма. Однако в ироничной фразе Конан-Дойля «дурной вкус ведёт к преступлению» есть чарующий отблеск истины.

Е.Г. Трубина

«ПО БОЛЬШОМУ»: ГОРОДСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И ВЛАСТЬ НАД ПРОСТРАНСТВОМ

*«Это та “великая”, в которой 30 млн до сих пор с[...] на улице
и не имеют канализации?»
(твит Елены Михайловой, 15 марта 2014 года)*

Функционирование городской инфраструктуры сопряжено с вещами, которые обсуждать неудобно и не принято. Иные смельчаки - авторы популярных книг, хоть и находят благодарных читателей, но все же смущены тем, что посвящают книги, например, «неупоминаемому миру человеческих отходов»¹⁷⁰. О последних, однако, упрямо вспоминали в дискуссиях многие украинцы и русские зимой и весной 2014 года. Вспоминали метафорически¹⁷¹ и буквально. Сведения о состоянии канализации в России,

170 George R. 2008. *The Big Necessity: The Unmentionable World of Human Waste*. - Metropolitan Books.

На сайте Amazon, внеся в поисковик эту книгу, можно увидеть, сколь обширна сегодня коллекция популярных книг на похожие темы.

171 К примеру, журналист Александр Морозов на своей странице в Facebook дал такую характеристику современных российских масс-медиа: «Товарищи авторы сидят в политическом режиме по горло в говне, им скоро ограничат доступ в интернет, на троне сидит агрессивный сумасшедший и они “озабоченно” разбирают недостатки “переходного правительства” соседней страны... Очевидно, что эти авторы являются частью “системы производства говна”, в котором они и все мы сидим». Обычно сдержанный в выражениях политолог Владимир Гельман там же выкладывает пост, обманчиво-академически названный ...: «Essentials of Russian foreign policy» и заявляет, что «Современная российская внешняя политика сводится к трем компонентам: 1. поднасрать Западу не по-крупному, но так, чтобы сильно воляло; 2. обосраться самим и обосрать всю Россию с головы до ног; 3. врать всем и самим себе, что Запад обосрался сам, а Россия его обосрала с головы до ног (19.03. 2014)». Тем зарубежным читателям, что не следят пристально за перипетиями российской политики и считают, что вправе рассчитывать на более солидные медиа-ресурсы, используемые, как прави-

как явствует из «твита», вынесенного в эпиграф, использовались для критического оспаривания имперских претензий правительства страны, либо иллюстрации традиционалистского, архаического крена, заметного в культурной (и не только) политике. Золотой унитаз поверженного украинского президента, став предметом «квеста» любопытствующих в его резиденции в Межигорье¹⁷² быстро превратился в мем наряду с другим специфическим объектом складской инфраструктуры – шубохранилищем главы Российских железных дорог Якунина и прочими эмблемами «экссессов» сильных мира сего. В обсуждении геополитического конфликта редко фигурировали технологические прорывы, по части которых обе страны вряд ли могут чем-то похвастаться. Неслучайно жалобами на плохое состояние соответствующих (а также всех других труб) труб переполнена Сеть обеих стран¹⁷³.

Бессмысленность позолоты на самом, вероятно, функциональном предмете обихода, волонтеры-киевляне, уводившие стоявших на Майдане домой помыться, фотографии покосившихся домиков и удобств на улице, сделанные в российской глубинке, активно циркулирующие в Сети, пока идут дебаты по поводу Крыма и возможной войны – все это фрагменты продолжающегося исторического сдвига, не самые значимые, но важные для тематического блока о городской инфраструктуре. Многие книги и статьи об этом ключевом измерении городской жизни написаны ретроспективно¹⁷⁴, подытоживая воздействие модерности и капитализма на строительство электро-, гидро- и прочих сетей. Между тем нераз-

ло, для подтверждения выкладок автора, хочу напомнить, что все независимые медиа в России закрыты либо переформатированы.

172 Аронец А., Коваленко О. *В поисках золотого унитаза, или Экскурсия по резиденции Януковича в Межигорье*. - Доступ: <http://news.tut.by/world/387941.html> См. также здесь: <http://fakty.ictv.ua/ru/index/view-media/id/55658> и здесь: <http://chechenews.com/world-news/russia/16705-1.html>

173 «В Киевсовете потоп». - Доступ: http://gazeta.ua/ru/articles/politics/_v-kievsovete-potop/534925; «Этот город в говне: район Хабаровска уходит под канализацию». - Доступ: <http://andrey-che.livejournal.com/2702701.html> (2013-08-27); «Ад русских больниц». - Доступ: <http://uglich-jj.livejournal.com/62312.html> «Приглашаем рожать в Россию». - Доступ: <http://uglich-jj.livejournal.com/63105.htm>

174 В истории городов есть особая школа историков городской инфраструктуры. См. напр.: Goldman J. A. 1997. *Building New York's Sewers: Developing Mechanisms of Urban Management*. - West Lafayette (IN); Keating A. N. 1994. *Invisible Networks: Exploring the History of Local Utilities and Public Works*. - Malabar (FL); McKinney H. A. 1995. *The Development of Local Public Services, 1650-1860*. - Westport (CT); Melosi M. V. 2000. *The Sanitary City: Urban Infrastructure in America from Colonial Times to the Present*. - Baltimore; Rose M. 1995. *Cities of Light and Heat: Domesticating Gas and Electricity in Urban America*. - University Park: Pennsylvania State University Press.

витость городской инфраструктуры фигурирует в недавних сетевых дискуссиях как дополнительное подтверждение безобразий молодого восточно-европейского авторитарного капитализма. Если говорить более абстрактно, эта неразвитость иллюстрирует неравномерность распределения ресурсов в организации эффективного обмена веществ между окружающей средой и городом, между человеческим и не-человеческим (то есть, техническим и природным). «Обмен веществ» – это биологическая метафора, сообщающая опосредуемым инфраструктурой процессам видимость автоматизма. В городских обменах, однако, не все усваивается и выводится, не все идет на пользу. А если и идет на пользу, то не всем. С одной стороны, удручающий разрыв в характере доступа привилегированных и не очень украинских и русских людей к «удобствам» (здесь я имею в виду отнюдь не только канализацию) встраивает истории городов наших стран в общую историю развития городской инфраструктуры в модерности. С другой стороны, контраст между изобильными золотом резиденциями властителей и безнадежностью провинциальных клоак у нас настолько велик, что заставляет вспоминать об Индии, а не об Индианаполисе. Абсурдность территориального захвата, за который будет заплачено не только отключением граждан от информационных, финансовых и коммерческих глобальных сетей¹⁷⁵, но и географической «запертостью» больших групп людей рядом с теми удобствами, на которые хватило их немногих средств, настолько бесповоротна, что мы только еще ищем язык описания инфраструктурных аспектов разворачивающейся исторической драмы. В этой статье я поведу речь о перекличках между той частью городской инфраструктуры, которая связана с циркуляцией воды и воздуха, и политико-культурным воображением, обращаясь к избранным страницам истории городов и к идеям Петера Слотердайка, Мишеля Фуко, Найджела Трифта и Стивена Грэхема. Этическая и историческая неопределенность сегодняшнего дня побуждает оглянуться назад и кратко рассмотреть, как создавались узлы и точки пересечения самых разнообразных потоков, движений и метаболизмов, поддерживающих и определяющих городскую жизнь.

175 Аналитик «Ведомостей» формулирует одну из сложностей жизни в условиях финансовой изоляции России: «наши банки используют инфраструктуру, над которой не имеют контроля». Борисьяк Д. 2014. Как обезопасить карты российских банков от блокировок международными платежными системами. В Думу внесен законопроект против блокировки карт российских банков международными платежными системами. - *Vedomosti.ru*. 24.03.2014.

Функционирование «гидрополиса»¹⁷⁶ (С. Грэхем) – использование запасов воды и удаление ненужного при посредстве инфраструктуры – интересный пример пересечения трех аспектов понимания городской инфраструктуры. Во-первых, они составляют ключевую часть «материальной, экономической и геополитической ткани современных городов»¹⁷⁷. Капитал по-разному оседает в городах. Когда дело доходит до инфраструктуры, большая ее часть воплощает его реальное *закапывание*. Конечно, провода и магистрали сетей коммуникаций пролегают и через город и над ним, но слово «закапывание» тут оправдано еще и потому, что прибыль от таких вложений образуется гораздо медленнее, нежели от собственно строительства. Эмпирическим проявлением этой данности является точечная застройка: врезаться в существующие сети коммуникации – значит, серьезно сэкономить на затратах. Размах девелоперства в России был бы невозможен без коррумпированного «врезания» в имеющиеся сети коммуникаций. В прошлом общественные городские активы составляют сегодня серую зону, открытую для разнообразных манипуляций. Во-вторых, сети коммуникации тесно связаны с переживанием городской культуры: «они обязательно используются в образах, репрезентациях и идеологиях урбанистического “прогресса” и города модерности всеми видами акторов – девелоперами, планировщиками, регуляторами, футуристами, производителями приборов... и... центральны для нормативных стремлений... реформаторов, модернизаторов, социальных активистов, вдохновленных идеями «хорошего города».¹⁷⁸ Состояние сетей коммуникаций может либо свидетельствовать о прогрессе либо вопить о том, что он многие наши местности обошел стариной. У нас преобладает последний вариант: тема дурно пахнущих отхожих мест эксплуатируется давно и разнообразно. В-третьих, сети инфраструктуры связаны с воспроизводством и поддержанием существующей власти: «при их посредстве люди, организации, фирмы и институты способны осуществлять влияние в пространстве и времени помимо “здесь и сейчас”».¹⁷⁹ И опять: история развития российской городской инфраструктуры (ей еще предстоит быть написанной), скорее, свидетельствует о

176 Graham S. 2000. Introduction: Cities and Infrastructure. *International Journal of Urban and Regional Research*. - March, Vol. 24, Issue 1, - p. 114.

177 Ibid, - p. 115.

178 Ibidem.

179 Ibidem.

том, что «прогресс» подтверждался заводами и амбициозными проектами, что общественное здоровье и неунизительные условия жизни всегда были на втором плане по сравнению с промышленными (в прошлом) и коммерческими (сегодня) приоритетами. В итоге далеко не каждое жилье у нас, в начале двадцать первого века, соединено с источниками чистой воды и канализацией. Как это характеризует режимы, оставшиеся в прошлом и воцарившийся сегодня? Правы ли те, кто главной причиной отсутствия масштабной инфраструктуры и неокультуренного, неподключенного к сетям быта считает невзыскательность самих обитателей российских зон санитарных лишений? Это большой и долгий разговор, но хочу подчеркнуть, что и тогда, когда мы говорим о культуре, не учитывать отношения по поводу власти над пространством не получается.

«Группы, которые пахнут»

и «причастность к привилегии величия»

«Удастся ли открытым большому миру существам - людям эпохи городов и империй – скачок от коллективного самосохранения в укрепленных городских общинах к индивидуальному обеспечению собственной безопасности в универсуме как таковом – по ту сторону случайных отечеств?»¹⁸⁰ - спрашивает Петер Слотердаик, тревожась о судьбе мобильных индивидов, некоторые из которых за переход к имперскому государству заплатили «космофобией»¹⁸¹ и полюбили «великие теории порядка»¹⁸². Слотердайку интересно, как совершался переход от имперской «иммунизации» граждан к европейской модерности, хотя он признает, что этот переход – лишь частичный, ибо империи сохранились, поддерживаемые «достаточно широким распределением шансов на причастность к привилегии величия»¹⁸³. Проводя параллель между географической глобализацией и метафизической глобализацией, он ставит в центре этого процесса город, воплощающий идею спасительной целостности¹⁸⁴ вначале буквально, посредством возведенных вокруг него стен, затем иными способами – ставя заслон грязи и вони.

180 Слотердаик П. 2007. *Сферы II. Глобусы*. - СПб, - с. 354.

181 Там же. с. 363.

182 Там же. с. 365.

183 Там же. с. 320.

184 Там же. с. 306.

Если – не забывая, что в нашем фокусе инфраструктура – определить ее историю как историю обмена полезных и вредных веществ в городе, то она связана с простым, на первый взгляд, обстоятельством: обмен тогда налачился, когда города перестали безбожно пахнуть. Случилось это, по меркам мировой истории, практически вчера: во второй половине девятнадцатого и в двадцатом веке. В опубликованном в 1889 году эссе «Французы и англичане: сравнение», критик и моралист Филипп Хамертон признавая, что обе нации могут быть сочтены относительно чисто-плотными, замечает что «большинство в них считает некоторую степень запачканности более отвечающей их представлениям об истинном удобстве»¹⁸⁵. Спокойное отношение к телесной и окружающей грязи европейцев – современников Уайльда и Рембо – отчасти объясняется нарастанием сегрегации в крупных городах; средние классы почти не сталкивались с бедностью и скученностью городских центров, предполагающих весьма высокую степень «запачканности». Больше того, некоторое кокетство наблюдений Хамертона вполне симптоматично для духа эпохи, проявлявшегося, в частности, и в публично выражаемой брезгливости по отношению к городским запахам. Это свои, индивидуальные и неизбежные, запахи были простительны, а запах, к примеру, чужих экскрементов лишь за считанные десятилетия из привычного превратился в отвратительный. Изучение книг по истории городов (а в некоторых из них запахам заслуженно посвящены отдельные главы)¹⁸⁶ побуждает задуматься о том, как быстро, по историческим меркам, телесные и житейские запахи стали стигматизированы, начали обозначать «недоцивилизованность» или социальное исключение. Запахи оказались включенными в несколько идеологий, и разделить, где заканчиваются социально одобряемые взгляды и начинаются социально порицаемые запахи, не всегда возможно.

Эпический нарратив Слотердайка интересующую нас городскую инфраструктуру помещает в историю становления оседлости. Наряду с хорошо известными культурными обретениями («плуг, меч и книга»), закрепление общностей на земле было сопряжено с

185 Briggs A. 1989. Water, Water. A review of “The Conquest of Water: The Advent of Health in the Industrial Age” by Jean-Pierre Goubert. - *London Review of Books*. - 9 November, 1989, Vol. 11, n. 21.

186 Пикард Л. 2011. *Викторианский Лондон*. - М. О более ранних временах и запахах см.: Cockayne E. 2007. *Hubbub: Filth, Noise and Stench in England, 1600-1770*. - New Haven: Yale University Press.

сильной зависимостью от их собственных отходов. Слотердаик, не церемонясь, дает крайне неожиданную трактовку идентичности укореняющегося на постоянном месте этноса: «В культурно-климатологической перспективе оседлое этническое единство представляет собой прежде всего группу, которая пахнет и в своем собственном запахе обнаруживает сферически распространяемый критерий идентичности»¹⁸⁷. (Найдется, боюсь, немало российских гуманитариев, в опыт общения которых с зарубежными коллегами или друзьями входят неловкие попытки объяснить природу специфических аммиачных облаков, что витают над туалетами иных вокзалов и автостанций, либо неозабоченность иных соотечественников *body odor*¹⁸⁸.) Если кочевники рассеивают переваренное по бескрайней степи и бегут от него прочь и вдаль, то для горожан, гнет свое Слотердаик, «характерна конвергенция между духом места и законом отхожего места»¹⁸⁹. Как горожанину не проникнуться идеями причинности, как не понять, что у любого действия есть последствия, если особый запах беспощадно свидетельствует о том, что есть поступки, которым точно не суждено остаться в тайне: «обонятельная Немезида»¹⁹⁰ настигнет и индeterminиста.

187 Слотердаик П. *Указ. соч.* - с. 340.

188 Я, к примеру, провела немало часов в разговорах на эту деликатную тему с написавшим книгу Christoph Neidhart, 2003. *Russia's Carnival: The Smells, Sights and Sounds of Transition*. - Oxford. В главке о запахах в Советском Союзе он передает спертый воздух в купе поездов, «запах гнили с оттенком мочи, особенно в плохоньких обиталищах интеллигенции» (р. 89), объясняя его тем, что люди с трудом расставались с дорогим доставшимися вещами. Он вспоминает ванны в отелях Москвы и Питера, куда он возвращался с облегчением, потому что искусственные запахи чистящих средств, означая условную чистоту, напоминали о привычном. Он описывает, как менялся запах его знакомого рабочего от понедельника к субботе (времени посещения коллективной бани), но признает, что «носы стали более деликатными», а Россия – более буржуазной, цивилизованной и приятной для самих русских» (р. 95).

189 Слотердаик П. *Указ. соч.* с. 341. Михаил Флигельман в статье «Цивилизация – это канализация (моя версия национальной идеи)» дает такую генеалогию похожей идеи: «Андрон Кончаловский в своем предисловии к книге доктора искусствоведения Александра Липкова “Толчок к размышлению, или Все о туалете” выдвигает такую версию дурного отношения к туалету в России. При огромных просторах, на которых было мало городов, и люди жили в основном в деревнях, россиянину не надо было задумываться, где найти уединенное место и как содержать его в чистоте. Позволю себе не согласиться с великим режиссером. Звучит, конечно, загадочно и где-то даже романтично – просторы, естество, удаль... Но, по моему, дело тут как раз, наоборот, в большой тесноте и скученности. А это от бедности. Основная масса населения России всегда жила либо скромно, либо бедно, либо очень бедно. Но при этом всегда был небольшой слой очень, а иногда и сказочно богатых людей, которые могли позволить себе не то что унитаз, а золотой унитаз. Граждан же, живших просто зажиточно, обеспеченно, которые могли бы установить обыкновенный фаянсовый унитаз, в процентном отношении всегда было мало». <http://www.tztver.ru/articles/detail/205>

190 Слотердаик П. *Указ. соч.* - с. 342.

В дисциплине «история городов» нехотя признается тот факт, что города до XX века представляли собой «заселенные клоаки»¹⁹¹: «Одним из любопытных фактов лондонской жизни является то, что в начале XIX века городская канализация ничем существенным не отличалась от канализации XV века... примерно под двумястами тысячами домов по-прежнему находились выгребные ямы. В жилищах бедняков жидкие нечистоты порой поднимались вверх, просачиваясь меж досками пола»¹⁹². Жизнь не щадила и обоняние москвичей: «С какой стороны ни подойдешь к ней, страшное зловоние встречает вас на самом пороге. Идем по запаху. Вот Красная площадь и на ней единственный в Москве монумент освободителям России в 1612 г. Вокруг него настоящая зараза от текущих по сторонам вонючих потоков. Около памятника будки, на манер парижских писсуаров; к ним и подойти противно. Ручьи текут вниз по горе около самых лавок с фруктами». В глубине города «в грязи и вони городские трактиры... А... рядом... отхожие места...», – сообщалось в газете «Русская летопись» в 1871-м¹⁹³. Сохранились и выразительные оценки жилого фонда Москвы: «Больше половины (52, 1%) всех жилых квартир в Москве не имеет не только теплого, но и холодного помещения для сортира, жильцы их должны пользоваться отхожим местом во дворе; при одной трети квартир есть особый сортир и только в 15% московских жилых помещений имеется ватер-клозет»¹⁹⁴. Точного знания последствий загрязнения воды и воздуха не хватало¹⁹⁵, и реки европейских столиц (как и сегодня Черное море на пляжах Крыма и Краснодарского края) несли с собой не воду, а что-то совсем иное¹⁹⁶.

В основе назревших повсеместно санитарных реформ лежало стремление сократить смертность и эпидемии, меняя целую совокупность определяющих жизнь города факторов. Эдвин Чедвик в Англии ратовал за реформу канализации с надежной статистикой

191 Там же.

192 Акройд П. 2006. *Биография Лондона*. - М., с. 397.

193 Дедюхова И. 2008. *Водоснабжение и канализация жилищного сектора России до революции*. Доступ: <http://www.deduhova.ru/srvreform/sewerage.htm>

194 *Статистический атлас города Москвы*, Вып. 2, М., 1887. Цит. по: Кириченко Е.И. 1977. *Москва на рубеже столетий*. - М., с. 65.

195 Cockayne E. 2008. *Hubbub: Filth, Noise & Stench in England*. - Yale University Press, p. 245.

196 Костенко-Попова О. 2013. Из канализации – в море. Чем опасны отечественные водоемы и курорты? - *Аргументы и Факты*. - 04.09.2013, № 36. Доступ: <http://www.aif.ru/society/healthcare/46486>

в руках и картографировал Лондон, Лидс и другие английские города середины XIX века так, чтобы можно было продемонстрировать взаимосвязь здоровья и социального благополучия жителей. Он отражал на своих картах социальные группы и места, в которых жили умершие от холеры в 1830 г., и иных болезней. Заболевания были осмыслены как следствия социального неравенства, а не результаты вредных привычек или невезения¹⁹⁷. Историк Жорж Вигарелло, противопоставляя «чистоту напоказ» XVII века (главное, чтобы лицо было чистым) и «невидимую чистоту» XVIII века, показывает, как медленно оформлялись представления о гигиене¹⁹⁸. Он описывает, что в конце XVIII и начале XIX века оформились новые ценности, в том числе пришло понимание внутреннего здоровья как силы, *vigour*: «стремясь в новой силе, буржуазия конца XVIII века, пришла к теориям чистой кожи: поры должны были быть очищены, чтобы не препятствовать динамике тела, а холодная вода должна была придать твердость связкам. Чистота освобождала и укрепляла, так что должна быть использована вода, которая стягивала и упрочивала [...] Теперь использовались те представления о воде и теле, которые отвечали теории твердости»¹⁹⁹.

«Процесс цивилизации» (Норберт Элиас) набирал силу не спеша: отношение к чистоте, здоровью и гигиене менялось, как и представления о моральных обязательствах индивида по отношению к собственному телу. Мишель Фуко напоминает, что каждое обсуждение политики с восемнадцатого века обязательно включает главы об «урбанизме, коллективных учреждениях, гигиене и частной архитектуре»²⁰⁰. Специфическими потоками веществ, связанных с повседневной жизнью субъектов, нужно было управлять так, чтобы поддержать социальный порядок и дисциплинировать частную жизнь. Порядок воплощало коллективное оборудование, включающее схемы расселения людей и насаждаемые среди программы гигиены. Если канализацию еще предстояло сделать частью социального порядка, и во многих европейских го-

197 (Автор не указан). 2012. Картографирование заболеваемости. Осознание причин эпидемий сквозь призму карт. - *ArcReview*. № 1, (60). Доступ:

http://www.dataplus.ru/news/arcreview/detail.php?ID=6662&SECTION_ID=221&print=Y

198 Vigarello G. 1998. *Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France Since the Middle Ages*. - Cambridge.

199 Ibid. p. 228-229.

200 Foucault M. 1984. *Space, Knowledge and Power*. Rabinow P. (Ed.). - The Foucault Reader. L., p. 240.

родах это массово произошло только в XX веке, то «идея патогенного города»²⁰¹ и озабоченность распространением гигиены были быстро в XIX веке увязаны властями и их идеологами с пониманием городских бедняков как политической угрозы. Балансируя между минимизацией заразных болезней в целях политической стабильности и необходимостью постоянного прироста рабочей силы, государство подвергло очищению города, а на семью возложило ответственность за воспроизводство здоровых рабочих. «Медицинализация» города выразилась в идеях о «расположении различных кварталов, их влажности и открытости, проветривании города в целом, системах его канализации и дренажа, размещении скотобоен и кладбищ, плотности населения»²⁰², и все эти активные меры по распространению общественной гигиены были способом избежать «политико-санитарной тревоги»²⁰³. Открытость, чистота, свет, систематический ремонт – все в этой оптике оказывается подвергнутым под нужды оперативного полицейского доступа и надзора, нужными, чтобы «сохранять рабочую силу»²⁰⁴, представители которой побуждаются еще и к самосохранению посредством выработки у них правильных гигиенических привычек. С «монументальной ученостью и обидным смехом»²⁰⁵, присущими его стилю, Фуко скрупулезнейшим образом разбирает, как о гигиене *говорили*, как ее *пропагандировали*, продолжая вдыхать интенсивную городскую вонь – замечу я после чтения многочисленных книг историков города XVIII-XIX века,

О важности тревожных городских запахов для парижского воображения говорит то, что «центральной целью городской гигиенической реформы было всестороннее дезодорирование городской среды»²⁰⁶. Одержимость уничтожением неприятных «эманаций» сигнализирует о меняющихся политических и социальных обстоятельствах. Реформатор барон Осман, император Наполеон III, инженер Эжен Бельгран были главными фигурами, причастными к

201 Foucault M. 1980. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. - NY, p. 175.

202 Ibid. p. 175.

203 Foucault M. 1994. *The Birth of Social Medicine*. From: Foucault M. 1994. *Power: Essential Works of Michel Foucault 1954–1984*. Ed. Faubion J. D. - NY, p. 144.

204 Foucault M. 1980. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. - NY, p. 170.

205 Sloterdijk P. 2013. *Philosophical Temperaments: From Plato to Foucault*. Access: http://issuu.com/columbiaup/docs/sloterdijk_on_foucault

206 Prendergast C. 1992. *Paris and the Nineteenth Century (Writing the City)*. - Oxford, p. 78-79.

устройству в Париже системы подземных тоннелей, именуемых Османом *Cloaca Maxima*, чтобы риторически установить связь между главными градостроительными достижениями Римской империи и реформами в Париже XIX века. Рачительный барон возражал против того, чтобы новые подземные сети использовались для транспортировки экскрементов: для их сбора до конца XIX столетия использовались выгребные ямы, откуда добро вывозилось на пригородные поля. В то же время формировался «коллективный культурный фантазм – широко разделяемый страх вонючей субстанции и отвратительных испарений»²⁰⁷. Описания переживаний парижан по поводу испарений, переносимых северо-восточным ветром из округа Монфокон объясняют, почему специфический габитус парижанина XIX века включал обостренное обоняние: «порог терпимости по отношению к запахам понизился и как условие и как следствие новой озабоченности общественным здоровьем»²⁰⁸. Миазмы, инфекция, упадок – эти вещи теперь увязались в воображении публики в крепкий узел. Неизбежные, жизненные запахи стали ассоциироваться с болезнью и смертью. Воздушным путем передаваемые инфекции стали кошмаром врачей-гигиенистов: во второй половине XIX века они стали настаивать на том, чтобы строительство новых авеню велось так, чтобы избежать чрезмерного скопления народа, а подобающая циркуляция воздуха позволяла запахам быстро рассеиваться²⁰⁹. Отныне запахи туалета олицетворяли отсталость, грязь, нищету, низшие классы. Вентиляция и дезодорирование вплелись в прогрессистские программы элиминации бедности. Соответствующие дискурсы отлагались в пропагандистских брошюрах, памфлетах, либеральной прессе, ученых книгах, переплетаясь с другими формами жизни. Реалии бедности, несчастья, трущоб, отхожих мест соединялись с опытом жизни в городе позапрошлого столетия, где субъект жил вдыхая его миазмы и отворачиваясь от его язв.

Рисуя во второй части своего монументального труда «Сферы» подробнейшую «медиаисторию империи», Слотердаек напоминает, что «пространство империи может сохраняться только в качестве семиосферы согласия относительно его благополучия или

207 Ibid. p. 77.

208 Ibid. p. 78.

209 Corbin, A. 1988. *The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination*. - Cambridge.

воспроизводства в условиях упадка и опасности»²¹⁰. О том, насколько опасно, по этой логике, зловоние, свидетельствует игривый, но точный тезис мыслителя о том, что «отвратительные эманации», присущие современному обществу, это же общество пытается перекрыть «запахами филантропии, эгалитаризма и долга памяти»²¹¹. Только в XIX-XX веках филантропия и эгалитаризм воплотились в «систематическом решении» этой специфической «эндоклиматологической» проблемы: в городах были устроены сети канализации. Снабжение города водой и использование воды для транспортировки отходов - это арена, на которой разворачиваются конкретные политико-экономические программы. Каким образом политическая экономия урбанизации проявляется в дискурсивных и материальных практиках в отношении воды? Как инновации, классовые предрассудки и экономические возможности соединяются в решении санитарных проблем?

Избавиться от человеческих отходов можно было, полагаясь на возможности либо земли, либо воды. История становления инфраструктуры включает в себя, так сказать, магистрали и боковые ходы: первые – это возобладовавшие методы транспортировки, вторые – те, что обсуждались, но были отброшены. Так, бостонские инженеры в XIX веке, обсудив использование вакуума и сжатого воздуха для транспортировки отходов (вакуумная система Берлье и гидро-пневматическая система Шоуна, задействованная в 1886 в английском парламенте и продемонстрированная на Колумбовой всемирной выставке в Чикаго в 1893-м), сочли этот способ слишком технологически сложным²¹². Понадобились бы отдельные механизмы для транспортировки экскрементов и грязной воды. Им вторили чиновники, отвечающие за общественное здоровье, и санитарные инженеры: они считали самым важным *скорость* избавления от всего ненужного для предотвращения эпидемий, а использование воды для этого было более эффективным. В Англии аналогичные дискуссии сопровождались сетованиями одних на разбазаривание полезного удобрения - человеческих экскрементов (в случае если отходы будут спускаться в море), и утверждениями других, что это не разбазаривание, а экономия: слишком дорого доставлять такой неэффективный «навоз» на поля. Реформатор

210 Слотердайк П. 2007. *Сферы II. Глобусы*. - СПб, с. 342.

211 Там же. с. 350-351.

212 Ben-Joseph E. 2005. *The Code of the City: Standards and the Hidden Language of Place Making*. - Cambridge, (MA), p. 88.

Флоренс Найтингел была активным пропагандистом водного способа. В итоге сторонники сухой либо полусухой вакуумной канализации проиграли в бостонских дебатах. Высокооплачиваемые профессионалы убедили власти в необходимости централизованной канализации (это, среди прочего, гарантировало членам их профессиональной лиги стабильные доходы и в будущем). Соображения экономии (часто использовались уже имеющиеся трубы) и простоты (централизованная транспортировка всех отходов по одним трубам), соединялись с озабоченностью вывозом всего этого за пределы города, а не эффективной переработкой²¹³. Автор этой занимательной истории об экологической слепоте западных властей добавляет нечто важное для моего дальнейшего повествования: «Такая система привлекала местные власти тем, что делала избавление от отходов автоматической процедурой и облегчала индивидуальную ответственность (...): не нужно санитарное устройство препоручать низшим классам, а нужно все для них сделать»²¹⁴.

Масштабность санитарной революции, происшедшей в Европе, впечатляет, хотя въедливые историки добавляют, что абсолютного контроля над циркуляцией чистой и грязной воды достичь не удалось нигде. Одним из источников головной боли были и остаются промышленные стоки: у промышленности был карт-бланш как на потребление воды, так и на избавление от загрязненной. В итоге договоренностей властей с промышленниками промышленные стоки попадали и в наземные водоемы и под землю. Много чего попадало и в океан: автор статьи, опубликованной в 1974 году простодушно заявляет, что «вопреки широко разделяемому мнению, океан – подходящее место для избавления от некоторых видов человеческих отходов»²¹⁵.

Особенности национальной канализации

Петер Слотердаjk, пишущий о борьбе с запахом нечистот в городской жизни – в хорошей компании: от Томаса Мора, апеллировавшего к пяти названиям фекалий в полемическом трактате, до Мишеля Монтеня, сетовавшего в «Опытах» на резкий запах кала в Париже. Упомянутый выше историк Парижа и француз-

213 Ibidem.

214 Ibid. p. 90.

215 Bascom W. 2005. *The Disposal of Waste in the Ocean*. - Scientific American, 231 (2), p. 25. From: Ben-Joseph E. 2005. *The Code of the City*. - Cambridge, p. 91.

ской культуры Кристофер Прендергаст напоминает о мусорщике, упавшем в 1782 году в сточную яму возле одного из парижских домов. Беднягу пытался спасти один из стоявших неподалеку ученых, в подобающем месте изучавших потенциал вещества, изобретатель которого клялся, что оно уничтожает миазмы. Милосердный ученый попытался сделать бедняге искусственное дыхание, но в ужасе отшатнулся²¹⁶. Меня упрекнули в слишком проблематичной параллели, но я хочу упомянуть, что почти всякий раз, когда белорусские, украинские, российские коллеги рассказывают о посещении домов простых сограждан, их озадачивают сложные запахи, вырывающиеся из жилищ²¹⁷.

Если создание современной канализации пришлось во многих европейских городах на начало двадцатого века, то в Украине, Беларуси, России и других бывших советских республиках оно массово осуществилось во второй половине двадцатого века²¹⁸. Здесь очень важно понимать, какой путь прошли наши страны к сегодняшней дезодорированной жизни больших городов и благополучных людей. Если в 1913 году лишь в 190 из 1078 городов России (число жителей свыше 10 тысяч человек) был водопровод (а в Германии в тот же период уже в 98 из 100 городов был водопровод), то сплавная канализация имелась лишь в 13 городах и устраивалась в трех. Итогом было то, что «в результате обследования городов Киева, Харькова, Ростова-на-Дону и С.-Петербурга в 1907-1910 гг. оказалось, что одною из причин широкого распространения эпидемий тифа и холеры было загрязнение водопровода сточными водами»²¹⁹. Автор «Истории туалета» сосредоточивается на санитарной жизни Питера, описывая насыщавшие воздух зловонием обозы, тянувшиеся по ночам по Невскому, протекающие выгребные ямы, спуск нечистот в дождевую канализацию, реки, каналы и Финский залив, баржи с фекалиями неподалеку от Зимнего дворца, и создание в городе к концу XIX века «общесплавной канализации», в которой циркулировали все растворимые в воде отходы» и превращение каналов города в «открытые

216 Prendergast C. 1995. *Paris and the Nineteenth Century*. - Wiley-Blackwell, p. 76-78.

217 Белорусский политический активист и урбанист Дмитрий Горенко так описывает недавнее посещение квартир в микрорайоне Комаровка в Минске: «Самое сильное впечатление длинного дня посещения людей, попросивших о возможности проголосовать - запах. Он отличается в подъездах и в квартирах стариков, в квартирах пахнет едой, в подъездах мусором и животными ... Трудно сказать, где пахнет сильнее» (пост в Facebook от 24.03.2014).

218 См. напр.: <http://vodokanal.info/about/today/cleaning/>

219 Анфимов А. М., Корелин А. П. 1995. *Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник*. - Раздел XIII. Здравоохранение. - СПб.

канализационные коллекторы»²²⁰. Жесткое огосударствление жилищной политики в СССР сопровождалось санитарным кошмаром: «катастрофическое ухудшение состояния домов в результате затопления подвалов фекалиями, происходящее вследствие подтопления грунтовыми водами, а также из-за порчи водопровода и канализации»²²¹, отмечаемое наблюдателями в 1920-е, в тех или других формах продолжается по сей день. Это интерпретируется как симптом недостаточной включенности России в ранг цивилизованных стран, ведь там представлены страны урбанизованные, а мерой урбанизации мыслится наличие канализации. Географ Татьяна Нефедова считает, что «именно отсутствие канализации, а не газа и даже не водопровода в России – верный признак застройки сельского типа, отсутствия элементарных удобств, поистине ключевой индикатор ирреальной урбанизированности» и подтверждает этот вывод такими цифрами: «лишь 143 из 1098 городов России обеспечены канализацией на 95-100%. В малых городах без канализации живет около половины населения. В средних (50-100 тысяч жителей) канализации не имеет 21% жилого фонда, а 10% лишено ее даже в городах миллионных»²²². Тот факт, что централизованная канализация в стране, прошедшей через форсированную индустриализацию, не пришла во все города, сложно уместить в голове. Нужно как-то объяснить, что за двадцатилетие постсоветского развития в городскую инфраструктуру власти, конечно, вкладывались, но, как правило деньги уходили на зрелищные, громкие проекты, к примеру новые дороги. Здесь у меня нет возможности подробно остановиться на том, как изобретательно российское правительство камуфлировало крайности сверхцентрализации, от которых страдают граждане, регионы и города России – камуфлировало сначала дискурсом модернизации и роста, а теперь уже и геополитическим громом. В этом отношении действия российских властей вполне могут быть рассмотрены в связи с неолиберальной эволюцией отношений федеральных правительств развитых капиталистических стран со своими народом и территориями²²³. У нас преобладает технокра-

220 Богданов И. 2007. *Unitas, или Краткая история туалета*. - М., НЛО, с. 69.

221 Меерович М. 2008. *Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми*. - М., с. 49.

222 Нефедова Т. 2004. *Городская сельская Россия*. - Демоскоп. Доступ: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0141/tema02.php>

223 Я рассматриваю некоторые аспекты этой гибридизации авторитаризма и неолиберализма в статье «Центр и периферия между ростом и развитием», Логос, 2013, № 4.

тический менеджмент (сегодня это повсеместно преобладающий стиль правления), а популистский консенсус достигается при помощи масс-медиа, которые организуют «участие» в принятии решений (при одновременном упрощении нравов публики). Напомню, что если реформаторы-канализационщики XIX и XX веков объясняли необходимость централизованного решения проблемы вывода отходов недоверием к доброй воле низов, то сегодня представления об отношениях между гражданами и обществом (в частности, гражданскими обязательствами) меняются опять-таки в неолиберальную сторону. Эта идеология вытесняет в частную сферу экономическое неравенство и возможности достижения гигиенического комфорта делает сугубо личной проблемой горожанина. С этой общей тенденцией перекликается такое объяснение постсоветских проблем с канализацией, предложенное Натальей Зубаревич: «Чем дальше в глубинку, тем меньше потребность (*подчеркнуто мною - Е.Т.*) в горячем водоснабжении, канализации и других удобствах. Когда у людей есть деньги, они тратят их на телевизор, автомобиль, но не на нормального вида нужник. Раз для людей это не становится значимой потребностью, то и власти особенно не стараются в деле обеспечения электората канализацией... Отсутствие канализации и других коммунальных удобств работает на закрепление патриархального образа жизни. Если вы не можете круглогодично принять душ и пользоваться унитазом, то вас довольно сложно модернизировать. Архаика быта влияет на архаику ценностей. Бытовой архаизм закрепляет очень многие мотивации, стереотипы поведения в других сферах»²²⁴. Меня смущает в таком объяснении провинциальных инфраструктурных ужасов отсутствие макроэкономических параметров и изображение все сильнее пахнущих по мере приближения субботы людей как не желающих «де-архаизироваться». Под макро-экономическими параметрами я имею в виду, в частности, то, что даже выделенные в рамках жилищно-коммунальной реформы средства на ремонт сетей коммуникации были, как правило, потрачены на другое. Я также имею в виду, что инвестиции в канализацию практически не обсуждались в качестве приоритетных ни в советское, ни в постсоветское время. Россия здесь не одинока. Если уж о Соединённых Штатах Америки Дэвид Харви пишет, что шумиха

224 Попов А. 2013. Всеобщая канализация страны. - *Эксперт*, 24 сентября. Доступ: <http://expert.ru/2013/09/24/vseobschaya-kanalizatsiya-stranyi/>

вокруг IT-отраслей и креативных индустрий, то есть, «продвинутых», а значит сулящих символические дивиденды, отраслей экономики, «отвлекла внимание от того факта, что базовые области физической и социальной инфраструктуры недополучали инвестиций»²²⁵, то что уж говорить о России и ее соседях. Однако в Штатах возможность продуктивно включиться в экономические отношения и заработать на свой дом, а не только на нужник, все же значительно выше. Что касается недостаточной модернизированности нечистоплотных сограждан, на которую сетует Зубаревич, обращение к документам, личным историям людей, материалам Сети убеждает в том, насколько реальная картина сложнее нарисованной. Она включает непроясненность вопросов собственности, постоянную смену ведомственной принадлежности имеющих (и нередко разрушающихся) сетей, недофинансирование городских администраций и многое другое. Приведу лишь «графический» фрагмент отчета Уполномоченного по правам человека Свердловской области за 2008 год, где говорится, что в городе Артемовском Свердловской области десятки жителей не имеют возможности сходить в туалет. На фоне обсуждения в администрациях многочисленных «Концепций реформирования жилищно-коммунального комплекса» коммунальщики снесли уличный деревянный туалет, служивший жителям двадцати двухэтажных домиков 30-х годов застройки. Журналист Татьяна Шарафиева поясняет, как выходят из положения жители: «Некоторые жители сделали самодельные выгребные ямы, содержимое которых они вывозят, нанимая машину, за свой счет. Но выгребные ямы - это вонь, антисанитария и т.п. У многих бабушек, таких как тетя Лида с улицы Ленина 40, которая сильно болеет, еле ходит, никому ей помочь и еще нескольких пенсионеров выгребных ям нет. Они ходят в ведро и выливают, где придется. Жители не раз обращались в администрацию, “Егоршинские вести” писали об этой ситуации, но ничего с места не сдвинулось»²²⁶. Другой пример, подтверждающий плачевное состояние санитарной инфраструктуры во многих местах России – ситуация в Ленинградской области: «В Кировском районе в поселке Павлово очистные разрушены, сточные воды сбрасываются в Неву без очистки; в городе Мга, поселках Путилово и Шум канализационные очистные не

225 Харви Д. 2007. *Краткая история неолиберализма*. - М., с. 212.

226 Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека Свердловской области в 2008 году. Доступ: <http://ombudsman.midural.ru/files/49d2f477bc203.doc>

работают. В Волосовском районе сточные воды с низкой степенью очистки сбрасываются на рельеф очистными сооружениями в деревнях Зимитицы, Каложицы, Клопицы, Курск, Сельцо, Сумино. В Ломоносовском районе практически отсутствует очистка сточных вод в деревнях Яльгелево, Малое Карлино, поселке Большая Ижора. Без очистки сбрасываются сточные воды в поселке Лукаши и деревне Сяськелево, так как очистные сооружения и там разрушены»²²⁷. То, что Дэвид Харви называет «неоколониальный и имперский подход к присвоению активов»²²⁸ проявляется, в частности, в обилии так называемых «империй климата» и «империй тепла, комфорта и уюта» - частных контор, предлагающих частные же услуги тем людям, у которых есть средства продемонстрировать причастность к современности уютным туалетом.

Серое будущее?

Пока призрачная Российская империя переживает сомнительное возрождение в умах, текстах и в политике, западные урбанисты обращаются к метафоре империи для того, чтобы зафиксировать размах, сложность и взаимозависимость сетей, которыми начинена сегодня городская жизнь: «Тот самый «черный ящик» инфраструктурных систем, неспособность пользователей видеть дальше бегущей строки, автоприборной панели, компьютерного экрана, телефонного аппарата или горячей плиты, неспособность разглядеть империю функций (*выделено мной – Е.Т.*), стоящую за работой по обслуживанию, означает слишком многое для воображения городской инфраструктуры»²²⁹. Грэхем и Трифт сетуют на то, что в представлениях горожан инфраструктура более упорядочена и стабильна, чем она в действительности есть. Невидимая инфраструктура городской жизни, делающая эту самую жизнь достаточно упорядоченной и предсказуемой, принимается нами как должное. Однако противопоставление урбанистами реальной сложности и хрупкости всей городской оснастки и воображаемого населением идеального порядка ее работы, кажется чрезмерно жестким и недооценивающим повседневную (и небезосновательную) тревожность рядового горожанина. Со сбоями в работе городских

227 (Автор не указан). *Очистные сооружения в Ленобласти не очищают воду, а отравляют природу*. Доступ: <http://47news.ru/articles/73225/>

228 Харви Д. 2007. *Краткая история неолиберализма*. – Поколение, с. 212-213.

229 Graham S., Thrift N. 2007. Out of Order: Understanding Repair and Maintenance. *Theory, Culture & Society*, 24 (3), p. 1-25. (см. перевод статьи в этом номере журнала).

сетей сталкивался каждый: лондонцы – в постоянном напряжении от забастовок и поломок в метро, жители Нью-Йорка еще не забыли об урагане «Сэнди» и 11 сентября. Да, надежность сетей городских коммуникаций принимается многими как должное, но возможность городской катастрофы не исключает никто – и в России, и повсеместно. Другое дело, разговоры о том, что платой за последний взлет имперских российских амбиций может стать развал страны, заставляют особенно ярко вообразить, насколько легко чистота и порядок в некоторых больших российских городах может уступить место разрухе. Точнее, новая разруха может добавиться к разрухе хронической. Уже сегодня разруха с ее неизменными спутниками – грязью, вонью, пылью и гнилью – упоминается и в апокалиптических прогнозах, и в описаниях российской и крымской провинциальной повседневности. Груды мусора, что видны вокруг мусорных ящиков после праздников, могут стать повсеместной обыденностью.

Нарушение привычного городского порядка, помимо видимых его компонентов, будет включать те, что раздражают иные органы чувств. Если отключение воды на пару дней сопровождается легкий неприятный запах из кранов, то страшно представить, что будет исходить из всех этих труб, решеток и сетей в случае, если коммунальщики перестанут получать платежи, а их начальники сбегут в Таиланд. Трубы, туннели и водохранилища уязвимы и без всякого урагана «Сэнди». Опыт стран-изгоев тут очень поучителен: если вы продаете только нефть, а остальное ввозите, санитарная катастрофа наступит очень быстро. Подвергнув Ирак экономическим санкциям, США не давали Багдаду импортировать насосы для заводов, которые очищают воду Тигра, превратившегося в открытую клоаку из-за разрушения заводов, перерабатывающих отходы. Хлорка, необходимая для обеззараживания воды, была запрещена потому, что могла быть использована как химическое оружие. Последствия всего этого более всего проявились в детских клиниках: из-за зараженной воды под ударом оказались, прежде всего, дети – они особенно беззащитны перед гастроэнтеритом и холерой²³⁰. Алан Вейсман, автор книги «Мир без нас» рисует будущее Нью-Йорка в случае, если жители в нем исчезнут: «Без работающих насосов, метро непроходимо затопит. За двадцать лет стальные колонны, поддерживающие улицу над поезда-

230 Gordon J. 2010. *Invisible War: The United States and the Iraq Sanctions*. - Cambridge.

ми [...] заржавеют и рухнут, Лексингтон-авеню обрушится вниз и станет рекой. В первые несколько лет без тепла, трубы в городе лопнут повсеместно, цикл «замерзание-оттаивание» переместится в квартиры, и начнется серьезное разложение. Засоренная канализация, затопленные туннели и превратившиеся в реки улицы размоют фундаменты, здания над ними рухнут. Постепенно асфальтовые джунгли уступят место настоящим»²³¹.

Зависимость судьбы горожан и города от капризов политиков разного уровня влияет на работу воображения и на то, как складываются представления о мерах, необходимых для выживания. Инфраструктура как общее благо, миллионами способов связанное с твоими личными шансами на поддержание нормальной жизни, обращает наше внимание на парадоксальность современного города – динамичного, но беззащитного. Метаморфозы воды и пищи, деятельность, чувства, опосредованные андроидами и ноутбуками, – все это нерасторжимо переплетают между собой физические, технологические и социальные процессы. За ними важно видеть различные варианты городских инфраструктур – от «умных» домов и ухоженных парков, сосредоточенных на территориях «дворянских гнезд» и коттеджных поселков, со сложными системами фильтрации воды и транспортировки наружу ненужного, до вредных отходов, таящихся в почве под домами попроще, квартиры в которых отделаны дешевыми, но вредными для здоровья материалами, где Интернет работает с перебоями, а вода из-под крана далеко не всегда фильтруется. Соглашаясь с британскими урбанистами, что «большую часть жизни в городе составляет, скорее, механическая циркуляция тел, объектов и звуков речи, равно как и наличие и регуляция в ее недрах трансчеловеческой и неорганической жизни (от крыс до канализации)»²³², все же не хочется забывать об инфраструктурном разрыве, которым отмечена жизнь большинства городов и о воспроизводстве глубоко несправедливых отношений в контексте того, что в России именуется «коммуникациями». Сегодняшние электросистемы, водоснабжение и канализация – своеобразные памятники более или менее эффективному использованию общественных денег в прошлом, к которым прибавляются сегодня последствия неудачной жилищно-коммунальной реформы. Недостаток места не дает возможности подробнее остановиться в этой статье на сегодняшнем

231 См. интервью писателя. Доступ: http://www.worldwithoutus.com/about_author.html

232 Amin A., Thrift N. 2002. *Cities - Reimagining the Urban*. - L., p. 228.

периоде, когда капиталистические интересы девелоперов побуждают их врезаться в существующие «коммуникации», обрекая «коммунальщиков» (с переменным успехом) справляться с последствиями точечной застройки. Большинство труб было проложено в советское время, они лопаются, дымя паром зимой и растекаясь летом, что теперь есть неизбежная часть городского пейзажа. Чертыхаясь и ругая мэров и губернаторов, люди как-то справляются с бытовыми трудностями. Справляются в том числе и «врезаясь» в инфраструктуру домов, вставляя свои трубы, батареи и насосы. Вот последние особенно интересны. Их тактики можно объяснить неолиберальной логикой *self-responsibilization*: чтобы напор в твоем душе был нормальным, ты должен постараться сам. Но, чтобы доставить себе утреннее удовольствие от хорошего напора воды в душе, ты захватываешь воду, предназначенную всем. «Коммунальность» жизни многотиражки тем самым — лишь видимость: ресурсы одних позволяют им устраивать мини-экспансию, присваивая то, на что другие, «лузеры», уже напрасно рассчитывают: они так и будут мыться под «писающим мальчиком» на своем двенадцатом, скажем, этаже. Мини-империя может располагаться у тебя за стеной.

Выводы

Сложность обсуждения городской инфраструктуры связана, среди прочего, с тем, что эта сторона городской жизни — типичный «гибрид» материи и ценностей, техники и аффектов, денег и представлений о цивилизационных расколах. Избавление от дурных запахов в большинстве стран было результатом воплощения двух стратегий: во-первых, трансформации гигиенических привычек индивидов и, во-вторых, внешних, совершавшихся вне жилищ, реформ и мер, связанных с планированием городов, устройством централизованной канализации (либо поощрением частных усилий), а затем — поддержания ее в порядке. Санитарная пропаганда полезных привычек, связанных и с физическим и с моральным здоровьем подкреплялась открытием новых клиник. Тесно сплетенные с самоуважением личные техники «заботы о себе» были лишь частью масштабных реформ, осуществляемых государством и бизнесом, деятельно создающих специфические сети, по которым источающие запах субстанции отводились туда, где, предполагалось, они ничье обоняние не тревожили. У нас же, в Восточной Европе и России, половинчатые результаты социалистиче-

ского проекта, соединившись с «гибридным» капитализмом, привели к тому, что общие неудачи по части избавления от вони изображаются как региональные особенности либо как проявление личной беспомощности и нецивилизованности. Отсутствие механизмов продуктивного давления на власти со стороны общественности, воспроизводство «символического насилия» (Пьер Бурдьё), выражающееся в *спокойном* отношении большинства людей к социальному неравенству, поощряет нерегулируемую урбанизацию. Пост-фордистское использование имеющихся в городе технологических сетей сопровождается выжиманием прибыли из остатков общественных благ и полным забвением эгалитаристских установок модерности. Миллионы вдыхают вонь, в то время, как одни ведут разговор о велодорожках (то есть, о воспроизводстве идеализованной модели капиталистического города), а другие воспевают воображаемый «народ», от имени которого осуществляется проблематичная политика, лишаящая сам этот «народ» (его неустанно убеждают в важности геополитических праздников) возможностей цивилизованной жизни. Инфраструктура тем самым предстает перед нами во всей ее сложности, состоя не только из технологий и материи, но и из акторов, поддерживающих существующее в порядке и пользующимся им, писанных и неписанных правил, по которым эти системы функционируют, экономических ресурсов, необходимых для ее поддержания, и культурных ценностей, с которыми она сплетена.

Эта сложность и объясняет, почему зависимость от пути предыдущего развития преследует развитие «систем коммуникаций» в той или иной стране. Радикальное их изменение невозможно нигде, но есть федеральные и региональные правительства, деятельность которых отмечена подчеркнутым равнодушием к городской инфраструктуре.

В.П.Макаренко

О ВКЛАДЕ ТОВАРИЩА СТАЛИНА В ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ЮМОРА

Шанс посмеяться

В фильме Т.Абуладзе «Покаяние» Сталин представлен дураком или шутом. Такой художественный прием не оригинален. Еще перед второй мировой войной Чарли Чаплин изобразил тирана дураком. В фильме «Диктатор» он пародировал Гитлера или Муссолини. Дать художественное воплощение дуче было несложно – актер мог пользоваться обычным реализмом при отражении прототипа. С Гитлером дело было сложнее. Он представлялся историческим трагиком. И стремился внушить публике, что принадлежит к «униженным и оскорбленным». Поэтому Чаплин ограничился высмеиванием физиономии и жестикуляции тирана.

Но над Гитлером смеялись перед войной и в ходе войны. Ему посвящались карикатуры, прозвища, анекдоты. После войны смех прекратился. Согласно Канту, природа смеха заключается в разрешении напряженного ожидания в ничто. Речь идет о диспропорции между поведением и ситуацией. У Гитлера такой диспропорции не было. Его жестикуляция напоминала пляску святого Витта и с нее до поры до времени смеялись. Едва увидели за ней тысячи эшелонов, везущих людей со всей Европы в немецкие крематории, стало не до смеха. Оказалось, что Гитлер не врал и всегда был искренен.

На основе этого факта Теодор Адорно провозгласил: после Освенцима смех стал невозможен. В этом есть определенный смысл, поскольку смех рассматривался как компенсация разлада общества с самим собой. Плебейская культура и смех Рабле, Тиль Уленшпигель и Ламме Гудзак – таковы были обычные методы реакции людей на социально-исторические гримасы. После первой мировой войны возникли литературные шедевры «Похождения бравого солдата Швейка» и «Кола Брюньон», комедии немого кино, теории смеха Хойзинги, Берсона, Бахтина. После второй мировой войны не создано ничего, достойного внимания в сфере «парадиг-

мы смеха». Поскольку такая ситуация сохраняется до сих пор, не является ли она отдаленным последствием войны? Особенно это относится к ее современным интерпретациям²³³.

Действительно, у Гитлера не было чувства юмора. Неизвестны случаи, когда он рассмешил аудиторию. Сталин смешил публику почти в каждом выступлении. Значит, смех зала доставлял ему удовольствие.

Отсюда не следует, что Сталин был классиком смеха. Вождь с трубкой и в сапогах был политиком умеренным – всю жизнь защищал союз с середняком. По этой причине его самого надо воспринимать как посредственность. Смешно считать Сталина бедняком юмора или кулаком смеха. Среди вождей революции и гражданской войны он был середняком юмора.

В то же время не стоит слепо повторять Чаплина или Абуладзе, представляя Сталина шутком или дураком. Шут всегда смешон изнутри. Сталин смешным не был, а был бесконечно скучен и банален. Перед его преступлениями с него никто не смеялся – не было повода. А после преступлений уже некому было смеяться.

Прошло уже более шестидесяти лет после того, как вождь сошел в могилу. Давно открылся исторический шанс – посмеяться теперь или никогда. Но к Сталину относятся по-прежнему серьезно. Поэтому возникает вопрос: какова структура сталинского политического комизма? Советский вождь обладал чувством юмора, поскольку сам был клоуном. Не шутком и не дураком, как пытались убедить нас в кино, а именно клоуном. В чем же состояла его политическая клоунада?

Классик политической клоунады

Сталинский юмор не был юмором обычного человека, а юмором победителя. В первых томах его сочинений нельзя обнаружить ни статей, ни речей, которые могут кого-либо рассмешить. Стенограммы его выступлений при жизни Ленина тоже не содержат ремарок о том, что оратор рассмешил аудиторию. Смех появляется после смерти Ленина, нарастает в ходе борьбы с оппозицией и достигает апогея по ее окончании.

Поэтому можно сказать: юмор Сталина расцветает по мере обострения классовой борьбы и в полном виде проявляется, когда

²³³ Примечание 2015 года: Я имею в виду поставленный на поток процесс изготовления макулатуры о войне, показательным примером которой могут служить книжки В.Р.Мединского.

он становится первым лицом в партии и государстве. Именно в это время его сочинения пестрят ремарками: «Аплодисменты», «Аплодисменты, переходящие в овацию», «Смех», «Общий смех», «Зал встает и устраивает овацию тов. Сталину». Короче говоря, жить становилось веселей по мере того, как жизнь становилась лучше. Значит, проблема остается: что оратору доставляло большее удовольствие - вызвать аплодисменты или смех? Здесь мы обречены на домыслы, которые уже никогда не дождутся окончательного подтверждения или опровержения.

В то же время косвенные доказательства позволяют предположить, что аплодисменты были важнее, поскольку они воплощали все более громкое эхо стрельбы по врагам народа. Смех оказался заменителем выстрелов. Разве взрыв коллективного смеха не напоминает артиллерийскую канонаду? И разве не сказал товарищ Сталин, что артиллерия – бог войны? Поэтому аплодисменты и смех соотносятся так, как прелюдия и финал в музыкальном произведении. Аплодисменты образуют главный пункт политической композиции, они звучат в начале и в конце. Смех занимает подчиненную роль, он звучит только в середине. Отсюда нетрудно заключить: сталинская концепция смеха является имманентной. Смех существует только там, где его бытие определено союзом с середняком в личном исполнении – интеллектуальной посредственностью вождя.

Историки сталинизма знают о множестве статей, в которых авторы обсуждают продукцию «инженеров человеческих душ» и размышляют над вопросом: может ли коммунист мечтать? Успокойм читателя: да, может. Но только авторитет Ленина склонял чашу весов в сторону такого ответа. В то же время такой ответ соответствует сталинской концепции человека.

Каждый советский человек может обладать надеждой на лучшее будущее, любовью к нашей советской родине и верой в своих вождей. То-есть, советская власть культивировала христианские ценности – надежду, веру и любовь. Нельзя ли их распространить и на природу смеха? Проблема непростая. Ильф и Петров ее почувствовали в фигуре писателя, задающего сердитый вопрос: «Что за смешки в реконструктивный период?» При Сталине были устранены любые формы социальной сатиры. Это доказывает, что вождь и его идеологи типа Жданова были согласны с христианской концепцией греховной природы смеха. Те, кто рассказывал политические анекдоты, рассматривались как несознательные

граждане, способные к измене Родине. Поэтому лучше их спрятать за колючую проволоку...

Так проблема юмора приобретала серьезное политическое значение. Разве не предупреждал товарищ Сталин, что только отъявленные враги могут сомневаться в цифрах, которые иллюстрируют улучшение положения рабочих и крестьян в СССР? Разве не говорил в самый разгар голодомора, что революция 1917 года, свергнувшая капитализм, не имела бы смысла, если бы большевики не достигли того, что страна живет все лучше и краше, а социализм не означает бедности и нищеты населения? Поэтому люди, рассказывающие анекдоты, рассматривались как грешники, которые грызут втихую яблоки, сорванные с древа познания добра и зла. Поэтому их надо изгнать из советского рая, хотя они возвели не одну стройку социализма...

Но не буду расщеплять волос на четыре части для ответа на вопрос: сколько дьявольских шуток может поместиться на конце иглы? Вне сомнения, там находится сталинский юмор. Это вечный и суровый образец, подобно наконечнику копья. Юмор – дело серьезное, ибо он вытекает из классовой борьбы и служит ей. Поэтому на юмор нельзя смотреть с интеллигентской нерешительностью и колебанием. Смех бывает только «наш» и «не наш»²³⁴. Существует строгая кодификация – кто, где, когда и как должен смеяться, чтобы смех был «наш». Самое важное в том, с кого смеяться? Ведь вождь всегда смеялся над конкретными людьми. Значит, его смех не является абстрактным: объект смеха всегда можно назвать по фамилии.

Правда, бывает и так, что кроме конкретных смешных людей есть более общие объекты смеха, из-за чего смех становится более абстрактным. Поэтому индукция – неустранимый элемент сталинского юмора. Вот здесь и возникает серьезная политическая проблема: кто из адресатов абстрактного смеха мог чувствовать себя безопаснее: тот, кого смех охватывал под рубрикой «и другие», или тот, кто к «другим» не относится? Независимо от ответа проблема смеховой индукции может быть уподоблена мурашкам по коже или стуку зубов, когда мы попадаем в смешную ситуацию...

Не исключено, что когда-нибудь возникнет статистический ежегодник культуры сталинской эпохи. В нем будет точно указано, сколько трагизма, лиризма, комизма и героизма помещалось в

²³⁴ Примечание 2015 года: В этом контексте можно анализировать идею, институциональное и символическое воплощение движения «Наши»...

различных сферах советской семейной, общественной, политической и духовной жизни. Тогда мы убедимся, что смех при Сталине занимал не последнее место. Во всех предприятиях и учреждениях – от министерства до захолустной конторы – вывешивались стенгазеты и молнии. В них высмеивались бракоделы, спекулянты, бюрократы, оппортунисты, шпионы, империалисты. В каждой газете был «Уголок юмора и сатиры». Снимались комедии типа «Волга-Волга», существовали сатирические журналы, сочинялись веселые и забавные песенки. Правда, смех Зощенко вызывал все большее сомнение. Наконец, приняли решение, что его смех «не наш». «Баня» Маяковского исчезла со сцены, зато конструктивного смеха хватало. Можно даже выдвинуть гипотезу: юмористы и сатирики лучше отражали эстетический вкус вождя, чем поэты, прозаики, композиторы и ученые. За исключением Лысенко, который затронул душу политика-юмориста. В период холодной войны сатира стала составной частью митингов и парадов. Сам тащил однажды на парад плакат, на котором было написано: «Куда конь с копытом, туда ИРАК с клешней» – по поводу вступления Ирака в какой-то военно-политический союз. И до сих пор об этом не забыл...

Советский комизм был массовым. С психологической точки зрения можно построить классификацию этого комизма с точки зрения типов личности, темпераментов, характерологических особенностей, не говоря уже о психопатах. Хорошо известно, что существует юмор параноиков, шизофреников, маньяков. Но чувство юмора связывает не только различные типы личности, а целые исторические эпохи. На основании этого принципа Сталин действовал как клоун.

Он постоянно смешил и срывал аплодисменты зрителей. Стало быть, политический клоун и зрители политического цирка были одним советским коллективом. Но здесь вдруг пришла на ум мысль: большая часть зрителей состояла из тех, кто вскоре должен быть расстрелян и уже взят на мушку.

Вот в 1930 г. Сталин смеется над тремя будущими жертвами: «Томский присоединяется к Бухарину и Рыкову, но протестует против того, что они не сумели обойтись без тезисов, не сумели обойтись без документа, за который придется потом отвечать: «Сколько раз я вам говорил – делайте, что хотите, но не остав-

ляйте документов, не оставляйте следов» (*Гомерический смех всего зала. Продолжительные аплодисменты*)»²³⁵.

Участники действия смеются над тем, что ожидает их завтра или послезавтра. В этом и состоит загадочность советского смеха – коллективная податливость на зловещие шутки первого лица государства, всеобщий взрыв хохота. Но мы находимся не в психушке, а на съезде партии. Эстетический катарсис предполагает гомерический смех после трагедии. В Советском Союзе мы слышим его до трагедии. Ничего подобного Аристотель не мог вообразить.

Значит, надо учитывать природу политического зала, в котором звучат речи Сталина и разворачивается его политическая клоунада. Это сборище людей приобретает свойства субъекта смеха: «Зал встает с мест», «Зал реагирует криками», «Зал оживляется». В то же время публика умеет ранжировать эмоции, в зависимости от положительной или отрицательной оценки высказываний вождя. Когда Сталин говорит: «А все-таки мы, старые большевики, не самые плохие люди, товарищи», – это вызывает в зале веселое оживление и длительные аплодисменты. Не взрыв энтузиазма, а только оживление. Реакция зала тонирована и дифференцирована. Но это смех жертв. Политический клоун развлекал завтрашних смертников и лагерников.

Как ползать на брюхе?

При изучении сочинений Сталина бросаются в глаза три особенности сталинского комизма: похвала насилию; высмеивание слабых; ложь. Таковы его главные приемы рассмешить аудиторию. Два первых хорошо известны: смешно подставить кому-то подножку, тайком налить в ботинок воды или вставить между пальцев ноги спящего человека бумажку и поджечь ее (так мы шутили в школе-интернате и в армии...). Тогда как третий прием смеха еще не является пройденным до конца путем. Его надо пройти, чтобы ничего не потерять из вклада Джугашвили в теорию и практику политического юмора, включая его нынешние коннотации.

В сталинских речах глагол «бить» включает следующие модификации:

²³⁵ Здесь и далее цитаты даются по сочинениям И.В.Сталина. М., 1949-1953 гг. Т.1-13. Не равнодушные к «кремлевскому горцу» могут проверить <http://grachev62.narod.ru/stalin>
Проверено 8.03.2015

1. «Накласть»: «Рабочие с полным основанием скажут: «значит оппозиционеры хотят драться и впредь, значит мало им наклали, значит надо их и впредь бить». (*Смех, возгласы: «Правильно!»*)

2. «Дать по хребту»: «Приходится иногда задевать некоторых наших товарищей, имеющих в прошлом заслуги, но страдающих теперь бюрократической болезнью... За старые заслуги следует поклониться им в пояс, а за новые ошибки и бюрократизм можно было бы дать им по хребту». (*Смех, аплодисменты*).

3. «Подтолкнуть»: «Что хочет Троцкий собственно сказать, подчеркивая этот факт? Может, хочет идти за хорошим примером и заняться, наконец, исправлением многочисленных собственных ошибок? (*Аплодисменты, смех.*) Что ж, я готов его подтолкнуть и помочь ему». (*Аплодисменты, смех*).

4. Больше всего вождю нравится глагол «гнать палкой». Здесь Сталин идет вслед за Лениным: «Вы знаете, что Каменев и Зиновьев шли на восстание из-под палки. Ленин их погонял палочкой, угрожая исключением из партии (*Смех, аплодисменты*), и они вынуждены были волочиться на восстание» (*Смех, аплодисменты*).

Стало быть, сталинская аудитория веселилась от того, что человека бьют. А ведь это были лучшие люди партии, делавшие революцию. Битье нередко связано с пренебрежением сильных к слабым. Какой же из поводов для смеха является главным: ощущение бессилия объекта смеха, после чего у субъекта возникает желание «дать» ему как следует, или же генсек всегда чувствовал желание «дать» тому, кто слабее? В каталоге шуток, которыми пользуется Сталин по отношению к своим противникам (прежним соратникам), чаще проявляется осознание их слабости и бессилия, чем желание просто «вогнуть им ума в задние ворота».

У Сталина на первом плане стоит осознание бессилия объекта смеха. Существует криминологическая теория, согласно которой жертва сама провоцирует нападение. В этом случае мы имеем дело с немотивированным и незаинтересованным насилием. Но здесь единообразия нет.

Существует относительное (по сравнению с сильным) и абсолютное (при отсутствии сравнений) бессилие. Относительное бессилие политического противника как объекта смеха существует в количественной и качественной формах.

Вот пример первой: «Конечно, немного смешно, когда эта маленькая донкихотская группа, едва собравшая в продолжение четырех месяцев около тысячи голосов, если эта маленькая группа угрожает миллионной партии: «я тебя вымету». Можете судить, до чего плачевно положение группы Троцкого, если она, работая в поте лица в продолжение четырех месяцев, едва сумела собрать около тысячи подписей. Я думаю, что любая группа оппозиционеров могла бы собрать несколько тысяч подписей, если бы она умела работать. Повторяю: смешно, когда эта маленькая группа, где лидеров больше, чем армии (*Смех*), проработавшая целых четыре месяца и едва собравшая около тысячи подписей, если эта группа угрожает миллионной партии: «я тебя вымету». (*Смех*)

Количественное противопоставление Голиафа и Давида с явным пренебрежением к Давиду проясняется в другом контексте: «Оппозиция сигнализирует нам об опасностях, о трудностях, о «гибели» нашей страны. Вот уже действительно «сигнализаторы», спасающие партию от «гибели», когда сами гибнут и действительно нуждаются в спасении! Сами еле на ногах стоят, а лезут спасать других! Не смешно ли это, товарищи? (*Смех.*) Представьте себе маленькую лодку, которая еле держится на поверхности моря и вот-вот должна погибнуть, и представьте себе великолепный пароход, который мощно прорезает волны и уверенно двигается вперед. Что бы вы сказали, если бы эта маленькая лодочка сунулась спасать громадный пароход?» (*Смех.*)

Можно сказать, что сталинский смех над меньшинством является продолжением ленинского сарказма в отношении большевиков к меньшевикам. Но этот смех не появлялся тогда, когда сами хохочущие еще были маленькой лодкой по сравнению с громадным кораблем Российской империи. Теперь они стали мощным кораблем и «режут волну». Давид превратился в Голиафа и на его устах торжествующая улыбка: мир лежит у его ног, и все в мире ползает по земле.

Поэтому качественная форма объекта смеха связана с другим глаголом: «Прошло несколько лет, – и Троцкий отказался от этих своих взглядов на большевистскую партию. И не только отказался, но приполз на брюхе к большевистской партии, войдя в нее как один из ее активных членов». (*Смех*)

Почти со столетним опозданием можно сказать: смейтесь, смейтесь, скоро вы посмеетесь за колючей проволокой. Но значительно важнее образ «ползать на брюхе». Вот и я поползу по

ландшафту сталинского юмора. В таком положении мне будет легче обнаружить врага в состоянии полного и окончательного поражения, брошенного на землю, униженного, оскорбленного и растоптанного.

С точки зрения качества враг смешон двояко: когда он сам споткнулся и перевернулся и когда он придавлен к земле победителем. В 13-м томе сочинений Сталина трижды встречается и вызывает взрыв смеха глагол «надавить»: «Неудивительно поэтому, что у съезда создалось определенное впечатление: пока не нажмешь на этих людей, ничего от них не добьешься... (*Общий смех. Продолжительные аплодисменты.*) Что же тут удивительного, если съезд сделал из этого определенный урок: не нажавши на этих людей, ничего от них не добьешься... (*Общий смех. Аплодисменты.*) Что же удивительного, если съезд попытался надавить как следует на этих товарищей, чтобы добиться от них выполнения их обязательств». (*Аплодисменты. Общий смех всего зала.*)

Если придавленный жалуется, то уже сама жалоба вызывает смех. Нужно поддержать его в придавленном положении как можно дольше, а не уничтожать сразу. Поздний сталинизм имеет на своем счету даже отмену смертной казни. Но об этом еще ничего не знает Томский и жалуется, давая повод повеселиться. «Разговоры Томского насчет того, что его хотят послать в пустыню Гоби и заставить есть дикий мед и акриды, есть пустые прибаутки провинциально-водевильного характера, не имеющие ничего общего с вопросом о достоинстве революционера». (*Смех, аплодисменты.*) Кроме унижения здесь уже явное отрицание истины. Но это не единственный пример.

С точки зрения победителя побежденные всегда выглядят низшими существами, поэтому о них можно говорить как о дворниках: «Грубо говоря, Каменев взял на себя роль, так сказать, дворника у Троцкого (*Смех.*), прочищающего ему дорогу». Речь идет о подметании пути перед Троцким, который ползет на брюхе. Образ забавный, с учетом того, что Сталин находит ему сферу применения: «Пора понять, что оппозиционеры не революционеры дела, а революционеры крикливых фраз и кинематографической ленты». (*Смех, аплодисменты.*) Сталин здесь подбрасывает идею киношникам — изобразить революционера, ползущего на брюхе.

Сталин говорит также о кастрации политических противников: «Но коль скоро эта группа отказалась от борьбы с уклоном Зиньвьева и Каменева — она оскостила себя, лишила себя силы.

Получилось сложение сил оскопленных» (*Смех, продолжительные аплодисменты*). Встречаются обвинения противников в трусости: «Зашуршал где-либо таракан, не успев еще вылезть как следует из норы, а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти» (*Общий хохот*).

Орнитологическая метафорика – следующий способ высмеивания противников: «Я хорошо помню, как в Политбюро, в присутствии тов. Ленина, Троцкий утверждал, что «кукушка уже прокуковала» дни и часы существования Советской власти (*Смех*)... Я не знаю, куковала тогда кукушка или не куковала. (*Смех*) Но если она куковала, то надо признать, что куковала она неправильно. (*Аплодисменты, смех*) Но вы все видите, товарищи, что революция живет и здравствует, а гибнут другие. Так они куковали и куковали и докуковались, наконец, до ручки». (*Смех*) Здесь насмешка, ругань, обвинения сводятся к низведению противника до размеров кукушки.

Сталин унижает противника: «Пытаясь создать новую партию, вторую партию, оппозиция, по сути дела, занимается ребяческой игрой в партию, ребяческой игрой в ЦК, в областные бюро и т.д.» (*Смех. Аплодисменты*.) Здесь вождь партии обретает уже патерналистское достоинство.

Возникает вопрос: зачем же по отношению к «ребяческим играм» применять широкие репрессии? Этот вопрос выходит за пределы сознания Сталина и его «зала». Если кто-то слаб, именно в этом и состоит причина, чтобы его покрепче прижать, отлупить, придавить, толкнуть, гнать палкой. Но Сталин никогда не говорит о том, чтобы окончательно разбить врага: в строгом соответствии со своей практической мудростью – враг уже разбит, но еще не добит. Что лишний раз доказывает: мы находимся не в кино.

Веселая вдова

В чем же специфика сталинского юмора? В искренности и беспардонном отрицании истины. Позу искренности на политической сцене культивировали многие демагоги. Мотив «признания» и публичной «исповеди» регулярно встречается в риторике Муссолини и Гитлера. У последнего высказывания о себе напоминают мелодраматический эксгибиционизм. Этот прием использовался постоянно, поскольку он вызывал симпатию слушателей. Но гитлеровские речи вызывали симпатию и вдохновение, а не смех

толпы. Тогда как Сталин многократно высказывался о себе так, что это вызывало общий смех. Данное явление трудно понять в такой, например, ситуации: «Да, товарищи, человек я прямой и грубый, я этого не отрицаю». Или в такой: «Я, грешный человек... страдаю некоторым недоверием». Обе фразы вызывали смех всего зала, а ведь слушатели знали хорошо, что сталинская грубость проявлялась в рукоприкладстве, а сталинское недоверие – зародыш маниакальной подозрительности параноика, которой никто не смог противостоять. Значит, в такой грубости и недоверии публика видела свои собственные черты. Подозрительность как политическое качество обычно обуславливается подпольным характером деятельности. А революция в России была прямым и не связанным никакими законами насилием. Поэтому неудивительно, что реакция зала на сталинское признание в грубости и недоверии просто отражала солидарность публики с вождем.

Обычно принадлежность к аппарату власти, особенно к репрессивным органам, порождает в властвующих чувство безнаказанности, поскольку аппарат является господином общества. Вследствие этого грубость становится общим свойством психологии лиц, осуществляющих власть. Ленин считал, что безнаказанность власти порождает «простой обывательский взгляд русского человека: «Нашли чему удивляться! Убили пьяного мужика в части! То ли еще у нас бывает!» И обыватель указывает вам десятки случаев, несравненно более возмутительных и при этом проходящих для виновников безнаказанно. Указания обывателя совершенно справедливы, и тем не менее он совершенно неправ и обнаруживает своим рассуждением крайнюю обывательскую близорукость»²³⁶. Если публика смехом одобряет признания вождя в грубости, то это доказывает обывательскую близорукость самой партии.

Можно понять смех делегации американских рабочих. В 1927 году они приехали в СССР и накануне отъезда были у Сталина: «По возвращении, – говорили рабочие, – нас будут спрашивать о данных разногласиях (в РКП(б). – В.М.), но мы не обладаем всеми документами. Нет у нас, например, «платформы 83-х». Сталин уходит от вопроса и нагло врет: «Я этой платформы не подписывал. Не имею права распоряжаться чужими документами».

²³⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.4. С. 412

В данном случае лжет творец гигантской тайной империи личных дел, которая собирала и сосредоточивала компрометирующие материалы на кого угодно. Он был властителем громадной системы надзора над гражданами, человеком, создавшим паучью сетку номенклатуры.

Этот тип юмора базировался на «искренности». В нем можно обнаружить фрагменты, до сих пор вызывающие улыбку. Лучшим из них является анекдот периода индустриализации: «Два года тому назад я получил письмо с Волги от одной крестьянки-вдовы. Она жаловалась, что ее не хотят принять в колхоз, и требовала от меня поддержки. Я запросил колхоз. Из колхоза мне ответили, что они не могут ее принять в колхоз, так как она оскорбила колхозное собрание. В чем же дело? Да в том, что на собрании крестьян, где колхозники призывали единоличников вступить в колхоз, эта самая вдова в ответ на призыв подняла, оказывается, подол и сказала — нате, получайте колхоз. (*Веселое оживление, смех.*) Несомненно, что она поступила неправильно и оскорбила собрание. Но можно ли отказывать ей в приеме в колхоз, если она через год искренне раскаялась и признала свою ошибку? Я думаю, что нельзя ей отказывать. Я так и написал колхозу. Вдову приняли в колхоз. И что же? Оказалось, что она работает теперь в колхозе не в последних, а в первых рядах». (*Аплодисменты*)

Моя улыбка вытекает из допущения, что анекдот целиком соответствует истине. С единственной поправкой: реакции слушателей надо поменять местами. Там, где речь идет о веселом оживлении, поставить аплодисменты, а там, где об аплодисментах — поставить смех. Но разве сегодня скажет кто-нибудь, какие чувства обуревали руководящие органы партии, принявшей решение о сплошной коллективизации? Вдова искренне признала свою ошибку спустя год. Авторы этого решения и их наследники не покаялись до сих пор.

Весь блеск и нищета сталинского юмора подтверждаются в ситуациях, когда генеральный секретарь развлекает международное общество: рабочие делегации, журналистов, писателей, политиков. Вот как он смешил американскую делегацию подозрениями, что все мировое коммунистическое движение находится под руководством Коминтерна: «Есть люди, которые думают, что члены Коммунистического Интернационала в Москве только и делают, что сидят и пишут директивы для всех стран. Так как стран, входящих в состав Коминтерна, насчитывается более 60, то може-

те себе представить положение членов Коминтерна, которые не спят, не едят и только и делают, что сидят и пишут днем и ночью директивы для этих стран».

Выводы

В эпоху сталинизма смех в советском обществе не находился под запретом. Особенно это касается верховного смеха. Его раскаты, интонация и эстетическая неподражаемость спускаются в серую массу номенклатуры. Но смех не был бюрократической директивой. Его можно уподобить солнечным лучам, поскольку вершина власти культивировала оптимизм, порождавший идеал советского человека.

В соответствии с этим идеалом гражданин должен быть энергичным, гордым и принципиальным деятелем, готовым по приказу броситься в огонь и в воду. Такие образы содержит искусство сталинской эпохи: кино, театр, книги, плакаты, массовая песня. Искусство тиражирует образы физически мощных рабочих с буйной шевелюрой, военных с выражением абсолютной готовности на лице, девиц с румянцем во всю щеку, служака-аппаратчиков в плащах, из бокового кармана у них торчит центральная газета, как пистолет в кобуре.

Лица этих людей выражают неопределенную радость жизни, безграничный оптимизм и веру. Радость жизни образует психологический и эстетический базис, над которым возносится смех как надстройка. Но содержание и цель смеха строго регламентированы: он должен быть громом и молнией, поражающей враждебные силы. Последние всегда персонифицированы. Главной враждебной силой является бюрократизм, но искусство критикует конкретного бюрократа. Этот прием есть разновидность сталинского метода унижения противника.

Определение сталинизма как бюрократического перерождения советской власти принадлежит Троцкому. Однако никто не боролся с таким размахом с бюрократизмом, как товарищ Сталин. Гонение на бюрократов было дымной завесой над гигантской системой учреждений и должностей. Сталинская и троцкистская критика бюрократии была просто рецидивом революционной штурмовщины — различного рода спонтанных действий, которые стремились приспособить к разрастающейся гидре бюрократии. Коловоращение бумаг в ней не поспевало за атмосферой казенного энтузиазма и оптимизма. Вербальная критика бюрократизма образует

специфическую черту сталинизма. Бюрократа постоянно бьют, мстят и угрожают бичом сатиры. Он становится козлом отпущения, отягощенным всеми грехами. Но эта критика ничего не меняла в характере политического режима. Смех над бюрократами был игрой на публику и разновидностью искусства внутренней дипломатии. С его помощью Сталин завоевывал популярность в народе, затрагивая тайные струны массовой «русской души», недоверчиво относящейся ко всяким белоручкам. Государственный чиновник отождествлялся с интеллигентом и должен был чувствовать себя хуже и ниже коллеги из партийного аппарата.

Сталинский смех можно разделить на три сорта: экспортный, антиинтеллектуалистский и верховный.

Смех на экспорт переплетен с ненавистью и руганью. Она направлялась против вражеских генералов и капиталистов. Первые обычно изображались с толстым пузом, тоненькими ножками, крохотной головкой под громадной фуражкой и орденом на груди. Капиталисты немногим отличались от генералов: ножки у них были еще короче, сборку громадный мешок с деньгами и сигара в зубах. Раскаты такого хохота подобны пулеметным очередям и артиллерийским залпам.

Смех по отношению ко всяким грамотеям, колеблющимся оппортунистам и фракционерам был провоцирующим и самодовольным. То был смех победителя, подобный молнии, которая в народных сказках всегда считалась признаком гнева богов.

Верховный смех целиком соответствует бюрократическим стандартам. Его принципы обязательны внутри аппарата власти: высшие уровни имеют право высмеивать глупость низших. Механизмы отрицательной селекции быстро дали результаты – в аппарате управления государством множился тип болтунов, оппортунистов, идиотов. Поэтому вершине власти было над кем посмеяться.

Вот на XV съезде партии Сталин развлекает публику рассказом об идиотизме аппарата. «Я: как у вас обстоит дело с севом? Он: С севом, товарищ Сталин? Мы мобилизовались. (Смех.) Я: Ну, и что же? Он: Мы поставили вопрос ребром. (Смех.) Я: Ну, а дальше как? Он: У нас есть перелом, товарищ Сталин, скоро будет перелом. (Смех.) Я: А все-таки? Он: У нас намечаются сдвиги. (Смех.) Я: Ну, а все-таки, как у вас с севом? Он: С севом у нас пока ничего не выходит, товарищ Сталин. (Общий хохот.) И когда, – продолжает вождь, – снимаешь с постов таких болтунов, отсылая их подальше от оперативной работы, они разводят руками и недо-

умевают: «За что же нас снимают? Разве мы не собрали слет ударников, разве мы не провозгласили на конференции ударников лозунгов партии и правительства, разве мы не избрали весь состав Политбюро ЦК в почетный президиум (*общий смех*), разве не послали приветствие товарищу Сталину, – чего же еще хотите от нас?» (*Общий хохот*).

Удивительное дело: публика падает со смеху, прекрасно зная, что вождь говорит абсолютную правду о повседневной деятельности аппарата власти. Зал прекрасно понимает, что карикатурное положение вещей, рассказанное Сталиным, является всеобщим. Отсюда можно заключить, что верховный смех связывает верхи и низы. Он является в той же степени верховным, в которой низовым и конспиративным. Он образует способ посвящения публики в политическое таинство и государственный разум: между собой мы можем говорить все! Но этот смех не лишен и веселого невежества: мы смеемся, хотя хорошо знаем, что управляем страной плохо, ну и что из того? Кто нам что сделает? И здесь уже возникает связь морали с политикой и юмором: наша сила настолько велика, что мы можем и посмеяться между собой!

Способность смеяться – отличительная черта человеческого рода. Аристотель поднял ее до ранга высших этических добродетелей. Он полагал, что тактичная шутка выражает меру между глупостью и невоспитанностью. Аристотель относил к дуракам тех, кто считает, что им можно высмеивать все и вся, а к невоспитанным тех, кто руководствуется принципом: «Я шуток не понимаю и другим шутить не позволю».

Юмор Сталина не помещается ни на полюсах, ни за пределами аристотелевской типологии. В нем связаны типы соглядата и полицейского, глупого и невоспитанного человека. Но глупым Сталина не назовешь. Куда же его отнести? Я думаю, к клоунам. Глава СССР был просто злым клоуном.

В этом смысле смех стал необходимым элементом советского образа жизни. Смех дисциплинировал и интегрировал общество вокруг поставленных социальных целей, связывал вождя и с партийно-государственным аппаратом. Смех вошел в политическую культуру общества, шагнувшего от революции и гражданской войны к «нормальному» состоянию, которое определялось политических ненормальным человеком. Этот процесс неразрывно связан с аналогичными явлениями в Европе 1920-1940-х гг. Там тоже использовали смех для подготовки жертв и зрителей к пред-

стоящим массовым репрессиям. Но об этом надо писать особую статью. Пока ограничусь общим выводом: деятельность первых лиц государства, а также внимающей им аудитории, можно рассматривать с точки зрения влияния на тех и других образцов сталинского юмора.

ЛИТЕРАТУРА

- Автор не указан. Картографирование заболеваемости. Осознание причин эпидемий сквозь призму карт. – ArcReview. 2012. № 1, (60). Доступ: http://www.dataplus.ru/news/arcreview/detail.php?ID=6662&SECTION_ID=221&print=Y
- Автор не указан. Очистные сооружения в Ленобласти не очищают воду, а отравляют природу. Доступ: <http://47news.ru/articles/73225/>
- Ад русских больниц. - Доступ: <http://uglich-jj.livejournal.com/62312.html>
- Акройд П. Биография Лондона. - М., 2006
- Алексиевич С. Интервью «Почему мы такие?», данное «Новой газете», № 95 от 28.08.2013
- Аналитический Центр Юрия Левады. 2013. Общественное мнение – 2013. Ежегодник. – М.: Левада-Центр
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
- Аникеев А.А., Лубский А.В. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа. – Научная мысль Кавказа. – 1997, № 3.
- Антропология насилия. СПб.: Наука, (Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков). СПб. Наука. 2001;
- Анфимов А. М., Корелин А. П. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. - Раздел XIII. Здравоохранение. - СПб. 1995
- Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. – М.: Издательство «Европа», 2008
- Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. Пер. с англ. и нем. Д.Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014

- Арендт Ханна. Люди в темные времена. М., Московская школа политических исследований, 2003
- Арон Р. 2005. Опиум интеллектуалов. – Логос. – 2005, № 6 (51).
- Аронек А., Коваленко О. В поисках золотого унитаза, или Экскурсия по резиденции Януковича в Межигорье. - Доступ: <http://news.tut.by/world/387941.html> См. также здесь: <http://fakty.ictv.ua/ru/index/view-media/id/55658> и здесь: <http://chechenews.com/world-news/russia/16705-1.html>
- Афанасьев Ю. Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М.: РГГУ, 2001;
- Бауман З. Законодатели и толкователи. – Неприкосновенный запас. – 2003. № 1 (27). – [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html>.
- Бек А.А. Новое назначение. – Кишинев: Картя Молдавянескэ. 1988
- Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. – М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум. 2009
- Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. – М. 1999
- Богданов И. Unitas, или Краткая история туалета. - М., НЛО, 2007
- Борисяк Д. Как обезопасить карты российских банков от блокировок международными платежными системами. В Думу внесен законопроект против блокировки карт российских банков международными платежными системами. - Vedomosti.ru. 24.03.2014.
- БСЭ. 1978. М.Т. 28
- Бурдые П. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир – Бурдые П. Начала. Choses dites. – М.: Socio-Logos. 1994
- В Киевсовете потоп. - Доступ: http://gazeta.ua/ru/articles/politics/_v-kievsovete-potop/534925;
- Волков В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., ГУ-ВШЭ, 2005;
- Волков В.В. Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, Т.2., №3;
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2006
- Генис А.А. Уроки чтения: камасутра книжника. – Москва: АСТ, 2013

- Гилден А., Шевелкина А. 2011. Сурков – путинский Распутин – InoPressa. Иностранная пресса о России и не только. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inopressa.ru/article/16dec2011/lexpress/surkov1.html>
- Голиченко Т.С. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований. – Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. № 2.
- Государственная служба: комплексный подход. Под редакцией А.В.Оболонского. М. 2009
- Графский В.Г. История политических и правовых учений. М. 2005
- Гудков Л. Страх как рамка понимания // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., МВШСЭН – ИНТЕРЦЕНТР, 2000, VII Международный симпозиум
- Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологических исследований. – М.: Фонд «Либеральная миссия». 2007
- Гудков Л., Левинсон А. Образ Сахарова в общественном мнении: 20 лет спустя // Вестник общественного мнения, 2011, №1 (107) январь-март
- Гудков Л.Д. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе. // Вестник общественного мнения. 2013. N 3-4
- Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
- Дедюхова И. 2008. Водоснабжение и канализация жилищного сектора России до революции. Доступ: <http://www.deduhova.ru/srvreform/sewerage.htm>
- Демурий М. 2014. Главная болезнь России: 150 лет диагнозу мыслителя Н.Н. Стрхова, который верен и сегодня – Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. – [Электронный ресурс]. 2014. URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/glavnaja_bolezn_rossii_488.htm
- Денисов С.А. Административное общество. – Екатеринбург: Гуманитарный университет. 2010
- Денисов С.А. Общая теории административного государства. – Екатеринбург: Гуманитарный университет. 2010
- Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М. , 2010.

Добровольский Я. Философия глупости. История и реальность того, что иррационально / Пер. с польск.- Харьков, изд-во «Гуманитарный Центр», 2014.

Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека Свердловской области в 2008 году. Доступ:

<http://ombudsman.midural.ru/files/49d2f477bc203.doc>

Иванов В.Н. Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. – СПб.: Изд-во НУ Центр Стратегических Исследований. 2005

Интервью писателя. Доступ:

http://www.worldwithoutus.com/about_author.html

Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат. 1990

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М. 1991

Кириченко Е.И. Москва на рубеже столетий. - М. 1977

Кислицын С.А., Лубский А.В. 2014. Элиты и контрэлиты России: вопросы теории и политической практики. – Ростов н/Д: Дониздат. 2014

Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. – М.: Мысль. 1993

Костенко-Попова О. Из канализации – в море. Чем опасны отечественные водоемы и курорты? - Аргументы и Факты. - 04.09.2013, № 36. Доступ: <http://www.aif.ru/society/healthcare/46486>

Кофырин Н. Петер Слотердаик, доклад в Петербурге// [philosophy.ru.livejournal.com 204044.html](http://philosophy.ru.livejournal.com/204044.html).

Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006

Левада Ю. Что может и чего не может социология. Лекция на «Полит.ру» в Билингве 16.012.2004.- <http://www.polit.ru/article/2005/01/04/levada/>

Левада Ю.А. 2006. Ищем человека: Социологические очерки. 2000-2005. – М.: Новое издательство. 2006

Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.4.

Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914). Париж, 1980.

Лубский А.В. Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность. – Научная мысль Кавказа. – 2011. № 4 (68).

Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования. 2014

- Любин В.П. О неготовности постимперского общества к демократии (Винклер Г.А. Веймар 1918-1933: История первой немецкой демократии / Пер. с нем. Е.Е. Земсковой, А.И. Савина. – М.: РОССПЭН, 2013). – Полития. – 2013. №4 (71)
- Макаренко В.П. «Свой чужой»: концепт русской власти // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2010, № 2 <http://politconcept.sfedu.ru/2010.2/07.pdf> Проверено 4.03.2015
- Макаренко В.П. Донос в системе государственного цинизма // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014, № 4
- Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. – М.: Праксис. 2005
- Макаренко В.П. Проблема когнитивного сопротивления // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012, № 2. Электронный ресурс <http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/05.pdf> Проверено 27.2.2015
- Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1. – Ростов-на-Дону: Изд-во Март. 2013
- Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. – Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы. 1998
- Макаренко В.П. 2008. Политическая концептология: первые итоги разработки. – Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. Т. 6. – № 2.
- Макаренко В.П. Кавказ – концептологический анализ. – Социологические исследования. – 2001. № 12.
- Макиавелли Н. 1982. Избранные сочинения. – М. 1982
- Макиавелли Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия. – Минск: Харвест. 2003
- Меерович М. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. - М. 2008
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII- начало XX в.). Т. 1. СПб., 2000.
- Нарский И. Российские интеллектуалы XIX–XX веков (несколько предложений по поводу теоретической рамки обсуждаемой проблематики). – Пути России. Современное интеллектуальное пространство. Школы, направления, поколения. – М.: Университетская книга. – 2009. Т. 16.

- Наталья Городецкая, Иван Сафронов. Расходное место, Коммерсантъ, № 63 от 11 апреля 2013
- Нефедова Т. Городская сельская Россия. - Демоскоп. 2004. Доступ: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0141/tema02.php>
- Общественное мнение - 2012
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. 1992 – Доступно: <http://www.ozhegov.com/index.shtml>. – Проверено: 29.01.2015 г.
- Олейник А.Н. Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. – М.: РОССПЭН. 2011
- Олейник А.Н. Повелители рынка: начало конца? – Независимая газета. – 24.12.2014 г.
- Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: ИНФРА-М. 2001
- Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М. 1968
- Пикард Л. Викторианский Лондон. – М. 2011
- Писарев Д.И. Схоластика XIX века // Сочинения в четырех томах. Т. 1, М., 1955.
- Попов А. 2013. Всеобщая канализация страны. – Эксперт. 2013. 24 сентября. Доступ: <http://expert.ru/2013/09/24/vseobschaya-kanalizatsiya-stranyi/>
- Поцелуев С.П., Константинов М.С. 2013. Интегративно-когнитивистский анализ моральных фреймов политических идеологий // Философия права. № 6(61)
- Приглашаем рожать в Россию. - Доступ: <http://uglich-jj.livejournal.com/63105.htm>
- Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии, 2002, Т.5, №1
- Салтыков-Щедрин М.Е. Избранное. – М.: «Правда». 1987
- Сахаровский сборник. Сост. А.Бабенышев. М., РГГУ, 2010
- Семенов В., Грибова О, Ходырева М. Как социологи на лекцию Слотердайка ходили // Журнальный клуб Интелрос «Credo New» №3, 2013// www.intelros.ru.
- Сеннет Р. Падение публичного человека. – М.: Логос. 2003
- Словарь по этике. Под ред. И.С. Кона. М. 1975
- Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА. Перевод с немецкого Л. Перцева. 2009

- Слотердайк П. Сферы. Т. 1-3, СПб., 2005—2010.
- Собчак об уходе Суркова с поста главы администрации президента. 2012. – 812`ONLINE. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.online812.ru/2011/12/22/010/>
- Сталин И.В. Сочинения. Т.1-13. М., 1949-1953.
- Статистический атлас города Москвы, Вып. 2, М., 1887
- Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации. 2010
- Телепередача «Право голоса», ноябрь 2013 г.
- Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ». 2002
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2015
- Троцкий Л.Д. 1990. Их мораль и наша // Вопросы философии. 1990. № 5
- Трубина Е.Г. Центр и периферия между ростом и развитием // Логос, 2013, № 4.
- Уайльд О. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы. Эссе, Лекции и эстетические миниатюры. Письма. – М.: ТЕРРА. 2000
- Усманова А. Философия и позиция критического интеллектуала сегодня. – Топос. – 2005, № 1. – [Электронный ресурс]. URL: <http://belintellectuals.eu/publications/200/>.
- Фадеева Л.А. 2012. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада. – Диалог со временем. – 2012. Вып. 41. – [Электронный ресурс]. URL: http://roii.ru/dialogue/41/roii-dialogue-41_6.pdf
- Флигельман М. Цивилизация – это канализация (моя версия национальной идеи) // <http://www.tztver.ru/articles/detail/205>
- Хабермас Ю. 2006. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала. – Неприкосновенный запас. – № 3(47). – [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>
- Харви Д. 2007. Краткая история неолиберализма. – М. Поколение, 2007
- Шан цзюнь шу (Книга правителя области Шан) М. 1968
- Шкуратов В.А. Интеллигенция в проекте современности // Логос, 2005, № 6.
- Шкуратов В.А. Интеллигенция между организацией и самоопределением // Организационно-управленческая психология. Проблемы и перспективы (материалы конференции). Ростов-на-Дону, РГУ, 1990.

Шкуратов В.А. Искусство экономной смерти. (Сотворение видеомира). Ростов-на-Дону. 2006.

Шкуратов В.А. Похороны и торжества (к скриптополитике и скрипторелигии русской интеллигенции)//Политическая концептология, 2009, №4.

Этот город в говне: район Хабаровска уходит под канализацию. - Доступ: <http://andrey-che.livejournal.com/2702701.html> (2013-08-27);

Я требую от власти ответственности! Беседа с главным редактором «Художественного журнала» Виктором Мизиано. 1996. – Логос. – № 6 (16).

Янов А.Л. 1995. После Ельцина: «Веймарская» Россия. – М.: Крук.

Agger R.E., Goldstein M.N., Pearl, S.A. Political Cynicism: Measurement and Meaning. – The Journal of Politics. 1961, Vol. 23, No. 3.

Amin A., Thrift N. Cities - Reimagining the Urban. - L., 2002

Annan N. Intellectual Aristocracy. – Studies in Social History / Ed. by J. Plumb. – L.: Longmans. 1955

Arendt H. In der Gegenwart. Ыungen im politischen Denken II / U. Ludz (Hrsg.). Мьнchen: Piper, 2000.

Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Ыungen im politischen Denken I / ungekьrzte Taschenbuchausgabe. Мьнchen: Piper, 2012.

Aron R. The Opium of the Intellectuals. – N.Y.:Doubleday & Company, Inc., 1957

Bascom W. 2005. The Disposal of Waste in the Ocean. - Scientific American. 2005, № 231 (2)

Ben-Joseph E. The Code of the City: Standards and the Hidden Language of Place Making. - Cambridge, (MA), 2005

Briggs A. Water, Water. A review of “The Conquest of Water: The Advent of Health in the Industrial Age” by Jean-Pierre Goubert. - London Review of Books. - 9 November, 1989, Vol. 11, n. 21.

Christoph Neidhart. Russia’s Carnival: The Smells, Sights and Sounds of Transition. – Oxford, 2003

Cockayne E. Hubbub: Filth, Noise and Stench in England, 1600-1770. - New Haven: Yale University Press, 2007

Corbin, A. The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination. – Cambridge, 1988

Duby G. Les trois ordres ou l’imaginaire du feodalisme. Paris, 1978.

- Dumezil G. Mythe et йpopйе. Paris, 1968. Vol. 1.
- Etzioni A, Bowditch A. Public Intellectuals: An Endangered Species? – N.Y.: Rowman & Littlefield, 2006
- Foucault M. 1980. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. - NY, 1980
- Foucault M. 1984. Space, Knowledge and Power. Rabinow P. (Ed.). - The Foucault Reader. L., 1984
- Foucault M. 1994. The Birth of Social Medicine. From: Foucault M. Power: Essential Works of Michel Foucault 1954–1984. Ed. Faubion J. D. - NY, 1994
- Foucault M. Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France, 1977-1978. – Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell, 2007
- Foucault M. The Government of Self and Others. Lectures at the Collège de France, 1982-1983. – New York: Picador/Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell., 2011
- Foucault M. The Courage of Truth (The Government of Self and Others II). Lectures at the Collège de France, 1983-1984. – Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell., 2011
- Gattone Ch. F. The Social Scientist as Public Intellectual. Critical Reflection in a Changing World. – N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers., 2006
- George R. The Big Necessity: The Unmentionable World of Human Waste. - Metropolitan Books., 2008
- Goldman J. A. Building New York's Sewers: Developing Mechanisms of Urban Management. - West Lafayette (IN); 1997
- Gordon J. Invisible War: The United States and the Iraq Sanctions. - Cambridge., 2010
- Graham S. Introduction: Cities and Infrastructure. International Journal of Urban and Regional Research. – 2000, March, Vol. 24, Issue 1
- Graham S., Thrift N. 2007. Out of Order: Understanding Repair and Maintenance. Theory, Culture & Society, 2007, № 24 (3)
- Helmke G., Levitsky, S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. – Perspectives on Politics. – 2004, Vol. 2, No. 4
- Heyck T.W. The Transformation of Intellectual Life in Victorian England. – L.: Croom Helm., 1982
- <http://vodokanal.info/about/today/cleaning/>

- Intellectuals in Liberal Democracies. Political Influence and Social Involvement / Ed. by Alain G. Gagnon. – N.Y.; L.: Praeger. 1987
- Keating A. N. Invisible Networks: Exploring the History of Local Utilities and Public Works. - Malabar (FL)
- Lippman W. The Phantom Public. – N.Y: Macmillan, 1927
- Lipset S.M., Dobson R.B. The Intellectual as Critic and Rebel; With special reference to the United States and the Soviet Union. – Daedalus. – 1972, Vol. 101. – N 3.
- Litt E. Political Cynicism and Political Futility. – The Journal of Politics. – 1963. Vol. 25, No. 2. – pp. 312-323.
- Lochte T. Film im Bosco: Hannah Arendt // Kulturwelle. 05. 29.04.2014. – Режим доступа: <http://kulturwelle5.de/artikel/201403/filmkritik-hannah-arendt> (Дата посещения: 23.08.2015).
- Ludz U. Nachwort der Herausgeberin // Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Ёbungen im politischen Denken I. Мьн-chen: Piper, 2012.
- Lyotard J-F. The Tomb of the Intellectual. –Lyotard J-F. Political Writings. University of Minnesota Press, 1993
- Machiavelli N. The Prince. – Oxford: Oxford University Press. Translated by L. Ricci. 1903
- McKinney H. A. The Development of Local Public Services, 1650-1860. - Westport (CT); 1995
- Melosi M. V. The Sanitary City: Urban Infrastructure in America from Colonial Times to the Present. - Baltimore; 2000
- Merriam-Webster. 2015. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 2015. – Доступно: <http://www.merriam-webster.com/info/index.htm>. – Проверено: 29.01.2015 г.
- North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press., 1990
- Oleinik A. Knowledge and Networking: On Communication in the Social Sciences. – New Brunswick, NJ and London: Transaction Publishers., 2014
- Oleinik A. The Invisible Hand of Power: An Economic Theory of Gate Keeping. – London: Pickering & Chatto., 2015
- Posner R. Public Intellectuals: A Study of Decline. – Cambridge, MA: Harvard University Press. 2002
- Prendergast C. Paris and the Nineteenth Century (Writing the City). - Oxford, 1992

- Rose M. *Cities of Light and Heat: Domesticating Gas and Electricity in Urban America*. - University Park: Pennsylvania State University Press. 1995
- Russel B. *Power: A New Social Analysis*. - L.: Allen&Unwin, 1957
- Said E.W. *Representations of the Intellectual*. - N.Y.: Vintage books, 1994
- Schuck A.R.T., Boomgaarden H.G., de Vreese C.H. *Cynics All Around? The Impact of Election News on Political Cynicism in Comparative Perspective*. - *Journal of Communication*. - 2013, Vol. 63, No. 2.
- Schumpeter J.A. *Capitalism, Socialism and Democracy*. - N.Y.: Harper & Row. 1942
- Shils E. *The Intellectuals and the Powers: Some perspectives of Comparative Analysis*. - *On Intellectuals*. - N.Y.: Garden City. 1970
- Shlapentokh V. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing values in post-Stalin Russia*. - Oxford: Oxford University Press. 1989
- Sloterdijk P. 2013. *Philosophical Temperaments: From Plato to Foucault*. Access: http://issuu.com/columbiaup/docs/sloterdijk_on_foucault
- The Phantom Public Sphere* / ed. Br. Robbins. - Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993
- Trotha von, Tr. *Zur Soziologie der Gewalt* // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, Sonderheft 37, 1997
- Van Tuinen S. *Critique Beyond Resentment: An Introduction to Peter Sloterdijk's Jovial Modernity* // *Cultural Politics*, 2007, Volume 3, Number 3.
- Vigarello G. *Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France Since the Middle Ages*. - Cambridge. 1998
- Wartenberg T.E. *The Forms of Power: From Domination to Transformation*. - Philadelphia, PH: Temple University Press. 1990
- Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology*. - New York: Bedminster Press. 1968
- Wierck P. *Shame and Glory of the intellectuals*. Boston: Beacon Press. 1953
- Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. - New Haven, CT and London: Yale University Press. 2005

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдулов Николай Степанович, кандидат исторических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Бокоев Олег, студент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Вольчик Вячеслав Витальевич, доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Гудков Лев Дмитриевич, доктор философских наук, профессор (Левада-Центр, Москва)

Денисов Сергей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент (Гуманитарный университет, Екатеринбург)

Драч Геннадий Владимирович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, заслуженный деятель науки (Ростов-на-Дону)

Евченко Наталья Николаевна, доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Иванников Иван Андреевич, доктор философских и юридических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Камкия Беслан Астамурович, кандидат философских наук, доцент Сочинского института Российского университета дружбы народов (Сочи)

Константинов Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра политической концептологии Высшей школы бизнеса Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Кравцов Николай Александрович, кандидат юридических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Лубский Анатолий Владимирович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Макаренко В.П., доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии педагогических наук Украины, директор Центра политической концептологии Высшей школы бизнеса Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Марченко Татьяна Александровна, доктор социологических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Матвеев Герман Аронович, кандидат исторических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Оболонский Александр Валентинович, доктор юридических наук, профессор Научно-исследовательского университета – Высшая школа экономики (Москва)

Олейник Антон Николаевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН (Москва), профессор Мемориального университета Ньюфаундленда (Сент-Джонс, Канада)

Попов Вадим Юрьевич, младший научный сотрудник Центра политической концептологии Высшей школы бизнеса Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Поцелуев С.П., доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра политической концептологии Высшей школы бизнеса Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Протасеня Дарья Николаевна, аспирант Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Трубина Елена Германовна, доктор философских наук, профессор Уральского федерального университета им.Б.Н.Ельцина (Екатеринбург)

Шкуратов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Научное издание

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРЕВОГА:
ПРОБЛЕМА ЛЖИ И ЦИНИЗМА В ПОЛИТИКЕ**

Ответственный редактор В.П. Макаренко

Подписано в печать 21.09.2015 г. Заказ № 4710.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Тираж 500 экз.

Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 13,1.

Издательство Южного федерального университета.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел. (863) 247-80-51.